UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324453 0
PG
3467
M4
1914
t. 21

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО

Из книг
П. С. БАРАНОВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

№ 80

Томъ XXI.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

PG
3467
M4
1914
t.21

СОФОКЛЪ

АНТИГОНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антигона }
Исмена } дочери царя Эдипа.
Креонъ—новый правитель Ѳивъ.
Эвридика—жена Креона.
Гемонъ—сынъ Креона и женихъ Антигоны.
Стражъ.
Вѣстникъ.
Слуга.
Хоръ—старѣйшинъ Ѳиванскихъ.
Тирезіи—прорицатель.

АНТИГОНА.

Дай голову твою обнять, Исмена!
Сестра моя, скажи, какой бѣдѣ
Изъ многихъ бѣдъ — отца и насъ, невинныхъ
Его дѣтей, оставшихся въ живыхъ,
Не обрекалъ Зевесъ? и есть ли въ мірѣ
Хоть что-нибудь неправедное злое,
И горькое—невѣдомое намъ?
Ты слышала ль, сестра, о томъ, что нынѣ
Всѣмъ гражданамъ правитель повелѣлъ?
Иль можетъ быть, не знаешь ты, Исмена,
Что ждетъ друзей твоихъ судьба враговъ?

ИСМЕНА.

Еще ко мнѣ, сестра, не доходила
Ни горькая, ни сладостная вѣсть,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ убилъ въ сраженьи брата,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились въ тотъ же день
Обоихъ. Въ ночь ушли войска аргосцевъ;
Не слышала я больше ничего—
Ни радости достойнаго, ни горя.

АНТИГОНА.

Я позвала тебя за двери дома,
Чтобъ говорить наединѣ съ тобой.

ИСМЕНА.

Какой полна ты думой сокровенной?

АНТИГОНА.

Не повелѣлъ ли царь изъ нашихъ братьевъ
Единаго землѣ предать, лишивъ
Всѣхъ почестей другого? Этеоклъ
Священнаго обряда удостоенъ,
Въ подземный міръ сошелъ къ роднымъ тѣнямъ.
А между тѣмъ останки Полиника
Креонъ велѣлъ не предавать землѣ,
И, не почтивъ обрядомъ, не оплакавъ,
Не пріютивъ въ могилѣ, бѣдный трупъ
Покинуть хищнымъ птицамъ на съѣденье.
Такъ приказалъ нашъ добрый царь тебѣ—
И мнѣ, увы! Провозгласить велѣнье
Онъ къ намъ идетъ. Что бъ ни было, законъ
Исполнится, и будетъ непослушный
На площади побитъ камнями. Знаешь
Теперь ты все и показать должна,
Достойной ли отъ предковъ благородныхъ,
Безчестной ли отъ честныхъ родилась.

ИСМЕНА.

Но если царь велѣлъ, сестра, подумай.—
Смирюсь иль нѣтъ,—что̀ сдѣлать я могу?

АНТИГОНА.

Захочешь ли помочь мнѣ въ трудномъ дѣлѣ?

ИСМЕНА.

Свой замыселъ открой мнѣ.

АНТИГОНА.

Тѣло брата
Похоронить.

ИСМЕНА.

Законъ царя нарушить
Посмѣешь?

АНТИГОНА.

Да. И если ты боишься,
Одна исполню я обрядъ надъ милымъ.—
Измѣнницей не назовутъ меня.

ИСМЕНА.

Безумная, наперекоръ царю?

АНТИГОНА.

Царь не заставитъ не любить меня,
Кого люблю!

ИСМЕНА.

Сестра, ты позабыла,
Какъ нашъ отецъ, узнавъ, что онъ—злодѣй,
Отверженный и ненавистный людямъ,
Исторгнувъ очи самъ себѣ, погибъ;
Какъ мать—она была ему женою
И матерью—на петлѣ роковой
Повѣсилась; какъ оба брата пали
Несчастные, другъ друга умертвивъ,
Въ единый мигъ на томъ же полѣ битвы.
Теперь, когда остались мы однѣ,
Безъ помощи,—подумай, Антигона,
Какая ждетъ насъ гибель, если, власть
Царя презрѣвъ, законъ его нарушимъ.
Мы—женщины, не намъ вести борьбу
Неравную съ мужами: наша доля,—
Предъ сильными покорствуя, молчать.
У мертвеца я вымолю прощенье
Невольнаго грѣха и покорюсь
Велѣнію владыки: неразумно
Желать того, что выше силъ моихъ.

АНТИГОНА.

Я ни о чемъ просить тебя не буду
И не приму я помощи твоей.

Что хочешь, дѣлай;—я же тѣло брата
Похороню, и будетъ смерть моя
Желанною. Презрѣвъ законъ людской,
Исполню долгъ и лягу рядомъ съ нимъ,
Въ одномъ гробу, любимая съ любимымъ.
Я не живымъ, а мертвымъ угодить
Хочу затѣмъ, что съ ними буду вѣчно
Лежать въ землѣ. А ты живи, презрѣвъ
Все, что святымъ считаютъ боги.

ИСМЕНА.

Свято
Я сердцемъ чту боговъ, но силы нѣтъ
Противиться велѣнію законовъ.

АНТИГОНА.

Ищи себѣ предлога...—Я иду
Могильный холмъ воздвигнуть Полинику.

ИСМЕНА.

О, милая, мнѣ страшно за тебя!

АНТИГОНА.

Себя спасай, а за меня не бойся.

ИСМЕНА.

Не говори про замыселъ ни съ кѣмъ...
Не правда ли, хранить мы будемъ тайну?

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, ступай къ врагамъ, открой имъ все:
Безмолвствуя, ты будешь ненавистнѣй.

ИСМЕНА.

Какимъ огнемъ полна твоя душа!

АНТИГОНА.

Усопшему любовь моя отрадна.

ИСМЕНА.

Ты все равно не можешь...

АНТИГОНА.

Пусть,—когда
Не хватитъ силъ, я отрекусь отъ цѣли.

ИСМЕНА.

Не лучше ли къ тому, что выше силъ,
Не приступать?

АНТИГОНА.

Молчи, молчи, Исмена,
Не то врагомъ ты будешь мнѣ навѣкъ
И ненавистною роднымъ тѣнямъ
Сойдешь въ могилу. Дай исполнить мнѣ
Мой замыселъ безумный и погибнуть,—
Прекрасной будетъ смерть моя!

ИСМЕНА.

Иди
И знай, что ты уходишь неразумной,
Но любящей и вѣрной до конца.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Лучъ зари, первый взглядъ
Золотистаго дня,
Надъ Диркейской волной
И надъ Ѳивами
Семивратными

Ты блеснулъ,—и, смутясь,
Предъ тобою бѣжалъ
Воинъ съ бѣлымъ щитомъ,
Мужъ изъ Аргоса,—
Полиникъ къ намъ пришелъ,
Полный хитрой вражды,
Полиникъ свою рать
Въ шлемахъ блещущихъ,
Съ конской гривою,
Къ намъ привелъ: такъ изъ тучъ
Съ бѣлоснѣжнымъ крыломъ,
Съ громкимъ крикомъ орелъ
Низвергается.

Антистрофа первая.

Онъ надъ Ѳивами сталъ,
Поднялъ копья, открылъ
Кровожадную пасть,
Какъ чудовище.
Но убійствами
Не насытившись, врагъ
Отступилъ: нашихъ стѣнъ
Не коснулся пожаръ.
Вѣя ужасомъ,
Богъ войны загремѣлъ,
И надменную рѣчь
Ненавидящій Зевсъ,
Видя гордое,
Въ блескѣ золота,
Вражье войско, того,
Кто готовъ былъ кричать
О побѣдѣ,—во прахъ
Сбросилъ молніей.

Строфа вторая.

Палъ, загремѣлъ и о землю ударился тяжко
Молніей бога сожженный, за мигъ передъ тѣмъ

Страшный и яростью бурѣ подобный.
Но благодатный, великій Арей,
Непобѣдимый союзникъ,
Поколебалъ ихъ ряды,
Въ полѣ разсѣялъ
И погубилъ.
Семь вождей бѣгутъ, покинувъ
Богу мѣдные трофеи.
Только тѣ, кого вскормили
Мать одна, одинъ отецъ,
Только два несчастныхъ брата
Устремили другъ на друга
Копья, оба побѣдили,—
И удѣлъ обоихъ—смерть.

Антистрофа вторая.

Въ городъ, гдѣ гулъ колесницъ не смолкаетъ, съ привѣтомъ,
Съ громкою славой богиня Побѣда вошла.—
Войны забудемъ и храмы наполнимъ
Пѣньемъ и пляской на цѣлую ночь.
Вакхъ, потрясающій землю
Въ пляскѣ ударомъ ноги,
Хоровъ веселыхъ
Будетъ вождемъ.—
Но сюда грядетъ владыка
Менойкидъ, правитель новый
Въ этотъ день, когда свершилась
Воля вѣчная боговъ,
Царь, въ душѣ своей питая
Новый замыселъ, не даромъ
На совѣтъ—старѣйшинъ ѳивскихъ
Чрезъ глашатаевъ созвалъ.

КРЕОНЪ.

Возстановивъ нашъ городъ, потрясенный
Ударомъ волнъ во время долгихъ бурь,

Желанный миръ намъ боги даровали.
Созвалъ я гражданъ избранныхъ сюда,
Чтобъ объявить имъ волю нашу: чтили
Вы древній скиптръ и тронъ священный Лайя;
Вы вѣрными остались до конца
И при царѣ Эдипѣ, и при дѣтяхъ
Покойнаго царя. Когда же братья
Въ братоубійственномъ сраженьи пали,
Разящіе, сраженные другъ другомъ,—
По всѣмъ правамъ ближайшаго родства,
Я власть отъ нихъ наслѣдственную принялъ.
Вы знаете, какъ трудно угадать
И помыслы, и душу человѣка,
Пока въ рукахъ онъ власти не имѣлъ.
Кто хочетъ быть царемъ, не помышляя
О благѣ всѣхъ; кто истину скрываетъ,
И для кого не выше всѣхъ друзей
Отечество,—презрѣнія достойнымъ
Того считаю. Богъ свидѣтель мнѣ:
Молчалъ ли я когда-нибудь изъ страха,
Скрывалъ ли я грозящую бѣду,
И былъ ли врагъ отечества мнѣ другомъ?
О, нѣтъ, всегда я думалъ объ одномъ—
О благѣ общемъ: для него и близкихъ
Я забывалъ. Такъ думаю и нынѣ
И пользу тѣмъ отчизнѣ принесу.
Вотъ и теперь я приказалъ, да будетъ
Похороненъ, какъ доблестный герой,
За родину на полѣ брани павшій,
Съ торжественнымъ обрядомъ Этеоклъ.
А Полиникъ, бѣглецъ и врагъ народа,
Вернувшійся на родину затѣмъ,
Чтобъ сжечь до тла и городъ нашъ, и храмы
Родныхъ боговъ, чтобъ насъ поработить,
Насытившись убійствами и кровью,
Я повелѣлъ,—да будетъ онъ лишенъ
Надгробныхъ слезъ и жалобъ, и молитвъ,

Да будетъ трупъ его, ужасный людямъ,
Добычей псовъ и кровожадныхъ птицъ.
Я такъ хочу: не долженъ быть порочный
Превознесенъ надъ праведнымъ; а тотъ,
Кто возлюбилъ отчизну, будетъ нами
Всегда почтенъ, и мертвый, и живой.

ХОРЪ.

Ты такъ рѣшилъ, Креонъ, о, сынъ Менойка?
Судьба враговъ отечества, судьба
Его друзей—въ твоихъ рукахъ: ты можешь
Приказывать и мертвымъ, и живымъ.

КРЕОНЪ.

Вы избраны исполнить волю нашу.

ХОРЪ.

О, царь, назначь другихъ, моложе насъ.

КРЕОНЪ.

Я сторожей давно приставилъ къ тѣлу.

ХОРЪ.

Но чѣмъ еще могли бы мы служить?

КРЕОНЪ.

Храня законъ, казните непокорныхъ.

ХОРЪ.

Какой безумецъ самъ пойдетъ на смерть?

КРЕОНЪ.

Хотя грозитъ виновнымъ смерть, но подкупъ
Ужъ много разъ губилъ людей.

(Входитъ стражъ.)

СТРАЖЪ.

О царь!
Я не бѣжалъ,—я шелъ не торопясь,
Не разъ мой шагъ я замедлялъ въ раздумьѣ,
Не разъ съ пути вернуться я хотѣлъ,
И говорилъ мнѣ тайный голосъ: «Бѣдный,
Не самъ ли ты на казнь твою бѣжишь?
А между тѣмъ вернуться ты не можешь;
Другой царю разскажетъ эту вѣсть,
И все-таки ты казни не избѣгнешь».
Такъ думалъ я и шелъ не торопясь,
И краткій путь мнѣ показался длиннымъ.
Но, наконецъ, я долженъ былъ притти.
Хотя и самъ я многаго не знаю,—
Тебѣ, Креонъ, всю правду я скажу.
Послѣднее осталось утѣшенье:
Что Рокъ судилъ, того не миновать.

КРЕОНЪ.

Чего ты такъ боишься? Что случилось?

СТРАЖЪ.

Сперва скажу я о себѣ: ни въ чемъ
Я предъ тобой не виноватъ, не знаю
Виновнаго, и было бы, мой царь,
Казнить меня несправедливо.

КРЕОНЪ.

Вижу,
Стараешься ты оградить себя:
Должно-быть, вѣсть недобрая.

СТРАЖЪ.

Великій
Внушаетъ страхъ предчувствіе бѣды,

КРЕОНЪ.

Но знать я долженъ,—говори жъ скорѣе!

СТРАЖЪ.

Открою все: тайкомъ—не знаю кто—
Пришелъ и, трупъ покрывъ сухою пылью,
Могильные обряды совершилъ.

КРЕОНЪ.

Что говоришь ты? Кто посмѣлъ!

СТРАЖЪ.

Не знаю;
Земля кругомъ нетронута была
Ни заступомъ, ни острою лопатой,
И слѣдъ колесъ глубокой колеи
Не проложилъ въ кремнистомъ дикомъ полѣ,
И не осталось никакихъ уликъ
Виновнаго. Отъ стражи первой смѣны
Услышали мы утромъ о бѣдѣ,
И всѣ тогда подумали: вотъ чудо
Зловѣщее.—Невидимъ былъ мертвецъ,
Не погребли, а лишь землей покрыли,
Чтобъ охранить отъ святотатства трупъ.
И не нашли мы никакихъ слѣдовъ:
Ни хищный звѣрь, ни песъ не приходилъ
И мертваго не трогалъ. Брань и крики
Послышались; мы всѣ наперерывъ
Въ несчастіи другъ друга попрекали,
И дракой споръ окончиться грозилъ.
Мы вѣрнаго не знали ничего,
И помириться не могли, и втайнѣ
Подозрѣвали мы другъ друга всѣ.
Межъ тѣмъ боговъ въ свидѣтели призвать,
Пройти огонь и въ руки взять желѣзо
Каленое готовъ изъ насъ былъ каждый,

Чтобъ доказать, что раньше не слыхалъ
Про заговоръ преступный и ни въ чемъ
Ни помысломъ, ни дѣломъ не повиненъ.
Такъ спорили напрасно мы; но вдругъ
Одинъ изъ насъ сказалъ такое слово,
Что головой поникли молча всѣ,
Въ смущеніи, и какъ бѣды избѣгнуть—
Не вѣдали, и не принять совѣтъ
Мы не могли: и было это слово
О томъ, что скрыть несчастіе нельзя,
Что мы должны сказать тебѣ всю правду.
Послушались совѣта — и меня
По жребію, какъ вѣстника, избрали.
И вотъ я здѣсь—наперекоръ тебѣ
И мнѣ, затѣмъ что ненавидятъ люди
Того, кто вѣсть недобрую принесъ.

ХОРЪ.

О, царь, давно я думалъ: это чудо
Не боги ли послали намъ?

КРЕОНЪ.

Молчи!
Не то мой гнѣвъ заслужишь ты, и люди
Сочтутъ тебя безумнымъ. Неужель
Ты могъ сказать, подумать могъ, что боги
Заботятся объ этомъ трупѣ, чтутъ,
Какъ своего избранника, хоронятъ
Въ землѣ родной того, кто къ нимъ пришелъ,
Чтобъ грабить, жечь, законы ихъ разрушить
И разметать священные дары,
И осквернить ихъ жертвенники? Боги?
Ты видѣлъ ли, чтобъ награждали злыхъ
Безсмертные? Нѣтъ, не боговъ, а гражданъ
Виню во всемъ: роптали на меня
Бунтовщики, главами помавая,

Стряхнуть ярмо пытаясь: мой законъ,
Ихъ золотомъ подкупленная стража
Нарушена затѣмъ, что деньги—зло
Великое для смертныхъ: изъ-за денегъ
Обречены на гибель города,
И отчій кровъ изгнанникъ покидаетъ;
И, развративъ невинныя сердца,
Дѣяніямъ постыднымъ учатъ деньги
И помысламъ коварнымъ, и нечестью.
Но часъ придетъ, и не минуетъ казнь
Преступниковъ, подкупленныхъ врагами.

(Стражу.)

А вы—коль тѣхъ, кто трупъ похоронилъ,
Вы, отыскавъ, ко мнѣ не приведете,—
Клянусь (и вѣрь, пока я чту отца
Кроніона, той клятвы не нарушу!)
Не будетъ смерть вамъ легкой карой, нѣтъ,
Я не убью, живыми васъ повѣшу
И пытками заставлю говорить,
Пока я всѣхъ виновныхъ не узнаю;
И прибыли искать васъ научу,
Гдѣ слѣдуетъ, награду принимая
Не всякую: приносятъ больше зла,
Чѣмъ выгоды, неправедныя деньги...

СТРАЖЪ.

Дозволишь ли мнѣ слово молвить, царь?

КРЕОНЪ.

Я словъ пустыхъ уже довольно слышалъ.

СТРАЖЪ.

Что оскорбилъ я: сердце, или слухъ?

КРЕОНЪ.

Къ чему ты рѣчь ведешь?

СТРАЖЪ.

О, царь, подумай:
Кто вѣсть принесъ, тотъ слухъ твой оскорбилъ,
А душу—тотъ, кто совершилъ злодѣйство.

КРЕОНЪ.

Лишь безъ толку умѣешь ты болтать!

СТРАЖЪ.

А все же, царь, я предъ тобой невиненъ

КРЕОНЪ.

Ты измѣнилъ, за деньги совѣсть продалъ.

СТРАЖЪ.

О горе! Чѣмъ разубѣдить того,
Кто ложному повѣрилъ подозрѣнью?

КРЕОНЪ,

Да, говори, что хочешь, о своей
Невинности, но если не найдете
Преступника, увидите, что скорбь
Рождается отъ прибыли нечестной.

(Уходитъ.)

СТРАЖЪ *(про себя)*.

Отыщутъ ли виновника, иль нѣтъ—
О томъ судьба и боги только знаютъ.
Но во дворецъ ужъ больше никогда
Я не вернусь къ тебѣ, мой повелитель,
И небеса благодарю за то,
Что гибели избѣгнулъ такъ нежданно!

(Уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Въ мірѣ много силъ великихъ,
Но сильнѣе человѣка
Нѣтъ въ природѣ ничего.
Мчится онъ, непобѣдимый,
По волнамъ сѣдого моря,
Сквозь ревущій ураганъ.
Плугомъ взрываетъ онъ борозды,
Вмѣстѣ съ работницей-лошадью,
Вѣчно терзая Праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли.

Антистрофа первая.

Звѣря хищнаго въ дубравѣ,
Быстрыхъ птицъ и рыбъ, свободныхъ
Обитательнницъ морей,
Силой мысли побѣждая,
Уловляетъ онъ, раскинувъ
Имъ невидимую сѣть.
Горнаго звѣря и дикаго
Порабощаетъ онъ хитростью
И на коня густогриваго,
И на быка непокорнаго
Онъ возлагаетъ ярмо.

Строфа вторая.

Создалъ рѣчь и вольной мыслью
Овладѣлъ, подобной вѣтру,
И законы начерталъ,
И нашелъ пріютъ подъ кровлей
Отъ губительныхъ морозовъ,
Бурь осеннихъ и дождей.
Злой недугъ онъ побѣждаетъ

И грядущее предвидитъ,
Многоумный человѣкъ.
Только не спасется,
Только не избѣгнетъ
Смерти никогда.

Антистрофа вторая.

И гордясь умомъ и знаньемъ,
Не умѣетъ онъ порою
Отличить добро отъ зла,
Человѣческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть онъ готовъ.
Но и царь непобѣдимый,
Если нѣтъ въ немъ правды вѣчной,
На погибель обреченъ:
Я ни чувствъ, ни мыслей,
Ни огня, ни кровли
Съ нимъ не раздѣлю!

(Вдали показывается Антигона. Ее ведутъ подъ стражей.)

ХОРЪ.

Кто это, боги, какое видѣніе чудное?
Ты ль Антигона, Эдипа великаго,
Многострадальнаго
Скорбная дочь?
Нынѣ ведутъ Антигону подъ грозною стражею.
Ты ли, законамъ людскимъ непокорная,
Смѣло нарушила
Волю царя?

СТРАЖЪ.

Предъ вами та, что тѣло Полиника
Предать землѣ пыталась. Гдѣ Креонъ?

ХОРЪ.

Онъ изъ дворца выходитъ.

КРЕОНЪ.

Что случилось?
Кто спрашивалъ меня?

СТРАЖЪ.

Пусть люди, царь,
Себя вовѣкъ не связываютъ клятвой;
Вторая мысль едва придетъ на умъ,
Какъ первая намъ кажется ошибкой.
Я поклялся къ тебѣ не приходить,
Испуганный угрозами твоими.
Но счастіе нежданное сильнѣй
Всѣхъ радостей другихъ. Нарушивъ клятву,
Пришелъ опять и дѣвушку привелъ,
Ту самую, что мертваго почтила
Обрядами. Но знай—на этотъ разъ
Не избранъ я по жребію случайно,—
Нѣтъ, самъ нашелъ ее: мнѣ одному
Принадлежитъ вся честь. Теперь, владыка,
Виновную ты можешь, допросивъ,
Изобличить. Но видишь, я оправданъ
И милости твоей достоинъ.

КРЕОНЪ.

Гдѣ
И какъ ее нашелъ ты?

СТРАЖЪ.

Для могилы
Ужъ землю рыла.

КРЕОНЪ.

Правда ли?

СТРАЖЪ.

О царь!
Я видѣлъ самъ, какъ трупъ она хотѣла
Предать землѣ. Ужели и теперь
Словамъ моимъ правдивымъ ты не вѣришь?

КРЕОНЪ.

Разсказывай: хочу я знать про все,

СТРАЖЪ.

Случилось такъ: лишь только мы вернулись,
Дрожащіе, боясь твоихъ угрозъ,
Какъ, разметавъ всю пыль надъ мертвымъ тѣломъ
И обнаживъ полуистлѣвшій трупъ,
Въ унынiи мы сѣли, противъ вѣтра,
Чтобъ запаха избѣгнуть, на холмѣ,
И бодрствовать другъ друга побуждали
Словами бранными. Въ тотъ самый часъ,
Когда стоитъ блестящій кругъ свѣтила
Великаго въ зенитѣ и лучи
Палящіе кидаетъ, вдругъ мы видимъ,
Какъ буря, пыль взметая до небесъ,
Надъ знойною долиной закружила
Внезапный вихрь и листья сорвала
Въ дубровѣ, мглой наполнивъ воздухъ. Долго,
Закрывъ глаза, мы ждали, чтобъ утихъ
Небесный гнѣвъ. Когда жъ промчалась буря,
Надъ мертвецомъ, склоненную въ тоскѣ,
Увидѣли мы плачущую дѣву,
И жалобный былъ голосъ у нея,
Пронзительно унылый, какъ у птицы,
Когда она горюетъ, увидавъ,
Что нѣтъ въ гнѣздѣ ея птенцовъ любимыхъ.
Такъ бѣдная надъ оскорбленнымъ трупомъ
И плакала, и проклинала тѣхъ,
Кто разметалъ могильный холмъ; и пыли,

Въ ладони рукъ сбирая, принесла;
Усопшаго почтивъ, она изъ мѣдной
И кованой амфоры льетъ струи
Священныя тройного возліянья.
И мы ее схватили; но она,
Безстрашная, вины не отрицала
И намъ во всемъ призналась такъ легко,
Что радостно и горько было мнѣ:
Избѣгнуть смерти—радостно, и горько—
Обречь на смерть достойную любви...
Но людямъ жизнь всего дороже въ мірѣ.

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ главу склонила? Отвѣчай:
Виновна ты иль нѣтъ?

АНТИГОНА.

Я не скрываю—
Я твой законъ нарушила.

КРЕОНЪ *(стражу)*.

Иди—
Оправданъ ты отъ обвиненій тяжкихъ.

(Антигонѣ.)

А ты скажи намъ прямо: волю нашу
Ты знала ли?

АНТИГОНА.

Не знать я не могла:
Весь городъ зналъ.

КРЕОНЪ.

И преступить законъ
Осмѣлилась?

АНТИГОНА.

Закона твоего
Не начерталъ ни Богъ, ни справедливость,
Царящая въ загробномъ мірѣ. Нѣтъ,
Не знала я, что, по земному праву
Царей земныхъ, ты можешь, человѣкъ,
Велѣнія божественныхъ законовъ,
Не писанныхъ, но вѣчныхъ, преступать,
И не вчера рожденныхъ, не сегодня,
Но правящихъ всегда,—никто изъ насъ
Не вѣдаетъ, когда они возникли.
Я думала, что лишь безсмертнымъ дамъ
Отчетъ во всемъ; что воли человѣка
Я на землѣ бояться не должна;
Что если бъ ты мнѣ смертью неизбѣжной
И не грозилъ,—я все-таки умру:
Не лучше ли мнѣ умереть до срока?
Не можетъ смерть не быть желанной тѣмъ,
Кто жизнь, какъ я, проводитъ въ скорби вѣчной.—
И вотъ зачѣмъ я на судьбу мою
Не жалуюсь; но, если бъ тѣло брата,
Исполнивъ долгъ, землѣ не предала,
Тогда скорбѣть должна бы я,—не нынѣ.
А ты смотри, чтобы, назвавъ меня
Безумною, ты не былъ самъ безумцемъ!

ХОРЪ.

У дочери суровый духъ отца:
Она главы не склонитъ подъ ударомъ.

КРЕОНЪ.

Кто слишкомъ гордъ, того сломить легко:
И сталь, принявъ въ огнѣ закалъ могучій,
Ломается, и малою уздой
Намъ буйнаго коня смирить не трудно.
Надменныя мечты въ душѣ питать

Не должно тѣмъ, кто у другихъ во власти.
Она вдвойнѣ виновна: мой законъ
Нарушила и надо мной смѣялась
И хвастала. Но если этотъ смѣхъ
И торжество безъ тяжкаго возмездья
Останутся,—о, пусть тогда ее,
А не меня считаютъ мужемъ. Знайте:
Хотя и дочь она сестры моей,
Но если бы еще по крови ближе
Была, чѣмъ всѣ, кого объединилъ
У очага семейный Зевсъ-хранитель,
И то, клянусь, возмездья не могла бъ
Избѣгнуть,—нѣтъ! И съ ней сестра погибнетъ,
Въ ея винѣ сообщница.—Но гдѣ
Она?—Пускай мнѣ приведутъ Исмену.
Безумную, отъ горя внѣ себя,
Я во дворцѣ засталъ ее не даромъ.
Такъ злую мысль таящихъ выдаетъ
Смятеніе, но и преступникъ явный,
Мечтающій словами оправдать
Вину свою, мнѣ столь же ненавистенъ.

АНТИГОНА.

Иль у меня отнять ты хочешь больше,
Чѣмъ жизнь мою?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, я хочу обречь
Тебя на смерть,—мнѣ большаго не надо.

АНТИГОНА.

Не медли же. О чемъ намъ говорить?
И мнѣ въ словахъ твоихъ отрады мало,
И ничего желаннаго, повѣрь,
Изъ устъ моихъ услышать ты не можешь.—
Исполненъ долгъ: мой братъ похороненъ,

Я не могу достигнуть большей славы.
Когда бъ не страхъ, сковавшій имъ уста,—
Оправдана была бы я народомъ.
Но, кромѣ всѣхъ неисчислимыхъ благъ,
Принадлежитъ земнымъ владыкамъ право—
Все говорить и дѣлать, что хотятъ.

КРЕОНЪ.

Ты мыслишь такъ одна во всемъ народѣ.

АНТИГОНА.

Такъ мыслятъ всѣ, но предъ тобой молчатъ.

КРЕОНЪ.

Не стыдно ли, что ты одна не хочешь
Молчать?

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, не стыдно мертвыхъ чтить!

КРЕОНЪ.

Но не былъ ли противникъ Полиника
Твой братъ родной?

АНТИГОНА.

Отъ одного отца
И матери.

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ же оскорбила
Ты почестью, оказанной врагу,
Другого брата?

АНТИГОНА.

Тѣнь его, я знаю,
Не обвинитъ меня.

КРЕОНЪ.

Почетъ одинъ.
Ты воздаешь и доброму, и злому?

АНТИГОНА.

Но развѣ былъ сраженный Полиникъ
Невольникомъ, не братомъ Этеокла?

КРЕОНЪ.

Одинъ врагомъ отчизны палъ, другой—
Защитникомъ.

АНТИГОНА.

Равняетъ всѣхъ Аидъ.

КРЕОНЪ.

Въ Аидѣ злымъ и добрымъ—воздаянье
Неравное.

АНТИГОНА.

Что свято на землѣ—
Считаютъ ли святымъ въ загробномъ мірѣ?

КРЕОНЪ.

И мертвый врагъ не можетъ другомъ быть.

АНТИГОНА.

Я родилась не для вражды взаимной,
А для любви.

КРЕОНЪ.

Иди же ты въ Аидъ
И тамъ люби. А на землѣ я женамъ
Царить не дамъ,—клянусь,—пока я живъ!

ХОРЪ.

Вотъ у порога Исмена
Льетъ о сестрѣ своей бѣдной

Тихія слезы любви.
Скорбь опустилась, какъ туча,
И на прекрасныхъ ланитахъ—
Жаркій румянецъ отъ слезъ.

КРЕОНЪ *(Исменѣ)*.

Ехидна, въ домъ проникшая, чтобъ выпить
Всю кровь мою, межъ тѣмъ какъ я не зналъ,
Что на груди вскормилъ двухъ змѣй, двухъ тайныхъ
Враговъ престола моего,—иди,
Иди сюда и отвѣчай: была ли
Сообщницей, иль клясться будешь намъ,
Что ничего не знаешь?

ИСМЕНА.

Я виновна,
И, если мнѣ она позволитъ,—съ ней
Я раздѣлить хочу вину и кару.

АНТИГОНА.

Ты мой удѣлъ не въ правѣ раздѣлить:
Я помощи твоей не принимала.

ИСМЕНА.

Я не стыжусь—въ страданіяхъ тебѣ
На жизнь и смерть быть спутницей и другомъ.

АНТИГОНА.

Кто другомъ былъ на дѣлѣ—знаетъ тѣнь
Сошедшаго въ Аидъ; а тѣхъ, кто любитъ
Лишь на словахъ,—не надо мнѣ.

ИСМЕНА.

Сестра,
Не оскорбляй меня, позволь, оплакавъ
Родную тѣнь, съ тобою умереть!

АНТИГОНА.

Ты не умрешь со мной: ты недостойна.
Я умереть хочу одна.

ИСМЕНА.

Увы!
Зачѣмъ мнѣ жить, когда тебя не будетъ?

АНТИГОНА.

Спроси о томъ Креона, чей законъ
Ты чтила свято.

ИСМЕНА.

Пощади! Напрасно
Не унижай меня!

АНТИГОНА.

Когда смѣюсь
Я надъ тобой, я за тебя страдаю.

ИСМЕНА.

О, чѣмъ помочь тебѣ?

АНТИГОНА.

Лишь о себѣ
Заботься; вѣрь: я твоему спасенью
Завидовать не буду.

ИСМЕНА.

Горе мнѣ!
Я участи твоей, твоихъ страданій
Не раздѣлю.

АНТИГОНА.

Тебѣ хотѣлось жить,
Мнѣ—умереть.

ИСМЕНА.

Какъ я тебя молила!..

АНТИГОНА.

Ты предъ людьми права, а я хочу
Быть правою передъ тѣнями мертвыхъ.

ИСМЕНА.

Но мы въ одномъ съ тобой виновны...

АНТИГОНА.

Нѣтъ,
Живи, сестра. Будь твердою, мужайся.
А я уже навѣки отошла
Къ моимъ тѣнямъ возлюбленнымъ...

КРЕОНЪ.

Я вижу:
Одна изъ нихъ безумной родилась,
И только что сошла съ ума другая.

ИСМЕНА.

Владыка, умъ скорбѣвшаго не тотъ,
Что былъ до скорби: измѣняетъ душу
Страданіе.

КРЕОНЪ.

Должно-быть, разумъ твой
Затмила скорбь: вотъ почему такъ жаждешь
Ты раздѣлить съ преступными вину.

ИСМЕНА.

Ахъ, что мнѣ жизнь, когда сестры не будетъ!

КРЕОНЪ.

Не говори о ней: ея ужъ нѣтъ
Среди живыхъ,

ИСМЕНА.

И ты убьешь невѣсту
Возлюбленнаго сына?

КРЕОНЪ.

Для мужей—
Довольно женъ: земли всегда довольно
Для пахарей!

ИСМЕНА.

Повѣрь, онъ не найдетъ
Такой души, ему родной и близкой.

КРЕОНЪ.

Чтобъ взялъ жену порочную мой сынъ,
Я не хочу.

АНТИГОНА.

О, бѣдный, милый Гемонъ,
Тебя отецъ безчестью предаетъ!

КРЕОНЪ *(Антигонѣ)*.

Оставь меня, чтобъ не слыхалъ я больше
Ни о тебѣ, ни о любви твоей!

ИСМЕНА.

Ты разлучишь ихъ?

КРЕОНЪ.

Смерть ихъ разлучитъ.

ИСМЕНА.

Она умретъ,—и знать, что нѣтъ спасенья!..

КРЕОНЪ.

Она умретъ! Не медлите, рабы:
Во внутренность дворца ихъ уведите.
Вы тамъ должны стеречь ихъ, никуда
Не выпускать: спасенья ищутъ въ бѣгствѣ
И смѣлые, когда грозитъ имъ казнь.
(Рабы уводятъ подъ стражей Исмену и Антигону.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Благо тѣмъ, кто всю жизнь безъ печали провелъ.
Но когда потрясутъ небожители
Твое счастье, твой домъ,—это бѣдствіе
Отъ тебя черезъ всѣ поколѣнья пройдетъ:
Такъ, ѳракійскою бурей гонимыя,
Проносясь черезъ бездны подводныя,
Подымаютъ со дна волны черный песокъ,
И полны берега потрясенные
Воплемъ и грохотомъ.

Антистрофа первая.

Многолѣтняя скорбь переходитъ въ семьѣ
Лабдакидовъ отъ прадѣдовъ къ правнукамъ.
Нѣтъ спасенья: бѣды за бѣдами,
Смерть за смертью: ихъ губитъ безжалостный богъ.
Оставалась отъ рода Эдипова
Только слабая вѣтвь, беззащитная,
Лучъ, блеснувшій во мракѣ... Но вотъ и тебя,
О, послѣдняя жертва безумія,
Поражаютъ кровавой сѣкирою
Боги подземные.

Строфа вторая.

Громовержецъ, развѣ можетъ
Человѣческая сила
Власть твою преодолѣть?
Зевсъ, одинъ непобѣжденный
Сномъ, владыкой всѣхъ живущихъ,
И теченьемъ быстрыхъ лѣтъ,
Не старѣющій, всесильный,
Надъ Олимпомъ свѣтозарнымъ
Въ блескѣ вѣчномъ ты царишь.
Нами же, слабыми, жалкими,
Нынѣ, и въ прошломъ, и въ будущемъ,

Правитъ законъ: въ человѣческой
Жизни скорбямъ непричастнаго
Нѣтъ ничего.

Антистрофа вторая.

А лукавая надежда,
Утѣшительница смертныхъ,
Увлекаетъ, обманувъ
Легкокрылыя желанья,
И незнающихъ ведетъ
Прямо къ безднѣ, прямо къ смерти.
И прославлено не даромъ
Изреченье мудреца:
Если тебя небожители,
Смертный, ведутъ къ преступленію,—
Злое тогда тебѣ кажется
Добрымъ—и знай, что погибели
Не избѣжишь.

(Вдали показывается Гемонъ.)

Видишь, царь, подходитъ Гемонъ,
Твой любимый сынъ: должно-быть,
О несчастной Антигонѣ
Онъ горюетъ, о невѣстѣ,
Ложа брачнаго лишенъ.

КРЕОНЪ.

Тотчасъ мы все узнаемъ.—Милый Гемонъ,
Врагомъ ли ты приходишь, услыхавъ,
Что я обрекъ на смерть твою невѣсту,
Иль все жъ отецъ твой дорогъ для тебя?

ГЕМОНЪ.

Тебѣ я весь принадлежу; давая
Разумные совѣты, ты ведешь
Меня къ добру;—ни для какого брака
Не отступлю отъ мудрости твоей.

И хорошо, дитя мое, что воля
Отцовская тебѣ дороже всѣхъ
Желаній. Вотъ за что мнѣ милъ послушный
И добрый сынъ; онъ мститъ врагу отца;
Его друзей онъ такъ же чтитъ и любитъ,
Какъ самого родителя; а тотъ,
Кто сыновей рождаетъ безполезныхъ,
Тотъ скорбь себѣ рождаетъ и врагамъ
Великое посмѣшище. О, Гемонъ,
Ты мудростью не жертвуй никогда
Для женщины: покажутся супругу
Холодными объятья злой жены,
Живущей съ нимъ безъ мира и согласья.
Что можетъ быть губительнѣй друзей
Неистинныхъ. Измѣнницу отвергни,—
Пускай другихъ въ Аидѣ жениховъ
Себѣ найдетъ. Въ непослушаньи дерзкомъ
Одну ее въ народѣ уличивъ,
Я не солгу предъ городомъ и смерти
Ее предамъ, хотя бъ на помощь Зевса
Она звала, хранителя семьи.—
Покорности и отъ чужихъ не требуй,
Кто воспиталъ мятежный духъ въ семьѣ;
А кто въ дѣлахъ домашнихъ мудръ,—сумѣетъ
И городомъ разумно управлять,
И властвовать, и покоряться власти;—
Во всемъ ему довѣрься: будетъ онъ
Въ смятеньи битвъ незамѣнимымъ другомъ
И воиномъ безтрепетнымъ; но тѣхъ,
Кто царствовать мечтаетъ надъ царями,
Презрѣвъ законъ, я тѣхъ не похвалю;
Чтить волю тѣхъ, кто правитъ нами, должно
Не только въ легкомъ, но и трудномъ; вѣрь,
Нѣтъ хуже зла, чѣмъ духъ мятежный: гонитъ
Отъ очага домашняго людей,

И воиновъ онъ обращаетъ въ бѣгство
Постыдное, и губитъ города.
А граждане, покорные владыкѣ,
Спасаются; и такъ, оберегать
Намъ слѣдуетъ законъ, не допуская,
Чтобъ женщина владѣла нами;—нѣтъ
Когда мнѣ пасть назначено Судьбою,
Пускай паду я отъ руки мужей,—
Но женщинѣ не покорюсь вовѣки!

ХОРЪ.

Насколько я, годами удрученный,
Могу судить,—ты правду говоришь.

ГЕМОНЪ.

Дарованный богами, разумъ въ людяхъ
Прекраснѣе всего, что въ мірѣ есть.
Я не скажу, сказать я не посмѣю
Что ты неправду говоришь, о, нѣтъ!
Но, можетъ-быть, отецъ, есть доля правды
И у другихъ. Мнѣ легче знать про то,
Что думаетъ народъ, что порицаетъ;
Межъ тѣмъ какъ царь единымъ взоромъ страхъ
Внушаетъ тѣмъ, чьи праведныя рѣчи
Ему не льстятъ. И вотъ я знаю, царь,
Что въ тайнѣ всѣ невинную жалѣютъ
И сѣтуютъ, что ожидаетъ смерть
Позорная за подвигъ дочь Эдипа
Несчастную, что не хотѣла трупъ
Погибшаго въ бою родного брата
Въ добычу птицъ и кровожадныхъ псовъ,
Лишеннаго могилы, бросить въ полѣ:
«Не должно ли наградой золотой
Ее почтить?»—такъ въ городѣ глухая
Молва идетъ. А для меня, отецъ,
И жизнь, и честь твоя всего дороже,

Затѣмъ, что сынъ величіемъ отца
Бываетъ гордъ, отецъ—величьемъ сына.
Не думай же, что истина тебѣ
Принадлежитъ и никому другому;
Кто всѣхъ умомъ мечтаетъ превзойти
И мужествомъ, и даромъ слова,—часто
Ничтожнѣй всѣхъ; а истинный мудрецъ
Упорствовать не будетъ въ заблужденьи:
Благой совѣтъ онъ приметъ не стыдясь.
Такъ дерево, поникшее вѣтвями,
Не падаетъ, а гордый стволъ потокъ
Бушующій съ корнями вырываетъ;
Такъ мореходъ, свой парусъ не сложивъ
Подъ бурею, спасается на утлой
Скамьѣ гребцовъ—обломкѣ корабля.—
Забудь же гнѣвъ, скажи, что отмѣняешь
Ты приговоръ. Насколько я могу,
Какъ юноша, судить о томъ,—нельзя
Желать, чтобъ всѣ рождались мудрецами;
А если умъ столь рѣдкій даръ,—то пусть
Хоть умному совѣту люди внемлютъ.

ХОРЪ.

Въ чемъ Гемонъ правъ,—послушайся его;
А ты прими совѣтъ отца: разумно
Вы говорили оба.

КРЕОНЪ.

Непристойно
Мнѣ юношей выслушивать совѣты
Въ моихъ лѣтахъ.

ГЕМОНЪ.

Будь справедливъ, отецъ:
Не сколько лѣтъ я жилъ, а сколько правды
Въ моихъ рѣчахъ,—подумай.

КРЕОНЪ.

Рѣчь твоя
Лишь объ одномъ, что слѣдуетъ преступнымъ
Потворствовать.

ГЕМОНЪ.

Я не просилъ тебя
Преступнаго щадить.

КРЕОНЪ.

Ты не считаешь
Виновной Антигону?

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, отецъ;
Всѣ граждане и весь народъ ѳиванскій
Ея вины не признаютъ.

КРЕОНЪ.

Народъ
Не можетъ мнѣ повелѣвать.

ГЕМОНЪ.

О, царь,
Теперь не я,—ты самъ заговорилъ,
Какъ юноша неопытный и пылкій.

КРЕОНЪ.

Въ моей землѣ я царствую одинъ.

ГЕМОНЪ.

Принадлежать не можетъ одному
Свободная земля.

КРЕОНЪ.

Принадлежитъ
Земля тому, кто въ ней царитъ по праву.

ГЕМОНЪ.

Не лучше ли въ пустынѣ одному
Тебѣ царить?

КРЕОНЪ.

Онъ борется отважно
За женщину!

ГЕМОНЪ.

Тебя хочу спасти
И честь твою.

КРЕОНЪ.

Меня же обвиняя
Во всемъ?..

ГЕМОНЪ.

Отецъ, ты былъ неправъ...

КРЕОНЪ.

Неправъ,
Когда хотѣлъ, чтобъ граждане законовъ
Не нарушали?

ГЕМОНЪ.

Ты неправъ былъ тѣмъ,
Что самъ законъ божественный нарушилъ.

КРЕОНЪ.

О, слабая, презрѣнная душа.
Рабъ женщины!

ГЕМОНЪ.

Зато слѣпого гнѣва
И низкихъ чувствъ не буду я рабомъ!

КРЕОНЪ.

За милую ты заступился!

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ!
Я заступился за себя, отецъ,
За честь твою и за боговъ подземныхъ.

КРЕОНЪ.

Довольно словъ пустыхъ... Мнѣ жалокъ тотъ,
Кѣмъ женщина владѣетъ.

ГЕМОНЪ.

Такъ не хочешь
Ты выслушать меня?

КРЕОНЪ.

Я все рѣшилъ:
Твоей женой не будетъ дочь Эдипа
Здѣсь, на землѣ...

ГЕМОНЪ.

Когда она умретъ,
То и другой погибнетъ!

КРЕОНЪ.

Ты грозишь?

ГЕМОНЪ.

Угроза ли отвѣтъ рѣчамъ безумнымъ?..

КРЕОНЪ.

Остерегись, чтобъ собственныя рѣчи,
Оплакавъ ихъ, ты скоро не назвалъ
Безумными!..

ГЕМОНЪ.

Когда бъ отцомъ ты не былъ,
Назвалъ бы я тебя безумцемъ!

КРЕОНЪ.

Что?
Что говоришь?.. Клянусь Олимпомъ вѣчнымъ,
Не отомстивъ, я не снесу такой
Обиды!.. Воины, сюда ведите
Преступницу: она умретъ сейчасъ же,
Здѣсь, на глазахъ его!

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, не увидятъ
Глаза мои: я ухожу, отецъ,
И не вернусь; и съ этихъ поръ одинъ,
Среди рабовъ безумствовать ты можешь!

(Уходитъ.)

ХОРЪ.

О, царь, ушелъ онъ въ гнѣвѣ: берегись.
Въ такой душѣ—безумный гнѣвъ опасенъ.

КРЕОНЪ.

Пусть дѣлаетъ, что хочетъ, пусть грозитъ:
Хотя бъ онъ больше могъ, чѣмъ смертный можетъ,—
Отъ казни онъ ничѣмъ ихъ не спасетъ.

ХОРЪ.

Обѣихъ ли казнишь? Одна виновна...

КРЕОНЪ.

Ты правъ: на казнь не буду обрекать
Я той изъ нихъ, что не касалась трупа.

ХОРЪ.

Какую смерть ты для другой избралъ?

КРЕОНЪ.

Я уведу ее тропой пустынной
И въ каменной пещерѣ, подъ землей,

Похороню живую, давъ ей пищи,
Не болѣе, чѣмъ нужно для того,
Чтобъ города не осквернить убійствомъ.
Изъ всѣхъ боговъ, она лишь бога чтитъ
Подземнаго: такъ пусть къ нему взываетъ,
Чтобъ спасъ ее отъ смерти; тамъ, въ гробницѣ,
Поймётъ она, какъ безполезно вѣрить
Въ загробный міръ и мертвыхъ чтить.

(Креонъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Эросъ, богъ всепобѣждающій,
Богъ любви, ты надъ великими
Торжествуешь, а потомъ,
Убаюканный, покоишься
На ланитахъ дѣвы дремлющей,
Пролетаешь чрезъ моря,
Входишь въ хижину убогую.
Ни единый въ смертномъ племени,
Ни единый изъ боговъ,
Смерти чуждыхъ, не спасается,
Но страдаютъ и безумствуютъ,
Побѣжденные тобой.

Антистрофа первая.

Ты влечешь сердца къ преступному
И къ неправедному праведныхъ,
Вносишь въ мирную семью
Ты губительную ненависть;
И единый взоръ, сіяющій
Межъ опущенныхъ рѣсницъ
Юной дѣвы, полный нѣгою,
Торжествуетъ надъ законами
Вѣковѣчными боговъ,—
Потому что все живущее,

Аѳродита вѣчно юная,
Побѣждаешь ты, смѣясь!

(Вдали появляется Антигона подъ стражею.)

Нынѣ и мы, старики,
Царскую волю нарушили,
Слезъ удержать не могли.
Смотримъ и плачемъ отъ жалости,—
Видимъ: невѣста не къ брачному—
Къ смертному ложу идетъ.

АНТИГОНА.

Строфа вторая.

Видите, граждане: нынѣ послѣдній
Путь совершаю, смотрю на послѣдній
Солнца вечерняго свѣтъ.
Солнца мнѣ больше не видѣть вовѣки:
Къ чуждымъ брегамъ Ахерона, въ могильный,
Всѣхъ усыпляющій мракъ,
Смерть уведетъ меня, полную жизни,
Смерть приготовитъ мнѣ брачное ложе,
Свадебный гимнъ пропоетъ.

ХОРЪ.

Но достигнувъ вѣчной славы,
Ты идешь въ жилище мертвыхъ,
Не въ мучительной болѣзни,
Не добычею враговъ,—
Нѣтъ, одна изъ всѣхъ живущихъ
Въ цвѣтѣ юности, свободно
Ты за долгъ идешь на смерть.

АНТИГОНА.

Антистрофа вторая.

Тамъ, на вершинѣ Сепила, отъ горя
Мать Ніобея въ скалу превратилась:

Всю, какъ побѣги плюща.
Камень ее охватилъ, вырастая;
Въ тучахъ, подъ ливнемъ и тающимъ снѣгомъ,
Плачетъ она, и дождемъ
Вѣчныя слезы струятся на лоно.
Въ каменной, душной тюрьмѣ мнѣ готовятъ
Боги такую же смерть.

ХОРЪ.

Родилась она богиней,
Ты же—смертная; но славенъ
Твой удѣлъ: какъ Ніобея,
Какъ богиня, ты умрешь.

АНТИГОНА.

Строфа третья.

Вы смѣетесь—увы!—надо мной, умирающей.
Оскорбляютъ меня передъ вами, о граждане!
Мой родимый, великій народъ,
О, диркейскія волны, о, Ѳивы, обильныя
Колесницами, рощи боговъ заповѣдныя,
Я въ свидѣтели всѣхъ васъ зову:
Безъ суда, безъ закона, ни въ чемъ неповинную,
Чтобы ввергнуть меня въ подземелье, подобное
Темной, страшной могилѣ, ведутъ!
И никѣмъ неоплакана,
Тамъ я буду покинута,
Среди мертвыхъ не мертвая,
А живая въ гробу!

ХОРЪ.

Ты устремилась, гордая,
Къ предѣлу недоступному,
Къ подножью Правды царственной,
Богини справедливости,—

Но, съ высоты низвергнута,
Падешь за грѣхъ отца.

АНТИГОНА.

Антистрофа третья.

Вы къ больному въ душѣ моей, къ самому горькому
Прикоснулись: зачѣмъ объ отцѣ вы напомнили
И о древней семейной бѣдѣ,
Что преслѣдуетъ домъ Лабдакидовъ нашъ царственный?
Вотъ я гибну, на ложѣ преступномъ зачатая,
Гдѣ несчастный отецъ мой лежалъ,—
О, безчестье!—въ объятьяхъ у собственной матери!
Я отъ нихъ родилась и, богами проклятая
И безбрачная, къ нимъ возвращусь...
Полиникъ мой возлюбленный,
О, погибшій безвременно,
Ты меня, еще полную
Жизни, къ мертвымъ влечешь!

ХОРЪ.

Великъ законъ божественный,
Но людямъ надо слушаться
И власти человѣческой:
Въ себя ты слишкомъ вѣрила
Душой непобѣдимою—
И вотъ за что умрешь!

АНТИГОНА.

Эподосъ.

Нынѣ путь послѣдній совершаю
Безъ родныхъ, безъ милыхъ, безъ участья,—
И лучей божественнаго солнца
Больше мнѣ вовѣки не увидѣть.

Я одна—предъ смертью въ цѣломъ мірѣ,
И никто меня не пожалѣетъ!

(Креонъ выходитъ изъ дворца.)

КРЕОНЪ.

Вы знаете ль, что если бъ плачъ и стоны
Могли помочь,—преступникъ никогда
Не прекратилъ бы жалобъ передъ смертью.
Ведите же на казнь ее скорѣй
И, заперевъ, какъ я велѣлъ, въ гробницу
Подземную, вы тамъ ее одну
Оставьте: пусть живетъ иль умираетъ,
Но свѣта ей отнынѣ никогда
Ужъ не видать. А я руки убійствомъ
Не осквернилъ, я предъ богами чистъ.

АНТИГОНА.

Подземная гробница, ты мой вѣчный
Пріютъ, увы! мой свадебный чертогъ!
Я ухожу навѣки къ вамъ, о, тѣни
Любимыя, безчисленныя, къ вамъ,
Сошедшія въ жилище Персефоны!
Теперь и я послѣдняя иду,
Покинувъ жизнь до срока, но съ надеждой,
Что встрѣтите вы радостно меня,
Отецъ и мать, и милый братъ: бывало,
Съ молитвами я каждому изъ васъ
Надгробныя творила возліянья,
Обмывъ тѣла, украсивъ и почтивъ,
И вотъ теперь за то, что Полиника
Я предала землѣ, иду на казнь.
Но добрые меня прославятъ: вѣрьте,
Что если бы я матерью была,—
То, вопреки законамъ, ни супруга,
Ни сыновей не погребла бы, нѣтъ!
Вотъ почему: другихъ дѣтей и мужа

Могла бы я имѣть, когда бы мужъ
Иль сынъ погибъ;—но не другого брата,
Затѣмъ, что мой отецъ и мать туда
Ушли навѣкъ, откуда нѣтъ возврата.—
О, милый мой, я чтила выше всѣхъ
Тебя, и вотъ за что меня преступной
Назвалъ Креонъ, и вотъ за что, схвативъ,
Отъ всѣхъ друзей увлекъ, отъ милыхъ сердцу,
Бездѣтную, не знавшую любви,
Чтобъ съ мертвыми похоронить живую!
Но въ чемъ вина моя, о боги?.. Нѣтъ,
Зачѣмъ къ богамъ невнемлющимъ взываю,
Кого изъ нихъ о помощи молю?
Воздавъ имъ честь, я гибну за нечестье!
Когда неправду терпятъ сами боги,—
Пускай умру, пускай меня зовутъ
Преступною,—но коль и вы преступны,
Враги мои, то не желаю вамъ
Страдать сильнѣй, чѣмъ я теперь страдаю!

ХОРЪ.

Та же буря въ душѣ, та же сила и гнѣвъ.
О, мятежное, гордое сердце!

КРЕОНЪ *(стражѣ)*.

Уведите ее: горе вамъ, о, рабы,
Если вы еще будете медлить!

АНТИГОНА.

Это слово мнѣ смерть возвѣщаетъ...

КРЕОНЪ.

И знай,
Что велѣнья мои неизмѣнны:
Не избѣгнешь ты смерти!

О, городъ родной,
О, великіе боги отчизны,
Безъ вины умираю! Старѣйшины Ѳивъ
И вожди, и народъ, посмотрите,
На какія страданья, какой человѣкъ
Дочь владыки, меня, обрекаетъ за то,
Что почтила я волю безсмертныхъ!

ХОРЪ *(вслѣдъ уходящей Антигонѣ).*

Строфа первая.

Небеснаго свѣта лишилась, какъ ты,
Даная въ тюрьмѣ мѣдностѣнной,
Подобной могилѣ, межъ тѣмъ, о, дитя,
Была она славнаго рода:
Къ ней самъ Громовержецъ, любя, нисходилъ
На лоно дождемъ златоструйнымъ.
Но ужасна сила Рока:
Отъ нея спасти не могутъ
Ни твердыни, ни войска,
Ни сокровища, ни въ морѣ
Ударяемыхъ волнами
Стаи черныхъ кораблей.

Антистрофа первая.

Такъ въ каменный гробъ заключилъ Діонисъ
Дріантова буйнаго сына,
Владыку Эдоновъ, за гордость и гнѣвъ:
Какъ ты, онъ въ темницѣ томился.
Предъ силою бога смиряется гнѣвъ
Въ безсильной груди человѣка:
Онъ раскаялся, что Вакха
Оскорбилъ надменной рѣчью,
Вырвалъ свѣточи изъ рукъ
У божественныхъ вакханокъ,

Что прогнѣвалъ музъ, влюбленныхъ
Въ звуки сладостные флейтъ,

Строфа вторая.

Близъ черныхъ утесовъ двухъ смежныхъ морей,
Гдѣ въ грозный обрывъ Сальмидесса,
На дикомъ прибрежьѣ ѳракійскомъ, валы
Босфора, шумя, ударяютъ,
Гдѣ вѣчно царитъ безпощадный Арей,—
Погибли два сына Финея:
Злая мачеха пронзила
Имъ страдальческія очи
Остреемъ веретена;
Свѣтъ потухъ для нихъ навѣки,
И о мщеньи возопила
Кровь пролитая къ богамъ.

Антистрофа вторая.

Тоскуя, они вспоминали въ тюрьмѣ,
Какъ бѣдная мать ихъ погибла:
А царственнымъ родомъ была и она
Изъ древней семьи Эрехтидовъ;
Ее въ полуночныхъ пещерахъ Борей,
Отецъ, убаюкивалъ бурей:
Дѣва мощная взбѣгала
На вершины ледяныя
Легче быстраго коня,
Но, увы! и дочь Борея
Парки дряхлыя настигли,
Какъ и всѣхъ, мое дитя!

(Входитъ прорицатель Тирезій.
Отрокъ ведетъ его.)

ТИРЕЗІЙ.

Старѣйшины, сюда пришли мы двое,
Но за двоихъ смотрѣлъ одинъ изъ насъ:
Такъ и всегда—ведетъ слѣпого зрячій.

КРЕОНЪ.

Что новаго, Тирезій?

ТИРЕЗІЙ.

Я сейчасъ
Открою все, а ты меня, владыка,
Послушайся.

КРЕОНЪ.

Еще я никогда
Не отвергалъ твоихъ совѣтовъ мудрыхъ.

ТИРЕЗІЙ.

И городомъ донынѣ управлялъ
Ты счастливо.

КРЕОНЪ.

Я знаю, что во многомъ
Ты мнѣ помогъ.

ТИРЕЗІЙ.

Но счастью твоему
Теперь грозитъ опасность.

КРЕОНЪ.

Что случилось?
Отъ словъ твоихъ я содрогаюсь.

ТИРЕЗІЙ.

Царь,
Ты все поймешь, когда тебѣ примѣты
Я разскажу.—Въ убѣжищѣ, куда
Слетаются пророческія птицы,
Я слышалъ крихъ зловѣщій, гнѣвный, звукъ
Невѣдомый; узнавъ по шуму крыльевъ,
Что въ яростной борьбѣ когтями рвутъ
Пернатыя другъ друга,—полонъ страха,

На алтаряхъ пылающихъ искалъ
Я знаменій въ огнѣ; но пламя ярко
Надъ жертвою не вспыхивало: жиръ
Растопленный былъ поглощаемъ пепломъ,
И онъ кипѣлъ, дымясь, и желчь алтарь
Обрызгала; бѣлѣли кости, мяса
Лишенныя, нагія. Обо всемъ
Повѣдалъ мнѣ вожатый (этотъ мальчикъ
Ведетъ меня, какъ я веду народъ).
Узнай же, царь, что бѣдствіемъ великимъ
И ужасомъ объятъ изъ-за тебя
Весь городъ: псы и птицы клочья тѣла,
Лишеннаго могилы, разнесли
По очагамъ и жертвенникамъ, всюду.
Вотъ почему отъ гражданъ ни молитвъ,
Ни дыма жертвъ не принимаютъ боги;
И страхъ царитъ, и стаи вѣщихъ птицъ
Безмолвствуютъ, упившись кровью трупа.
Подумай же объ этомъ: всѣ грѣшатъ—
Таковъ удѣлъ живущихъ; но блаженны
И мудры тѣ, кто кается въ грѣхахъ
И кто нейдетъ, познавъ свою неправду,
Упорствуя, по ложному пути:
Изобличатъ упрямыхъ въ неразумьи,
Помилуй же убитаго врага,
Погибшему не мсти. Какая слава
Торжествовать надъ мертвыми, мой сынъ?
Благой совѣтъ приноситъ людямъ радость,—
Не гнѣвайся: я говорилъ любя.

КРЕОНЪ.

Старикъ, метать мнѣ въ сердце ваши стрѣлы,
Какъ въ цѣль стрѣлки, вы сговорились: вотъ
Пришелъ чередъ гадателей; родные
Врагамъ давно ужъ продали меня.
Что жъ, радуйтесь о прибыли, копите
Вы золото индійское, янтарь

Изъ дальнихъ Сардъ, но знайте: Полиника
Убитаго я не предамъ землѣ,
Хотя бъ орлы Зевесовы добычу
Кровавую на небо унесли
До самаго подножья Олимпійца.
Похоронить я не позволю трупъ
И не боюсь я осквернены, зная,
Что изъ людей не можетъ оскорбить
Боговъ никто; а ты, о, старецъ, помни:
И опытный, и хитрый мужъ падетъ,
Коль, ослѣпленъ корыстью, изрекаетъ
Постыдныя и лживыя слова!

ТИРЕЗІЙ

Увы, когда бъ могли постигнуть люди...

КРЕОНЪ.

Что? Говори.

ТИРЕЗІЙ.

Какъ дорогъ умъ...

КРЕОНЪ.

Прибавь:
Какъ пагубно безумье.

ТИРЕЗІЙ.

А межъ тѣмъ
Ты самъ объятъ безумьемъ.

КРЕОНЪ.

Отвѣчать
Я старику не буду оскорбленьемъ.

ТИРЕЗІЙ.

Ты оскорбилъ меня, когда назвалъ
Подкупною святую рѣчь пророка.

КРЕОНЪ.

Но говорятъ, что деньги любятъ всѣ
Гадатели.

ТИРЕЗІЙ.

А всѣ тираны—прибыль
Безчестную.

КРЕОНЪ.

Старикъ, ты позабылъ,
Съ кѣмъ говоришь!

ТИРЕЗІЙ.

Я не забылъ, что городъ
Тебѣ спасти помогъ!

КРЕОНЪ.

Гадать умѣешь,—
Но правды нѣтъ въ душѣ твоей.

ТИРЕЗІЙ.

Смотри,
Ты высказать меня принудишь тайну,
Хранимую донынѣ.

КРЕОНЪ.

Только пусть
Подкупны вновь слова твои не будутъ.

ТИРЕЗІЙ.

Правдивы были всѣ мои слова.

КРЕОНЪ.

Меня, старикъ, ты обмануть не можешь...

ТИРЕЗІЙ.

Узнай же все: еще немного разъ
Обычный кругъ колеса бога солнца

На небесахъ свершатъ, и—смерть за смерть—
На голову, любимую тобою,
Обрушится отмщеніе за то,
Что заключилъ ты въ гробъ живую душу,
Невинную къ тѣнямъ низвергъ въ Аидъ,
А мертваго—въ землѣ лишилъ пріюта
Послѣдняго и обезчестилъ трупъ,
На что ни люди права не имѣютъ,
Ни боги. Ты насилье совершилъ,
Ты преступилъ законъ, и духи мщенья,
Эринніи божественныя, смерть
Несущія, тебя подстерегаютъ,
Чтобъ муками за муки отплатить.
Ты назовешь и нынѣ рѣчь пророка
Подкупною?—Но близокъ часъ, Креонъ,
Когда твой домъ наполнятъ стоны женщинъ
И вопль мужей; возстанутъ города
Враждебные, гдѣ птица, песъ голодный
Иль звѣрь кусокъ добычи приносилъ
И осквернялъ тяжелый запахъ трупа
Святой огонь семейныхъ алтарей.—
Какъ въ цѣль стрѣлокъ, тебѣ я прямо въ сердце
Кидаю стрѣлы гнѣва моего,
И ты отъ ранъ ихъ жгучихъ не спасешься!
Домой, дитя! Я слишкомъ старъ;—пускай
Не надо мной,—надъ тѣми, кто моложе,
Онъ истощитъ свой гнѣвъ.—Уйдемъ скорѣй:
Должна Судьба—надменнаго смиренью
И мудрости безумца научить.

ХОРЪ.

О, царь, предрекъ ужасное гадатель!
А никогда—такъ помню я съ тѣхъ поръ,
Какъ бѣлыми изъ черныхъ стали кудри
На головѣ моей—пророкъ не лгалъ.

КРЕОНЪ.

Увы, ты правъ. Въ душѣ моей—смятенье.
И уступить мнѣ тяжко, и боюсь,
Противоставъ, погибнуть.

ХОРЪ.

Будь разумнымъ,
Креонъ, о, сынъ Менойка.

КРЕОНЪ.

Но скажи,
Что дѣлать мнѣ? Я твой совѣтъ исполню.

ХОРЪ.

Убитаго скорѣй землѣ предай,
Невинную освободи отъ казни.

КРЕОНЪ.

Ты уступить совѣтуешь?

ХОРЪ.

О, да,
Спѣши, Креонъ, затѣмъ, что божьи кары
Торопятся навстрѣчу злымъ.

КРЕОНЪ.

Увы,
Я не могу бороться съ неизбѣжнымъ;
Мнѣ тяжело, но надо уступить.

ХОРЪ.

Иди и—самъ, другимъ не поручая,
Исполни все.

КРЕОНЪ.

Иду сейчасъ.—О, слуги,
Бѣгите же, скорѣй бѣгите всѣ,
И кто со мной, и кто остался дома,
Туда, на холмъ, сѣкиры захвативъ,
Спѣшите! Самъ ту дѣвушку въ темницу
Я заключилъ и нынѣ, отмѣнивъ
Мой приговоръ, я самъ хочу свободу
Ей возвратить.—Кто знаетъ, для людей
Здѣсь, на землѣ, не лучшая ли доля—
Храня законъ, окончить мирно жизнь?

ХОРЪ.

Строфа первая.

Многоименный потомокъ
Тяжкогремящаго бога,
Дѣвы Кадмейской отрада,
О, Діонисъ всемогущій,
На берегахъ Италійскихъ
И въ Элевзисѣ царящій,
Тамъ, гдѣ для таинствъ Деметры
Сходятся всѣ племена,
Вакхъ, обитающій въ славныхъ
Ѳивахъ, отчизнѣ вакханокъ,
Гдѣ надъ потокомъ Исмены
Древле Драконовы зубы
Грознымъ посѣвомъ взошли!

Антистрофа первая.

Вакхъ, ты сидишь, окруженный
Облакомъ вѣчно блестящимъ,
Тамъ, надъ вершиной двойною,
Гдѣ корикійскія нимфы
Мчатся въ вакхической пляскѣ,
Тамъ гдѣ кастальскія воды

Сладко лепечутъ;—изъ рощи
Горной, увитой плющомъ,
Ты по отрогамъ низейскимъ
Въ зелени лозъ виноградныхъ,
Вакхъ, среди криковъ священныхъ,
О, покровитель народа,
Сходишь въ предмѣстія Θивъ!

Строфа вторая

Ты, какъ мать свою, громомъ
Пораженную, любишь,
Вакхъ, родимыя Θивы
Больше всѣхъ городовъ.
Нынѣ въ бѣдствіи тяжкомъ
Ты приди къ намъ на помощь
Отъ вершины Парнасса
Иль чрезъ волны морскія,
Черезъ шумный проливъ!

Антистрофа вторая.

Къ намъ, о, чадо Зевеса!
Къ намъ, о, богъ, предводитель
Пламенѣющихъ хоровъ,
Полуночныхъ свѣтилъ,
Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ,
И съ безумной толпой
Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
Вакха славящихъ пляской,
Къ намъ, о, радостный богъ!

(Входитъ вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Наслѣдники чертоговъ Амфіона
И Кадма, жизнь людская такова,
Что не могу я не хвалить всецѣло,

Ни порицать ее, но вѣчно Рокъ,
По прихоти, то къ счастію возноситъ
Несчастнаго, то низвергаетъ вновь;
И предсказать грядущее не можетъ
Никто. Креонъ родную землю спасъ,
Держалъ въ рукахъ бразды верховной власти
И, окруженъ цвѣтущими дѣтьми,
Онъ зависти былъ нѣкогда достоинъ,
И вотъ теперь, какъ дымъ, исчезло все.
Мнѣ кажутся живыми мертвецами,
А не людьми,—кто потерялъ навѣкъ
Всѣ радости: имѣй богатства, силу,
Величіе, но если у тебя
Нѣтъ счастія, то все, что ты имѣешь,
Ничтожнѣе, чѣмъ тѣнь отъ облаковъ.

ХОРЪ.

Но о какой бѣдѣ, владыкъ постигшей,
Ты возвѣстить пришелъ?

ВѢСТНИКЪ.

Онъ умеръ; тотъ
Кто живъ еще,—виновникъ смерти.

ХОРЪ.

Кто же
Виновникъ, кто погибшій?—говори.

ВѢСТНИКЪ.

Не отъ руки враждебной умеръ Гемонъ.

ХОРЪ.

Отъ собственной, или отъ руки отца?

ВѢСТНИКЪ.

Отца за смерть невѣсты проклиная,
Онъ умертвилъ себя.

ХОРЪ.

Увы, Тирезій,
Пророчество твое свершилось!

ВѢСТНИКЪ.

Должно
И о другомъ подумать...

ХОРЪ.

Подожди:
Несчастную мы видимъ Эвридику,
Жену царя, случайно, можетъ-быть,
Иль услыхавъ о сынѣ, изъ чертога
Она идетъ.

(Входитъ Эвридика.)

ЭВРИДИКА.

О, граждане, въ дверяхъ
Услышала я вѣсть: во храмъ Паллады
Молиться шла о помощи, и вдругъ,
Когда съ воротъ запоръ отодвигала,
Вѣсть о бѣдѣ мнѣ поразила слухъ,
И, чувствъ лишась отъ страха, навзничь пала
Я на руки служанкамъ; но, молю,
Что бъ ни было, скажите мнѣ всю правду:
Къ несчастіямъ привыкла я давно.

ВѢСТНИКЪ.

Я разскажу, царица, все, что видѣлъ,
И ничего не утаю. Увы,
Зачѣмъ твой слухъ баюкать лестью? Правду
Узнавъ, лжецомъ ты назовешь меня,
А скрыть ее нельзя.—Съ твоимъ супругомъ
На горную равнину мы взошли,
Туда, гдѣ трупъ, непогребенный, жалкій,
Добыча псовъ, растерзанный, лежалъ,
И, помолясь Гекатѣ и Плутону,

Чтобъ гнѣвъ они смягчили, и обмывъ
Усопшаго, мы трупъ сожгли на вѣткахъ
Оливъ, въ лѣсу нарубленныхъ, и холмъ
Насыпали высокій изъ родимой
Земли, потомъ въ чертоги къ новобрачной,
Въ подземную гробницу мы сошли.
Но кто-то, вдругъ изъ нѣдръ неосвѣщенной
Могилы крикъ далекій услыхавъ,
Сказалъ о томъ Креону; подошелъ онъ,
И жалобы достигли до него.
«О, горе мнѣ,—онъ молвилъ съ тяжкимъ вздохомъ,—
Исполнилось предчувствіе мое.
Изъ всѣхъ путей я нынѣ самый тяжкій
Свершаю путь: то сына моего
Зловѣщій крикъ. Скорѣй бѣгите, слуги,
И, отваливъ надгробную плиту,
Проникните во внутренность пещеры:
То Гемонъ ли взывалъ, иль божествомъ
Обманутъ я,—узнайте».—И не медля,
Мы сдѣлали, какъ царь намъ повелѣлъ.
И въ глубинѣ гробницы темной, видимъ,
Повѣсилась несчастная, связавъ
Изъ тонкаго покрова петлю. Рядомъ,
Сжимая трупъ въ объятіяхъ, стоялъ
Женихъ ея, оплакивая свадьбу
Печальную и гнѣвъ отца, и смерть
Возлюбленной. Креонъ увидѣлъ сына
И подошелъ къ нему, и возопилъ:
«Несчастный, что ты сдѣлалъ, что съ тобою,
Какую смерть избралъ? Молю, уйдемъ
Отсюда прочь!» Но молча, страшнымъ взоромъ
Онъ на отца взглянулъ и обнажилъ
Двуострый мечъ. Спасаясь отъ удара,
Креонъ бѣжалъ, и ярость обратилъ
На самого себя несчастный Гемонъ:
Онъ бросился на острее меча.
Клинокъ пронзилъ его, и съ мыслью темной,

Предсмертною, онъ милую обнять
Слабѣющей рукой старался; тяжко
Дыша, струей кровавой обагрилъ
Онъ блѣдныя ланиты юной дѣвы.

(Эвридика поспѣшно уходитъ.)

Такъ скорбный бракъ въ жилищѣ тихой смерти
Онъ заключилъ. Тамъ, съ мертвой мертвый, спитъ
Онъ вѣчнымъ сномъ, примѣръ являя людямъ,
Какъ пагубно безуміе любви.

ХОРЪ.

Недоброе предвижу я: царица
Отъ насъ ушла, ни слова не сказавъ.

ВѢСТНИКЪ.

И я смущенъ: быть-можетъ, скорбь о сынѣ
Она толпѣ стыдится показать
И во дворецъ пошла къ своимъ рабынямъ
Оплакивать семейную бѣду?
За женщину столь мудрую бояться
Намъ нечего...

ХОРЪ.

Не знаю. Но въ бѣдѣ
Великое безмолвіе—такой же
Недобрый знакъ, какъ и великій плачъ.

ВѢСТНИКЪ.

Я во дворецъ пойду узнать скорѣе,
Не скрыла ли чего-нибудь въ душѣ
Несчастная. Ты правъ: зловѣщій признакъ—
Молчаніе среди великихъ бѣдъ.

(Вѣстникъ удаляется. Входитъ Креонъ. Онъ несетъ на рукахъ трупъ сына.)

ХОРЪ.

Вотъ и царь. Мертвый сынъ на рукахъ у него,
Трупъ холодный, свидѣтель безмолвный,

Что надъ нимъ—страшно молвить, увы!—не чужой,
Самъ отецъ совершилъ злодѣянье.

КРЕОНЪ.

Строфа первая.

О, жестокое, непоправимое
Дѣло рукъ моихъ! Вотъ,
Вотъ чего я достигъ!
Посмотрите: убитый съ убійцею—
Связанъ узами кровными.
Ты ушелъ отъ меня,
Сынъ мой! Въ смерти твоей
Неповиненъ ты, нѣтъ,
Самъ сразилъ я тебя въ цвѣтѣ жизни, безвременно!

ХОРЪ.

Увы! Постигъ ты правду слишкомъ поздно.

КРЕОНЪ.

Строфа вторая.

Правду постигъ я! О, горе мнѣ! Яростный
Богъ, поражая, лишилъ меня разума,
Къ безднѣ увлекъ,—и теперь
Онъ торжествуетъ, поправъ мое счастіе.
О, какъ безцѣльна вся жизнь мимолетная,
Весь человѣческій трудъ!

(Входитъ слуга.)

СЛУГА

Ты жертва, царь, всѣхъ бѣдствій: мертвый Гемонъ—
Въ рукахъ твоихъ, а за стѣной дворца
Ужъ новое страданье ждетъ.

КРЕОНЪ.

Какое
Страданіе ужаснѣе того,
Что я терплю!

СЛУГА.

Жена твоя погибла,
Мать Гемона, пронзивъ себя мечомъ.

КРЕОНЪ.

Антистрофа первая.

Неизбѣжная, неотвратимая
Смерть, зачѣмъ у меня
Отнимаешь ты все,
Все родное? О, вѣстникъ безжалостный,
Ты сразилъ полумертваго!
Повтори, что за вѣсть,
Что ты молвилъ? Ужель
Вслѣдъ за сыномъ моимъ
Страшной смертью погибла жена моя бѣдная?

(Открываются двери. Въ глубинѣ дворца виденъ трупъ Эвридики.)

СЛУГА.

Ты видишь самъ; вотъ тѣло Эвридики.

КРЕОНЪ.

Антистрофа вторая.

Горе мнѣ! Вижу я новое бѣдствіе!..
Чѣмъ еще послѣ всего, что я пережилъ,
Можетъ Судьба мнѣ грозить?
Здѣсь, на рукахъ моихъ, Гемонъ возлюбленный,
Тамъ, во дворцѣ,—его мать. О, дитя мое
Бѣдное,—бѣдная мать!

СЛУГА.

Дѣтей своихъ оплакавъ, Мегарея
И Гемона,—когда ужъ не могла
Поднять очей, покрытыхъ тѣнью смертной,

Она припала къ алтарю, молясь
О томъ, чтобъ месть за гибель сына боги
Обрушили на голову твою.

КРЕОНЪ.

Строфа третья.

Горе, о, горе мнѣ!
Я содрогаюсь отъ ужаса.
Лучше бы кто-нибудь, сжалившись,
Сердце пронзилъ мнѣ мечомъ!
Нѣтъ исцѣленія
Мукамъ моимъ!

СЛУГА.

Она тебя винила въ смерти сына
И въ гибели своей.

КРЕОНЪ.

Но какъ, скажи,
Несчастная себя лишила жизни?

СЛУГА.

Вонзила въ грудь себѣ двуострый мечъ,
Узнавъ про смерть возлюбленнаго сына.

КРЕОНЪ.

Строфа четвертая.

Самъ я убилъ ее, граждане,
Слышите ль? самъ я—убійца.
Некого больше винить.
Слуги, возьмите несчастнаго,
Прочь поскорѣй уведите:
Кончена, кончена жизнь!

ХОРЪ.

Ты правъ: уйти скорѣй и позабыть—
Послѣдняя отрада для несчастныхъ.

КРЕОНЪ.

Антистрофа третья.

Гдѣ ты, желанная?
Смерть, я зову тебя! Гдѣ же ты?
День безконечнаго отдыха,
День мой послѣдній, приди!
Пусть не увижу я
Солнца вовѣкъ!

ХОРЪ.

Но смерть сама придетъ, а мы подумать
Должны о томъ, что ближе къ намъ;—и пусть
Заботятся о смерти нашей боги.

КРЕОНЪ.

О милости послѣдней я молю!

ХОРЪ.

Оставь мольбы и знай: спасенья нѣтъ;
Для смертнаго—судьба неотвратима.

КРЕОНЪ.

Антистрофа четвертая.

Сына убійцу и матери
Прочь уведите скорѣе,
Прочь!.. Но куда мнѣ итти?
Все, что любилъ я, потеряно,
И на главу мою пала
Страшная кара боговъ!..

(Слуги уводятъ Креона.)

ХОРЪ.

Стремишься ли къ счастью ты,—прежде всего
Будь мудрымъ и воли безсмертныхъ,
О, смертный, вовѣкъ не дерзай преступать,
И вѣрь, что за дерзкія рѣчи
Постигнетъ безумца великая скорбь
И мудрости поздней научитъ.

ЭВРИПИДЪ

МЕДЕЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Медея, жена Язона, дочь царя Колхиды.
Язонъ, предводитель аргонавтовъ,
Первый сынъ } Медеи.
Второй сынъ }
Креонъ, царь коринѳскій.
Эгей, царь аѳинскій.
Кормилица Медеи.
Воспитатель сыновей Медеи.
Вѣстникъ.
Хоръ коринѳянокъ.

Дѣйствіе происходитъ передъ дворцомъ царя Креона, въ Коринѳѣ.

КОРМИЛИЦА.

О, лучше бы отважнымъ аргонавтамъ—
Въ далекую Колхиду кораблей
Не направлять межъ Симплегадъ лазурныхъ!
О, лучше бы не падала сосна
Подъ топоромъ въ ущельяхъ Пеліона—
На весла тѣмъ безтрепетнымъ мужамъ,
Что нѣкогда для славнаго Пелея
Отправились за золотымъ руномъ!
Тогда моя владычица Медея
Не приплыла бъ къ Іолковымъ стѣнамъ,
Сраженная безумною любовью;
Убить отца—несчастныхъ дочерей
Пелеевыхъ она не научила бъ
И не была бъ принуждена съ дѣтьми
Бѣжать въ Коринѳъ, снискавъ любовь народа
И страсть свою къ Язону сохранивъ.
Вѣдь большаго нѣтъ блага въ этомъ мірѣ,
Чѣмъ то, когда въ согласьи мужъ съ женой.
Теперь же все разрушено навѣки:
Презрѣвъ свою супругу и дѣтей,
Язонъ беретъ себѣ жену другую,—
Креона дочь, коринѳскаго царя.
Медея же подъемлетъ громкій вопль,
Священныя напоминая клятвы
И то, какъ онъ ей руку подавалъ,
Въ знакъ вѣрности; зоветъ она безсмертныхъ
Въ свидѣтели, чѣмъ мужъ ей отплатилъ;

Проводитъ дни въ тоскѣ, въ слезахъ, безъ пищи,
Печалью изнуряетъ духъ и плоть
И, обративъ лицо къ землѣ, не хочетъ
Поднять очей; какъ мертвая скала
Иль валъ морской, не внемлетъ утѣшеньямъ
Друзей своихъ и, бѣлую, какъ снѣгъ,
Склоняя шею, въ мукахъ вспоминаетъ
О родинѣ, о милыхъ, объ отцѣ,
Покинутомъ, обманутомъ для мужа
Невѣрнаго;—теперь лишь узнаетъ,
Среди скорбей, какое это счастье
Родной своей земли не покидать;
Своихъ дѣтей возненавидѣвъ, смотритъ
Безъ радости на нихъ... И страшно мнѣ,
И кажется, Медея замышляетъ
Недоброе: вѣдь знаю, что она
Простить такой обиды не захочетъ.
И я боюсь, чтобъ остраго меча
Себѣ царица не вонзила въ сердце,
Войдя въ покои брачные тайкомъ,
Чтобъ и царя Креона не убила,
И жениха, чтобъ тѣмъ не навлекла
Горчайшихъ бѣдъ;—я знаю, духъ Медеи
Неукротимъ и страшенъ: безъ борьбы
Она своимъ врагамъ не покорится.

(Вдали воспитатель съ двумя сыновьями Медеи.)

Но вотъ, я вижу, дѣти изъ палестры
Сюда идутъ; несчастья своего,
Безпечныя, они еще не знаютъ:
Скорбѣть не любитъ молодость.

(Входитъ воспитатель съ дѣтьми.)

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Скажи,
О, добрая, почтенная рабыня
Владычицы моей, зачѣмъ стоишь

Ты здѣсь, у двери, одиноко, въ горькомъ
Раздуміи? Какъ безъ тебя Медея
Могла одна остаться?

КОРМИЛИЦА.

Воспитатель
Язоновыхъ дѣтей, для вѣрныхъ слугъ
Нѣтъ большаго страданія, чѣмъ горе
Возлюбленныхъ господъ: моя же скорбь
О бѣдствіяхъ благой царицы нашей
Такъ велика, что захотѣлось мнѣ
Здѣсь, предъ лицомъ земли и неба, стономъ
И жалобами сердце облегчить.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Ужель еще не перестала плакать
Несчастная?

КОРМИЛИЦА.

О, нѣтъ, ея страданья
И горькій плачъ часъ отъ часу сильнѣй.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Безумная,—коль молвить это слово
О госпожѣ пристойно,—новыхъ бѣдъ
Она еще не знаетъ.

КОРМИЛИЦА.

Что случилось?
Скажи скорѣй, не мучь меня, старикъ.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Нѣтъ, ничего... Боюсь, чтобъ не пришлось мнѣ
Раскаяться и въ томъ, что я сказалъ.

КОРМИЛИЦА.

Меня, своеи подруги по неволѣ,
Не бойся, заклинаю, говори
И вѣрь, молчать о тайнѣ я сумѣю.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Такъ знай же: разъ,—не подавая виду,
Что слушаю, тамъ, гдѣ играютъ въ кости
Старѣйшины у родника Пиренны,—
Я услыхалъ ихъ разговоръ о томъ,
Что царь Креонъ Медею изъ Коринѳа
Изгнать рѣшилъ съ дѣтьми; правдивъ ли слухъ,
Не вѣдаю; хотѣлось бы мнѣ лживымъ
Назвать его.

КОРМИЛИЦА.

Допуститъ ли Язонъ
Изгнаніе дѣтей, хоть онъ и въ ссорѣ
Съ ихъ матерью?

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Но старая любовь
Всегда слабѣй, чѣмъ новая: Язонъ—
Уже не другъ семьѣ своей.

КОРМИЛИЦА.

О горе!
Еще и съ прежней кончить не успѣли,
Какъ новая подкралась къ намъ бѣда.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Объ этомъ знать не должно госпожѣ:
Скрывай же все, что слышала, молчи.

КОРМИЛИЦА *(сыновьямъ Медеи)*.

О, дѣти, вотъ каковъ отецъ вашъ! Злого
Не буду я желать ему: Язонъ—

Мой господинъ,—но если правду молвить,
Чедоброе готовитъ онъ друзьямъ!

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Кто изъ людей не сдѣлалъ бы того же?
Иль ты еще не вѣдаешь донынѣ,
Что любимъ больше мы самихъ себя,
Чѣмъ ближняго,—иные благородно,
Другіе же безчестно: такъ отецъ,
Вступая въ новый бракъ, не любитъ прежнихъ
Дѣтей своихъ.

КОРМИЛИЦА *(сыновьямъ Медеи).*

Идите же домой,
О, милые, и да хранятъ васъ боги!

(Воспитателю.)

А ты смотри за ними,—удаляй
Отъ матери ожесточенной. Помню,
Какъ дикими и грозными очами
Она взглянула на дѣтей своихъ,
Какъ будто страшный замыселъ питая.
Пока ея ударъ кого-нибудь
Не поразитъ, Медея не смирится:
Такъ пусть же мститъ врагамъ, а не друзьямъ.

МЕДЕЯ *(изъ дворца).*

Увы! Увы!
Плачу, плачу,—и нѣтъ моимъ воплямъ конца...
Умереть бы скорѣе!

КОРМИЛИЦА.

Дѣти, слышите?—это она, ваша мать.
Съ новой силой въ ней ярость проснулась... Домой
Возвращайтесь скорѣй, но смотрите,—
На глаза ей теперь попадаться нельзя:
Берегитесь, о, милыя дѣти мои,

Вашей матери гнѣвнаго сердца,—
Уходите же, спрячьтесь скорѣй во дворецъ.

(Дѣти уходятъ.)

Скорбь, какъ темное облако, вырастетъ вдругъ,
И подымется буря... Кто знаетъ,
До какого безумія можетъ дойти
Гнѣвъ ея, безпредѣльный и страшный?

МЕДЕЯ *(изнутри дворца.)*

Горе! Горе!
Многихъ воплей достойны мученья мои!

(Увидѣвъ своихъ сыновей.)

О, несчастнѣйшей матери дѣти!
Будьте вмѣстѣ вы прокляты съ вашимъ отцомъ,—
Весь нашъ домъ, вся семья да погибнетъ!..

КОРМИЛИЦА.

Что я слышу?.. О, мать, неужели
Прокляла ты дѣтей за измѣну отца?
Въ чемъ, скажи, ихъ вина предъ тобою?
Страшно мнѣ... Что-то ждетъ васъ, о, дѣти мои?
Какъ ужасна безумная воля царей!
Не легко имъ обуздывать страсти:
Слишкомъ много рабовъ, слишкомъ мало преградъ.
Нѣтъ, я вѣрю, что всѣ предъ закономъ равны,
Я хотѣла бъ безъ почестей, мирно
Встрѣтить свѣтлую старость вдали отъ владыкъ,
Ибо правду хвалить хорошо и въ рѣчахъ,
А на дѣлѣ хранить еще лучше;—
Въ томъ, что мѣру превысило, счастія нѣтъ:
Чѣмъ надменнѣе родъ, тѣмъ разгнѣванный богъ
Безпощаднѣй его сокрушаетъ.

ХОРЪ.

Услыхали мы крикъ, услыхали мы плачь
Злополучной царицы Колхидской.

Вѣрно, скорби не можетъ она побѣдить?
Обо всемъ разскажи намъ, кормилица: вопль
Долетѣлъ къ намъ изъ брачныхъ покоевъ,
Черезъ мѣдные, звонкіе створы дверей.
Вѣрь, не радуетъ насъ госпожи твоей скорбь:
Мы—друзья ея славнаго дома.

КОРМИЛИЦА.

Дома славнаго нѣтъ: здѣсь разрушено все,—
Къ царской дочери мужъ, къ своей милой ушелъ,
А супруга одна дни проводитъ въ тоскѣ.
Ахъ, отъ этой бѣды никакіе друзья,
Никакія слова не утѣшатъ!

МЕДЕЯ *(изъ дворца)*.

Тяжко! Тяжко!
Лучше сразу ударъ громовой порази!
Что мнѣ въ жизни? О, гдѣ же ты, тихая смерть,
Ты—конецъ моихъ мукъ и свобода?.

ХОРЪ.

Строфа.

Нѣтъ, кощунственнымъ воплямъ
Оскорбленной царицы
Не внимайте вы, боги,
Солнце, Небо, Земля!
Неужели, Медея,
Жаждешь такъ ненасытно,
Такъ безумно тоскуешь
Ты по брачному ложу,
Что зовешь къ себѣ смерть?
Замолчи же, не кощунствуй:
Если мужъ твой избираетъ
Ложе новое,—смирись!
Богъ измѣнника накажетъ,—
Ты же горькими слезами
Свѣтлыхъ глазъ не омрачай!

МЕДЕЯ *(изъ дворца)*.

О, Ѳемида, и ты, Артемида безгрѣшная!
Вотъ какое безчестье терплю
Отъ проклятаго богомъ измѣнника,
Отъ супруга, съ которымъ великими
Я обѣтами связана!
Пусть увижу я мщеніе,
Пусть чертоги обрушатся
И на ложѣ раздавятъ ихъ,
Жениха съ новобрачною!
О, отецъ мой, земля моя, брата родного убивъ,
Я покинула васъ, какъ измѣнница!

КОРМИЛИЦА.

Вотъ, вы слышали: Зевса, хранителя клятвъ,
И Ѳемиду благую царица зоветъ.
Вѣрьте мнѣ, чтобъ теперь утолить ея скорбь,
Месть должна быть великой и страшной!

ХОРЪ.

Антистрофа.

Пусть бы вышла Медея
Къ намъ скорѣй изъ чертоговъ,
И, быть-можетъ, сумѣли бъ
Мы смирить ея гнѣвъ,
Утолить ея горе
Тихой, мудрою лаской,
Что бы ни было, сестры,
Безъ участія друга
Не покинемъ въ бѣдѣ.
Позови же къ намъ царицу,
Возвѣсти, что мы съ привѣтомъ
И любовью къ ней пришли.
Торопись, пока несчастье
Не свершилось, ибо страшенъ
Гнѣвъ отвергнутой жены!

КОРМИЛИЦА.

Все исполню я съ радостью, только боюсь,
Что ее убѣдить не сумѣю:
Дикимъ взоромъ владычица смотритъ на всѣхъ,
Кто приблизится къ ней, чтобы слово сказать,
Словно львятъ стерегущая львица
Люди, какъ же безумными васъ не назвать?
Сколько сладкихъ напѣвовъ умѣли найти
Вы для праздныхъ пировъ и веселій,
А великія страсти и муки людей
Укрощать не умѣетъ донынѣ никто
Многострунною лирой и пѣсней:
Оттого и въ домахъ вашихъ смерть и вражда.
Если бъ душу живую могли исцѣлять
Вы гармоніей нѣжныхъ созвучій!
На пирахъ же веселыхъ и пѣснь не нужна,
Ибо тамъ и виномъ, и обиліемъ яствъ,
Безъ того уже смертный утѣшенъ.

ХОРЪ.

Эподосъ.

Многострадальной Медеи мы слышали жалобы;
Ты проклинаешь, царица, измѣнника,
Брачнаго ложа предателя,—
Клятвы людей охраняющей
Зевсовой дочери
Мщенье зовешь,—
Мщенье Ѳемиды богини, подъ чьею защитою,
Въ бѣгствѣ ночномъ, ты стремилась по горькому
Темному Понту, изгнанница,
Черезъ проливы опасные
Къ дальней землѣ.

(Медея выходитъ изъ дворца.)

МЕДЕЯ

Я поспѣшила выйти къ вамъ, о, жены
Коринѳскія, чтобъ порицать меня

Вы не могли: я часто наблюдала
И слышала, что человѣкъ, на зовъ
Друзей своихъ замедлившій отвѣтить
Становится нежданно имъ врагомъ,
Любовь и славу добрую теряетъ,
Затѣмъ, что правды нѣтъ въ очахъ людей:
Не испытавъ чужого сердца, рады
Мы даже тѣхъ, кто намъ не сдѣлалъ зла,
По первому же взгляду ненавидѣть;
А чужеземцу должно больше всѣхъ
Учтивостью искать благоволенья;
Но и того, кто въ собственной землѣ
Презрителенъ къ согражданамъ и дерзокъ,
Хвалить не буду.—А теперь скажу
Всю правду вамъ: такой ударъ нежданно
Сразилъ меня, что не мила мнѣ жизнь,
И смерть зову къ себѣ; онъ, мой избранникъ.
Мой мужъ, кто всѣмъ былъ въ жизни для меня,—
Вы знаете,—явилъ себя гнуснѣйшимъ
Предателемъ!—Мы, женщины, изъ всѣхъ
Существъ, душой и мыслью одаренныхъ,—
Несчастнѣйшія: золотомъ сперва
Мы покупать должны себѣ мужей,
Чтобы отдать имъ въ рабство наше тѣло;—
Потомъ—и здѣсь источникъ злѣйшихъ бѣдъ—
Великое рѣшается сомнѣнье,
Каковъ супругъ,—достойный человѣкъ,
Или презрѣнный, ибо отъ него
Уйти уже нельзя: разводъ—безчестье.
Такъ, въ міръ вступивъ невѣдомый, мы вдругъ
Всего, чему насъ дома не учили,
Угадчицами сдѣлаться должны;
И хорошо, коль всѣ усилья даромъ
Не пропадутъ, коль приметъ мужъ ярмо
Незлобиво, а если нѣтъ,—то смерть!
Супругъ, въ дому не находя отрады,
Уйдетъ къ своимъ ровесникамъ, къ друзьямъ,

Чтобъ съ ними душу облегчить бесѣдой.
А для жены одна лишь радость—мужъ.
Намъ говорятъ, что тихую проводимъ
Мы жизнь въ домахъ, въ то время, какъ они
Сражаются за насъ на полѣ брани.
Но это—ложь: хотѣла бъ лучше трижды
Я подъ щитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ
Дитя родить.—И все же вашъ удѣлъ—
Не то, что мой: есть домъ у васъ, отчизна
И радость въ жизни, и любовь друзей.
А я, вдали отъ родины—одна,
Изгнанница, обманутая мужемъ:
Ни матери, ни брата, ни друзей
Нѣтъ у меня, чтобы утѣшить въ горѣ.
О, милые, молю васъ объ одномъ:
Коль мщеніе невѣрному супругу,
Отцу невѣсты, или ей самой
Устрою, вы меня не выдавайте,
Молчите!—Мы вѣдь, жены, боязливы
Во всемъ другомъ: видъ крови и меча
Намъ нестерпимъ;—но если въ брачномъ ложѣ,
Въ правахъ жены дерзнутъ обидѣть насъ,
Тогда нашъ гнѣвъ губителенъ и страшенъ!

ХОРЪ.

Не выдадимъ тебя: твою печаль
Мы поняли и мщенье оправдали..
Но тише: царь Креонъ идетъ сюда,
Чтобъ новыя намъ возвѣстить рѣшенья

(Входитъ Креонъ.)

КРЕОНЪ.

Тебѣ, колдунья съ темными очами,
Строптивая, повелѣваемъ: прочь
Съ обоими дѣтьми ступай, не медля,
Изъ всѣхъ моихъ владѣній. Приговоръ

Исполню самъ: спѣши,—пока не выйдешь
Изъ города, я не вернусь домой.

МЕДЕЯ.

Все кончено! Пришелъ мой часъ послѣдній:
Ужъ гонятся за мною по пятамъ
Враги мои и некуда укрыться.

(Креону.)

Я знаю, нѣтъ вины моей, но все жъ
Спрошу, за что меня ты изгоняешь?

КРЕОНЪ.

Боюсь тебя,—зачѣмъ скрывать?—боюсь,
Что чарами ты дочь мою погубишь.
И поводовъ не мало есть для страха:
Ты, мудрая и вѣщая во злѣ,
Уязвлена потерею супруга
По городу молва идетъ, что месть
Готовишь мнѣ и жениху съ невѣстой.
Друзей хочу и домъ мой охранить,
Съ тобой въ борьбу открытую вступая,
О, женщина, чтобы себя потомъ
Не упрекать, когда ужъ будетъ поздно.

МЕДЕЯ.

Увы! Увы!
Не въ первый разъ обманчивая слава
Великое мнѣ причиняетъ зло.—
Отецъ разумный знаніемъ чрезмѣрнымъ
Не долженъ умъ дѣтей обременять;
Кто преданъ былъ наукѣ слишкомъ долго,
Заслуживаетъ въ праздности укоръ,
Внушая злость невѣждамъ или зависть.
Попробуй мысль имъ новую открыть,
И у глупцовъ ты прослывешь безумцемъ.

Когда же чернь тебя прославитъ больше,
Чѣмъ признанныхъ учителей своихъ,
То скажутъ: онъ опасенъ для народа.—
Таковъ, Креонъ, мой собственный удѣлъ:
Я мудростью лишь ненависть внушаю:
Несносною зовутъ меня одни,
Тѣ—глупою, другіе—слишкомъ умной.
А между тѣмъ вѣдь знанія мои
Не велики... О, царь, ужели мыслишь
И ты, какъ всѣ, что мудростью могу
Я причинить кому-нибудь несчастье?
Не бойся же, не вѣрь суду глупцовъ!
Пристойно ли съ царями спорить женамъ?
И чѣмъ же ты меня обидѣть могъ?
Не въ правѣ ли отдать, кому желаешь,
Дитя свое? Супруга моего,—
А не тебя должна я ненавидѣть.
Ты поступаешь съ мудростью, и вѣрь,
Я не желаю зла тебѣ,—будь счастливъ,
О, царь, съ прекрасной дочерью своей!
Я объ одномъ прошу: дозволь остаться
Въ землѣ твоей; и если бъ даже насъ
Обидѣли, сумѣли бы и то
Мы промолчать и власти покориться.

КРЕОНЪ.

Слова твои смиренны, но боюсь,
Что злобное ты въ сердцѣ замышляешь,
И менѣе, чѣмъ прежде, довѣряю
Рѣчамъ твоимъ: отъ женъ, какъ отъ мужей,
Во гнѣвѣ дерзкихъ, легче уберечься,
Чѣмъ отъ того, кто въ злобѣ мудръ и нѣмъ.
Ступай же прочь изъ города, не медли
И даромъ словъ не трать: я такъ хочу!
И никакія хитрости не могутъ
Тебя спасти: я знаю, ты мнѣ врагъ.

МЕДЕЯ.

У ногъ твоихъ тебя я заклинаю
Вѣнцомъ невѣсты, дочери твоей!

КРЕОНЪ.

Уйди, оставь меня,—мольбы напрасны.

МЕДЕЯ.

И ты не внемлешь?.. И тебѣ не жаль?.

КРЕОНЪ.

Ужель тебя жалѣть я долженъ больше,
Чѣмъ дочь свою?

МЕДЕЯ.

О, родина моя,
Какъ о тебѣ мнѣ вспомнить нынѣ горько!

КРЕОНЪ.

Мнѣ дороги не меньше, чѣмъ тебѣ,
И родина, и отчій домъ, и дѣти.

МЕДЕЯ.

Увы, какое зло—любовь для мира!

КРЕОНЪ.

И зло, и благо,—какъ судьба рѣшитъ.

МЕДЕЯ.

Да не уйдетъ злодѣй отъ мщенья бога!

КРЕОНЪ.

Прочь, дерзкая! Довольно я терпѣлъ...

МЕДЕЯ.

Не ты, а я терплю,—и слишкомъ долго!..

КРЕОНЪ.

Смотри,—велю рабамъ тебя схватить!.

МЕДЕЯ.

О, выслушай меня, молю, владыка!

КРЕОНЪ.

До ярости не доводи меня!

МЕДЕЯ.

Уйду, уйду,—не бойся,—не о томъ
Хотѣла я просить...

КРЕОНЪ.

Зачѣмъ же медлишь?
Чего еще ты хочешь отъ меня?

МЕДЕЯ.

День, только день остаться мнѣ дозволь,
Чтобы рѣшить, куда пойду, чтобъ дѣтямъ
Въ изгнаніи убѣжище найти:
Отцомъ они покинуты,—о, сжалься
Надъ матерью!—и у тебя есть дѣти,
Ты самъ—отецъ, не будь ко мнѣ жестокъ!
Не за себя, несчастную, ты видишь,
Я за дѣтей покинутыхъ молю!

КРЕОНЪ.

Я не рожденъ безжалостнымъ, хоть часто
Мнѣ люди зломъ платили за добро.
Такъ и теперь, о, женщина, я знаю,
Что дѣлаю ошибку, уступивъ,
И все-таки мольбу твою исполню.
Да будетъ такъ. Но только берегись:

Коль лучъ зари тебя увидитъ завтра
Съ дѣтьми въ моихъ владѣньяхъ,—смерть тебѣ.
Иди и помни: слово наше твердо.
Даю тебѣ лишь день;—въ столь краткій срокъ
Большого зла ты сдѣлать не успѣешь.

(Креонъ уходитъ.)

ХОРЪ.

О несчастная! видишь—мы плачемъ съ тобой:
Кто тебя защититъ, гдѣ найдешь ты пріютъ
Для дѣтей, для себя, одинокая?
О, въ какую пучину невѣдомыхъ золъ
Богъ тебя повергаетъ, безжалостный!

МЕДЕЯ.

Вы правы, я унижена, но знайте,
Что духомъ я еще не пала, нѣтъ!
И новобрачнымъ будутъ испытанья,
Какъ и тому, кто ихъ соединилъ.
Иль думаете, стала бы, безъ цѣли,
Безъ выгоды, я мстить ему и лгать?
Не осквернила бъ рукъ прикосновеньемъ
И устъ мольбой! Но былъ глупецъ такъ простъ,
Что далъ мнѣ день, хотя онъ могъ отказомъ
Всѣ замыслы мои разрушить,—день,
Въ который мы успѣемъ приготовить
Три смерти трехъ измѣнниковъ—отца
И дочери, и моего супруга!
Къ ихъ гибели немало есть путей,
Но я еще, о, милыя, не знаю,
Какой избрать: чертоги ли поджечь,
Гдѣ почивать должны женихъ съ невѣстой;
Иль, тихо къ ложу ихъ подкравшись, мечъ
Вонзить обоимъ въ сердце?.. Только страшно,
Что у дверей, съ оружіемъ въ рукахъ,
Враги меня поймаютъ, обличатъ,—
И будетъ смерть моя для нихъ весельемъ.

Не лучше ли къ оружью слабыхъ женъ,
Къ волшебному прибѣгнуть знанью, къ яду?..
Такъ, рѣшено!
Но вотъ еще вопросъ: когда погибнутъ
Враги мои, какой народъ мнѣ дастъ
Убѣжище и кровъ гостепріимный?..
Нѣтъ, подожду немного, и потомъ,
Когда найду себѣ пріютъ,—убійство
Я съ хитростью и втайнѣ совершу.
Но если Рокъ послѣдній путь къ спасенью
Мнѣ преградитъ, тогда дерзну на все
И, бросившись съ мечомъ въ рукахъ, открыто
Я ихъ убью, хотя бъ грозила смерть.
Клянуся въ томъ Луной, богиней блѣдной,
Таинственной союзницей моей,
Гекатою, очагъ мой стерегущей,—
Предатели отъ казни не уйдутъ,
И горечь слезъ моихъ имъ отольется,
И горечью имъ будетъ брачный пиръ!
Готовься же,—твой часъ пришелъ, Медея,
Всю силу грозныхъ чаръ своихъ яви,
Великое сверши безъ содроганья,
Игрушкою Сизифовыхъ дѣтей,
Посмѣшищемъ Язоновыхъ любовницъ
Не будь, о, дочь Колхидскаго царя,
Въ чьихъ жилахъ—кровь отъ крови бога Солнца!
Будь мудрою: не даромъ говорятъ,
Что рождены—безсильныя для блага—
Мы, женщины, могучими во злѣ.

(Медея уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Священныя рѣки назадъ потекли,
И долгъ, и законы—разрушено все,
Надъ клятвами люди смѣются:

Теперь и въ сердцахъ вѣроломныхъ мужей—
Коварство и женская хитрость.
Ужели наша доля
Измѣнится навѣки,
И слава женъ вѣнчаетъ,
Какъ нѣкогда—мужей?
Ужели насъ отнынѣ
Обычной клеветою
Молва не уязвитъ?

Антистрофа первая.

О, древнія Музы великихъ пѣвцовъ,
Про вѣчныя ковы и хитрости женъ
Умолкнуть должны ваши пѣсни:
Намъ Фэбъ сладкозвучнаго дара стиховъ
И лиры божественной не далъ;
А то и мы сложили бъ
Немало горькихъ пѣсенъ
О вѣрности супруговъ,
О доблести мужей,
Повѣдали бы міру
Объ ихъ судьбѣ и нашей
За долгій рядъ вѣковъ.

Строфа вторая.

Бросивъ отчій домъ для мужа,
Ты, съ безумною любовью,
Переплыть не побоялась
Черезъ бурныя пучины,
Сквозь раздвоенныя скалы
Безпощадныхъ Симплегадъ:
Вотъ за что ты, бѣдная,
Мужемъ опозорена,
Изгнана, отвергнута,
И тебѣ ужъ некуда
Преклонить главу.

Антистрофа вторая.

Больше нѣтъ во всей Элладѣ
Ни стыда, ни клятвъ священныхъ:
Покидая нашу землю,
Вѣрность въ небо улетѣла.
Для тебя же путь утраченъ,
О, Медея, въ домъ отца;—
А на ложе брачное,
Въ новый домъ вошла къ тебѣ
Полною владычицей
Гордая соперница,
Юная жена.

(Входятъ Язонъ и Медея.)

ЯЗОНЪ *(къ Медеѣ).*

Не въ первый разъ я убѣждаюсь нынѣ,
Что нѣтъ опаснѣй зла, чѣмъ лютый гнѣвъ:
Такъ ты могла бъ, смирясь предъ волей царской,
Въ гостепріимномъ домѣ мирно жить,—
И вотъ, сама же глупыми рѣчами
Ты на себя изгнанье навлекла.
Мнѣ все равно, меня ты не разсердишь,
Назвавъ Язона худшимъ изъ людей.
Но радуйся, что лишь однимъ изгнаньемъ
Наказана за дерзкія слова
О домѣ царскомъ: я всегда мольбою
Старался гнѣвъ властителя смягчить,
Хотѣлъ, чтобъ ты осталась въ нашемъ домѣ,
А ты еще безумнѣй поносить
Осмѣлилась царей, и отъ изгнанья
Тебя ужъ я ничѣмъ не могъ спасти.
И все-таки не измѣняю дружбѣ:
Вотъ и теперь я прихожу къ тебѣ,
О, женщина, съ участьемъ и любовью:
Не потерплю, чтобъ въ чемъ-нибудь съ дѣтьми
Нуждалась ты, чтобъ, не имѣя денегъ,

Должна была въ изгнаніе пойти:
И безъ того скитальцевъ одинокихъ
Въ чужой землѣ не радостенъ удѣлъ.—
Считаешь ты врагомъ меня, но видишь,
Что зла тебѣ я не желаю.

МЕДЕЯ.

Трусъ!
О, трусъ презрѣнный! Я иного слова
Не нахожу для низости твоей,
Какъ? Несмотря на все, что сдѣлалъ съ нами,
Мнѣ на глаза ты показаться смѣлъ?
Иль доблестью считаешь ты—спокойно
Смотрѣть въ лицо обманутымъ друзьямъ?
Такъ знай, что это худшій изъ пороковъ—
Безстыдство! Рада видѣть я тебя:
По крайней мѣрѣ, сердце облегчу
И лишній разъ блѣднѣть заставлю труса.
Отъ дней давнишнихъ поведу я рѣчь:
Всѣ эллины, всѣ аргонавты помнятъ,
Какъ я тебя отъ гибели спасла,
Когда приплылъ къ Колхиду ты, чтобъ лютыхъ
Быковъ, огнемъ дышавшихъ, впречь въ ярмо
И темную засѣять Ниву Смерти.
Убила я недремлющаго Змія,
Крылатаго, который сторожилъ
Сокровище, обвившись многократно
Вокругъ Руна Златого: это я
Очамъ твоимъ свѣтъ жизни возвратила!
Предавъ отца, покинувъ домъ, съ тобой
Переплыла въ Іолкъ Пеліотійскій,
Немудрая, но полная любви;
Коварствомъ я достигла, чтобъ Пелей,
Безвинный царь, погибъ горчайшей смертью,
Палъ подъ рукою собственныхъ дѣтей—
Все для тебя—чтобъ жить тебѣ безпечно,
Чтобъ страхъ изгнать изъ сердца твоего.

И ты за все мнѣ отплатилъ измѣной!
Уже дѣтей имѣя отъ меня,
Ты новую берешь себѣ супругу;
Когда бъ еще бездѣтнымъ былъ, ты могъ бы
Хоть чѣмъ-нибудь оправдывать себя.
Но все презрѣвъ, обѣты нарушая,
Не думалъ ли, что тѣхъ боговъ ужъ нѣтъ,
Которыми клялся, и что иные
Царятъ теперь законы въ небесахъ?
Вѣдь ты не могъ не знать, что попираешь
Святыню клятвъ! Смотри же,—вотъ рука,
Которую ты бралъ въ свою,—колѣни,
Которыя такъ нѣжно обнималъ
Съ мольбой любви въ очахъ и съ ложью въ сердцѣ...
Я говорить съ тобой хочу, какъ прежде,
Какъ съ другомъ другъ, хоть добраго не жду
Я отъ тебя: ты мнѣ отвѣтить долженъ,
Вопросами твой стыдъ я обличу!
Скажи: куда итти мнѣ?—возвратиться
Подъ кровъ отца, котораго съ тобой
Мы предали? иль къ дочерямъ Пелея,
Котораго убили мы?—пріютъ
Нашла бы я у нихъ гостепріимный,—
Не правда ли?.. Ты видишь: для тебя
Я порвала святыя узы крови,
Врагомъ я стала тѣмъ, кого люблю.
А ты за то изъ женъ Эллады сдѣлалъ
Счастливѣйшей меня, нашла въ тебѣ
Я вѣрнаго и нѣжнаго супруга!
Завиднѣйшій удѣлъ!.. Пойду съ дѣтьми,
Изгнанницей, одна, въ чужую землю.
И это будетъ слава жениха,
Что мать его дѣтей по всей Элладѣ
Скитается, какъ нищая! О, Зевсъ,
Чтобъ отличать мы золото умѣли
Поддѣльное, ты людямъ знаки далъ:
Но должно бы такія же примѣты

И на тѣлахъ людей напечатлѣть,
Чтобъ каждый могъ злодѣя сразу видѣть!

ХОРЪ.

Межъ старыми друзьями, чѣмъ сильнѣе
Любовь была, тѣмъ пламеннѣй вражда.

ЯЗОНЪ.

Искусство мнѣ, я думаю, потребно
Немалое, чтобъ дать тебѣ отвѣтъ:
Какъ опытные кормчіе, подъ вихремъ,
Всѣ паруса я долженъ подобрать.
О, женщина, дабы отъ сильной бури
Неистовыхъ рѣчей твоихъ спастись.—
Хоть помощь ты свою высоко цѣнишь,
Все жъ мыслю такъ, что даровала мнѣ
Путь по морямъ счастливый Афродита,
И болѣе никто изъ всѣхъ богинь
И смертныхъ женъ. Мнѣ вѣдомо, какъ ясенъ
Твой умъ и тонокъ: спорить ты не будешь,
И я не буду докучать тебѣ,
Разсказывая долго и подробно,
Какъ силою неотвратимыхъ стрѣлъ
Спасти мнѣ жизнь—тебя заставилъ Эросъ,
Желаній богъ. Ты помогла мнѣ, правда,
Но я уже сторицей отплатилъ,—
И какъ сейчасъ я докажу,—ты меньше
Мнѣ сдѣлала добра, чѣмъ я тебѣ:
Начну съ того, что ты теперь въ Элладѣ,
А не въ отчизнѣ варварской живешь,
Не произволъ, а правду и законы
Умѣешь чтить; всѣ эллины тебя
За дивныя познанья прославляютъ.
А если бъ ты, какъ нѣкогда, жила
На отдаленнѣйшихъ границахъ міра,—
Заглохла бъ жизнь твоя безъ славы. Нѣтъ,
Что до меня, то лучше пусть не будетъ

Ни золота въ дому моемъ, ни гимновъ
Орфеевыхъ, коль въ жизни прочихъ благъ
Не суждено украсить мнѣ и славой...
Но рѣчь кончаю о моихъ заслугахъ;
Я говорилъ о нихъ лишь потому,
Что споръ сама ты начала, Медея.
Теперь о бракѣ съ дочерью царя,
За что меня такъ горько упрекаешь:
Я докажу что поступилъ и здѣсь
Лишь съ мудростью и цѣлью благородной,
Желая дѣтямъ блага и тебѣ.
Но не сердись и выслушай спокойно:
Опутанный сѣтями многихъ бѣдъ,
Приплывъ сюда изъ города Іолка,
Какъ могъ я ждать, измѣнникъ, лучшей доли.
Чѣмъ бракъ съ самою дочерью царя?
Не потому, чтобы красой невѣсты
Я былъ плѣненъ, чтобы твою любовь
Презрѣлъ, какъ въ томъ меня ты обвиняешь,
Или хотѣлъ соперничать съ другими
Во множествѣ потомковъ,—нѣтъ, дѣтей,
Тобой рожденныхъ, было бъ мнѣ довольно,—
А потому, что къ высшему стремился,
Хотѣлъ нужды избѣгнуть навсегда,
Съ тобою жить въ довольствѣ,—ибо зналъ,
Что бѣдные друзей теряютъ скоро,—
Чтобъ воспитать, какъ должно, сыновей.
И если бъ далъ я братьевъ дѣтямъ нашимъ,—
То въ мирную и дружную семью,
Всѣхъ уравнявъ, въ любви соединилъ бы
И въ счастіи: скажи, зачѣмъ тебѣ
Желать еще дѣтей?—а я бы сдѣлалъ
Сыновъ, рожденныхъ отъ второго брака,
Опорою двумъ первенцамъ моимъ.
Но таковы всѣ женщины: не страшно
Ничто для нихъ, пока соперницъ нѣтъ,
Пока царятъ онѣ на ложѣ брачномъ.

Но только что хоть призрачная тѣнь
Супружескимъ правамъ ихъ угрожаетъ,—
Все кончено,—завиднѣйшій удѣлъ
Имъ кажется невыносимой долей.
О, если бъ женъ не сотворилъ Зевесъ,
И способомъ инымъ рождались дѣти,—
Не знали бъ мы и горя на землѣ!

ХОРЪ.

Язонъ, умѣлъ ты рѣчь свою украсить:
Но я скажу, хотя бъ слова мои
Не нравились тебѣ, что долгъ и клятву
Ты преступилъ, супругѣ измѣнивъ.

МЕДЕЯ.

Во многомъ я отлична отъ другихъ;
Такъ мыслю я—злодѣй краснорѣчивый
Тѣмъ большаго достоинъ наказанья,
Что, зло умѣя ложью украшать,
Становится онъ дерзкимъ, ибо мудрымъ
Онъ все-таки не будетъ никогда:
Такъ ты желалъ благопристойной рѣчью
Безчестную измѣну оправдать.
Но я тебя сражу единымъ словомъ:
Когда бы зла мнѣ сдѣлать не хотѣлъ,—
Ты долженъ бы, лишь съ моего согласья,
Вступить въ тотъ бракъ,—не втайнѣ отъ меня!

ЯЗОНЪ.

Да, объявивъ о бракѣ, я нашелъ бы
Усердную помощницу въ тебѣ,
Коль ярости безумной даже нынѣ
Не можешь ты разсудкомъ побѣдить.

МЕДЕЯ.

Ты не объ этомъ думалъ, но боялся,
Что съ женщиной изъ варварской земли

Союзъ тебѣ не обѣщаетъ выгодъ
И почестей!

ЯЗОНЪ.

Не хочешь ты понять,—
Я въ новый бракъ не для себя вступаю,
А для семьи, для блага твоего,
Чтобъ сыновья опору въ младшихъ братьяхъ
Нашли себѣ, чтобъ дѣтямъ нашимъ дать
Защитниковъ изъ царственнаго дома.

МЕДЕЯ.

Что жъ, счастливъ будь! Но счастья твоего,—
Проклятаго и горькаго богатства
Я не возьму.

ЯЗОНЪ.

Измѣнишься, повѣрь,
Когда-нибудь и станешь ты умнѣе:
Дары судебъ научишься цѣнить
И сладкаго не назовешь ты горькимъ.

МЕДЕЯ.

Да, пользуйся могуществомъ своимъ—
Надъ женщиною изгнанною смѣйся!

ЯЗОНЪ.

Въ изгнаніи виновна ты сама.

МЕДЕЯ.

Быть-можетъ, тѣмъ, что мужу измѣнила?

ЯЗОНЪ.

Домъ проклинала царскій.

МЕДЕЯ.

Подожди,—
Я и въ твоемъ дому проклятьемъ буду!

ЯЗОНЪ.

Съ тобою больше спорить не хочу:
Но ежели принять согласна помощь
Ты для себя, иль для дѣтей моихъ,
Не бойся же, скажи,—и будетъ щедрой
Рука моя; могу и письма дать
Къ друзьямъ, чтобъ ты гостепріимный
Нашла пріютъ. О, женщина, повѣрь,
Поступишь ты немудро, отказавшись:
Подумай же, не лучше ль гнѣвъ смирить?

МЕДЕЯ.

Твоихъ друзей мнѣ помощь ненавистна,
И не возьму я дара твоего:
Даръ злыхъ людей намъ счастья не приноситъ.

ЯЗОНЪ.

Въ свидѣтели боговъ я призываю,
Что сдѣлать все готовъ былъ для тебя
И для дѣтей, но ты сама не хочешь:
Отвергла ты любовь мою, и въ томъ
Когда-нибудь раскаешься, Медея.

(Язонъ уходитъ.)

МЕДЕЯ *(вслѣдъ уходящему Язону).*

Невѣста ждетъ тебя, женихъ: не медли—
Томишься ты желаніемъ—бѣги,
Бѣги же къ ней, ликуй, о новобрачный!
Но, можетъ-быть,—о томъ молю безсмертныхъ,—
Когда-нибудь раскаешься и ты!

(Медея уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Въ людяхъ страсть, когда она чрезмѣрна
Не щадитъ ни славы, ни добра.

Ни Киприда—всѣхъ богинь отраднѣй
Тѣмъ, кто мѣру сохранилъ въ любви.
О, царица, съ лука золотого
Не мечи ты въ насъ
Безпощадныхъ стрѣлъ,
Напоенныхъ ядомъ вожделѣнья!

Антистрофа первая.

Да пошлютъ намъ скромность олимпійцы,
Робкихъ женъ плѣнительный вѣнецъ!
Да не ввергнетъ страшная Киприда
Въ сѣти зла, въ неутолимый споръ,
Женъ, объятыхъ страстью беззаконной:
Пусть она хранитъ
Ложе вѣрныхъ женъ
Въ чистотѣ и въ нѣгѣ цѣломудренной.

Строфа вторая.

О, мой домъ, моя родина,
Да не буду вовѣки я
Безпріютной изгнанницей,
Дни влачащею въ бѣдности,
Въ одинокомъ отчаяньи,—
Легче мнѣ умереть!
Это скорбь несказанная—
Быть лишеннымъ убѣжища
И родимой земли.

Антистрофа вторая.

Мыслю такъ, ибо видѣла,
Какъ несчастную предали
Всѣ родные, всѣ граждане.—
Да погибнетъ,—кто чистаго
Сердца, полнаго нѣжностью,
Не захочетъ открыть
Угнетеннымъ и прѣзрѣннымъ;

Да не будетъ безжалостный
Другомъ нашимъ вовѣкъ!

(Медея выходитъ изъ дворца.—Съ другой стороны появляется аѳинскій царь Эгей, въ одеждѣ странника и привѣтствуетъ Медею.)

ЭГЕЙ.

Медея, будь счастливой!—у друзей
Нѣтъ болѣе отраднаго привѣта.

МЕДЕЯ.

Счастливымъ будь и ты, сынъ Пандіона!
Но разскажи, откуда ты идешь?

ЭГЕЙ.

Я въ древнемъ былъ святилищѣ Дельфійскомъ.

МЕДЕЯ.

О чемъ, Эгей, ты бога вопрошалъ
Въ таинственной пещерѣ—сердцѣ міра?

ЭГЕЙ.

Я знать хотѣлъ, могу ль имѣть дѣтей.

МЕДЕЯ.

Какъ? Дни твои ужель еще бездѣтны?

ЭГЕЙ.

На то я волей бога обреченъ.

МЕДЕЯ.

Одинъ ли ты живешь, или съ женою?

ЭГЕЙ.

Давно я ложе брачное позналъ.

МЕДЕЯ.

Но что же Фэбъ сказалъ тебѣ о дѣтяхъ?

ЭГЕЙ.

Для всѣхъ его отвѣтъ непостижимъ.

МЕДЕЯ.

Могу ль его изъ устъ твоихъ услышать?

ЭГЕЙ.

Услышь: вѣдь здѣсь потребенъ тонкій умъ.

МЕДЕЯ.

Такъ повтори жъ пророчество: я внемлю.

ЭГЕЙ.

«Не должно мнѣ развязывать мѣховъ»...

МЕДЕЯ.

Пока чего ты прежде не исполнишь?

ЭГЕЙ.

«Пока къ себѣ домой не возвращусь».

МЕДЕЯ.

Зачѣмъ же ты въ Коринѳъ свой путь направилъ?

ЭГЕЙ.

Живетъ въ Трезенѣ мудрый царь Пиѳей.

МЕДЕЯ.

Сынъ Пелопса благочестивый,—знаю.

ЭГЕЙ.

Хочу ему повѣдать прорицанье.

МЕДЕЯ.

Да, опытенъ Пиѳей въ такихъ дѣлахъ.

ЭГЕЙ.

И по мечу онъ старый мнѣ товарищъ.

МЕДЕЯ.

Успѣха же и добраго пути!

ЭГЕЙ.

Но почему лицо твое такъ блѣдно,
Такъ мраченъ взоръ, Медея? Что съ тобой?

МЕДЕЯ.

Мой мужъ, Язонъ—презрѣннѣйшій изъ смертныхъ...

ЭГЕЙ.

Что слышу я? Скорѣй повѣдай все...

МЕДЕЯ

Язонъ меня, безвинную, обидѣлъ.

ЭГЕЙ.

Но какъ и чѣмъ,—не бойся, говори,

МЕДЕЯ.

Онъ хочетъ взять себѣ жену другую...

ЭГЕЙ.

И неужель осмѣлится твой мужъ?..

МЕДЕЯ.

Да, надъ моей любовью онъ смѣется...

ЭГЕЙ.

Вражду питая къ ложу твоему,
Иль по любви къ соперницѣ?

МЕДЕЯ.

О боги!
Должно-быть, къ ней любовь его сильна,
Когда презрѣть онъ могъ такія клятвы!

ЭГЕЙ.

Коль такъ—не стоитъ и жалѣть о немъ!

МЕДЕЯ.

Онъ о родствѣ мечтаетъ съ царскимъ домомъ.

ЭГЕЙ.

Изъ чьей семьи невѣста? Кто отецъ?

МЕДЕЯ.

Креонъ, земли коринѳской повелитель.

ЭГЕЙ.

Не даромъ же ты, бѣдная, скорбишь!

МЕДЕЯ.

Увы! Они меня еще изгнали....

ЭГЕЙ.

Все новыя несчастія? Кто изгналъ?

МЕДЕЯ.

Креонъ.

ЭГЕЙ.

Ужель твой мужъ не заступился?

МЕДЕЯ.

Другъ на словахъ, но сердцемъ мнѣ онъ врагъ.

(Падая на колѣни.)

О, добрый царь, обнявъ твои колѣни,
Рукой коснувшись твоего лица,
Молить тебя я буду: сжалься, сжалься,
Не отвергай меня, прими въ свой домъ
Изгнанницу, покинутую всѣми,
И пусть за то безмертные дѣтей
Пошлютъ тебѣ и свѣтлую кончину!
Не знаешь ты, кого во мнѣ нашелъ,
Какимъ искусствомъ дивнымъ я владѣю
Я прекратить могу твое безплодье.
Безчисленныхъ потомковъ даровать —
Я знаю всѣ цѣлительныя травы.

ЭГЕЙ.

О, женщина, исполнить я готовъ
Мольбу твою, и ради олимпійцевъ,
И для дѣтей, обѣщанныхъ тобой,—
О нихъ всю жизнь молю боговъ напрасно.
Рѣшилъ я такъ: коль вступишь ты въ мои
Владѣнія,—я странницу и гостью
Могу принять подъ кровлею своей,
Не нарушая правъ ничьихъ; но долженъ
Предостеречь, что тайно уводить
Я не хочу тебя съ собой; а если
Придешь сама изгнанницей въ мой домъ,—
То никому тебя уже не выдамъ.
Но ты должна безъ помощи моей
Покинуть домъ коринѳскаго владыки:
Виновнымъ быть и въ маломъ не хочу
Передъ людьми, съ которыми я друженъ.

МЕДЕЯ.

Да будетъ такъ. Произнеси же клятву,
Чтобъ я была спокойна.

ЭГЕЙ.

Иль ты
Не вѣришь мнѣ? Скажи, чего боишься?

МЕДЕЯ.

Я вѣрю, но сильны мои враги—
И царь Креонъ, и дочери Пелея.
Поклявшись здѣсь, передъ лицомъ боговъ,
Не защитить меня ты не посмѣешь;
Но, обѣщавъ безъ клятвы, можешь выдать
Посламъ, союзъ съ врагами заключивъ:
Я—слабая и бѣдная; у нихъ же
И золото, и царственная власть.

ЭГЕЙ.

О, женщина, являешь осторожность
Не малую; но въ клятвѣ отказать
Я не хочу: тебя спасти мнѣ легче,
Такой предлогъ имѣя для враговъ,
И будешь ты въ дому моемъ спокойнѣй,
Хранимая обѣтомъ. Но скажи,
Какими же богами мнѣ поклясться

МЕДЕЯ.

Землей и Солнцемъ, прадѣдомъ моимъ,
И всѣмъ великимъ сонмомъ олимпійцевъ.

ЭГЕЙ.

Въ чемъ, говори.

МЕДЕЯ.

Что не изгонишь самъ
И что врагамъ не выдашь добровольно,
Пока ты живъ, меня изъ дома.

ЭГЕЙ.

Да,
Исполню все, клянусь сіяньемъ Солнца
Божественнымъ и Матерью-землей,
И всѣмъ великимъ сонмомъ олимпійцевъ.

МЕДЕЯ.

А если нѣтъ?..

ЭГЕЙ.

То карой пораженъ
Да буду я—безбожникамъ грозящей.

МЕДЕЯ.

Благодарю. Теперь иди, будь счастливъ
И помни, царь: въ твой городъ я приду,
Какъ только здѣсь исполню все, что должно.

ХОРЪ *(вслѣдъ уходящему Эгею).*

Пусть отнынѣ, Эгей, окрыленный Гермесъ,
Совершающихъ путь покровитель,
Провожаетъ тебя и даруетъ успѣхъ,
Ибо ты поступилъ съ оскорбленной женой
Съ добротой благородной, по-царски.

МЕДЕЯ *(Хору).*

О, Зевсъ и Правда, дочь боговъ, и Солнце!
Теперь вступили мы на вѣрный путь.
Теперь насъ ждетъ великая побѣда:
За все моимъ врагамъ я отомщу!
Мнѣ царь Эгей—защита и твердыня,
Отъ сильной бури пристань и пріютъ,
Гдѣ мой корабль, причаливъ, броситъ якорь,
Когда вступлю къ Палладѣ въ городъ.—Все
Открою вамъ, о, милыя,—внимайте,
Хотя вашъ слухъ, быть-можетъ, оскорблю
Суровыми рѣчами: въ домъ къ Язону

Изъ слугъ моихъ кого-нибудь пошлю,
И выйдетъ онъ ко мнѣ, и съ хитрой лестью
И съ ласками я приступлю къ нему,
Скажу, что волѣ мужа покорилась,
И что нашла полезнымъ для семьи
Клятвопреступный бракъ его, что мудро
И праведно со мной онъ поступилъ.
Я умолю,—и онъ дѣтей позволитъ
Оставить здѣсь, въ Креоновомъ дворцѣ,
Не для того, чтобъ ихъ на поруганье
Отдать врагамъ моимъ, но злую смерть
Я черезъ нихъ готовлю новобрачной:
Даръ отъ меня ей дѣти поднесутъ—
Златой вѣнецъ и пеплумъ легкотканный.
Когда жъ уборъ возложитъ на себя,
Ужасною погибнетъ смертью дѣва,
Умрутъ и всѣ, кто прикоснутся къ ней:
Такимъ мой даръ напитанъ будетъ ядомъ...
Не лучше ль здѣсь мнѣ рѣчь мою прервать?..
Того, что я потомъ должна исполнить,—
Сама боюсь: хочу убить дѣтей,
И не спасетъ ихъ никакая сила...
Когда же родъ Язоновъ истреблю,
Я прочь уйду, чтобы не видѣть крови
Возлюбленныхъ... Злодѣйство совершу,
Которому нѣтъ имени, я знаю,
Но не могу терпѣть, чтобъ надо мной
Враги смѣялись... И на что мнѣ жизнь—
Безъ родины, безъ милыхъ, безъ надежды?
Нѣтъ, кончено... Я клятвамъ чужеземца
Довѣрилась, покинувъ отчій домъ,
Безумная;—зато, лукавый эллинъ,
Теперь изъ рукъ моихъ ты не уйдешь
И болѣе живыми не увидишь
Дѣтей своихъ, рожденныхъ мной,—не дастъ
И новая жена тебѣ потомковъ:
Измѣнница отъ яда моего,

Проклятая, умретъ проклятой смертью!..
Да не сочтутъ смиренною меня
И кроткою, и слабой: нѣтъ, ужасна
Я для враговъ, зато вѣрна друзьямъ,—
Удѣлъ такихъ людей великъ и славенъ.

ХОРЪ.

Коль ты сама намъ замыселъ открыла,
Молить, во имя блага твоего,
Во имя всѣхъ людскихъ законовъ, будемъ:
Ты этого не дѣлай!

МЕДЕЯ.

И должна,
И сдѣлаю. Но вашъ совѣтъ прощаю,
О, женщины,—вы не страдали такъ,
Какъ я страдаю...

ХОРЪ.

И дерзнешь ты руку
На собственную кровь и плоть поднять?

МЕДЕЯ.

О, да,—ничѣмъ инымъ я сердце мужа
Не уязвлю такъ больно.

ХОРЪ.

И себя
Ты сдѣлаешь несчастнѣйшей изъ женщинъ!..

МЕДЕЯ.

Пусть!.. Но теперь давать совѣты поздно.—
(Служанкѣ.)
Бѣги скорѣй, Язона приведи:
Донынѣ ты была во всемъ мнѣ вѣрной:
О, если любишь госпожу свою

И носишь имя женщины не даромъ,—
Не выдавай меня врагу, молчи!

ХОРЪ.

Строфа первая.

Жители Аттики, племя счастливое,
Древнія дѣти блаженныхъ боговъ.
Всѣ вы питаетесь мудростью славною,
Сладкимъ плодомъ благородной земли.
Вѣчно-радостные, ходите
Въ легкомъ воздухѣ блистающемъ.
Говорятъ,—въ землѣ у васъ
Златокудрая Гармонія
Въ дни былые стала матерью
Девяти священныхъ Музъ.

Антистрофа первая.

Тамъ, почерпнувъ дуновенье прохладное
Въ сладко-журчащихъ Кефиза волнахъ,—
Тихимъ дыханьемъ вѣтровъ благовѣющихъ
Землю ласкаетъ Богиня Любви,
И вѣнкомъ неувядаемымъ
Изъ душистыхъ розъ аттическихъ
Кудри легкія обвивъ,
Людямъ шлетъ Киприда милую,
Строгой Мудрости сообщницу—
Непорочную Любовь!

Строфа вторая.

Какъ же священныя рѣки,
Какъ же привѣтливый край,
Дружбѣ людей благосклонный,
Примутъ тебя,
Злобную, страшную
И оскверненную
Кровью дѣтей?

Видишь ихъ раны?
Слышишь ихъ вопль?
Нѣтъ! обнимая колѣни твои,
Молимъ мы всѣ, заклинаемъ тебя:
Сжалься надъ бѣдными!

Антистрофа вторая.

Гдѣ же такую отвагу,
Гдѣ же ты силу возьмешь,
Чтобы на нихъ, беззащитныхъ,
Руку поднять?
Слезы не хлынутъ ли,
Не помутятся ли,
Очи твои?
Если увидишь,
Какъ упадутъ
Дѣти къ ногамъ твоимъ съ тихой мольбой,—
Нѣтъ! омочить не дерзнешь въ ихъ крови
Мечъ свой безжалостно!

ЯЗОНЪ.

Опять на зовъ твой я пришелъ, Медея:
За зло тебѣ платить не буду зломъ.
Не бойся же, скажи, чего ты хочешь,
О, женщина,—я выслушать готовъ.

МЕДЕЯ.

Забудь, Язонъ, мой гнѣвъ несправедливый,
Прости мнѣ, милый, все и не сердись,—
Молю о томъ во имя прежней дружбы
Наединѣ, одумавшись, я стала
Бранить себя: несчастная, зачѣмъ
Безумствуешь и ненавидишь тѣхъ,
Кто трудится для твоего же блага?
Зачѣмъ врагомъ ты сдѣлалась царю
И доброму супругу, чье желанье

Единственное—быть полезнымъ всѣмъ:
Онъ женится на дочери Креона
Лишь для того, чтобъ сыновьямъ твоимъ
Опору дать въ могущественныхъ братьяхъ.
Не лучше ли смирить безумный гнѣвъ?
Не мудро ли все устрояютъ боги?
Чего ты ждать могла одна, съ дѣтьми,
Въ чужой землѣ покинутая всѣми?..
Такъ разсудивъ, сказала я себѣ,
Что тщетнымъ былъ мой гнѣвъ и безразсуднымъ;
Я поняла какъ мудро поступилъ
Ты, съ царственной семьею породнившись.
О, глупая,—сочувствовать во всемъ
И помогать я съ радостью должна бы,
Сама у ложа брачнаго стоять,
Услуживать твоей невѣстѣ милой! .
Но женщинами женщины всегда
Останутся,—и съ ними спорить значитъ
Лишь глупостью на глупость отвѣчать.
Ты видишь: я раскаялась и рада
Вину мою загладить предъ тобой.

(Подходя къ двери дворца.)

Сюда, сюда, о, дѣти, поскорѣй!
Привѣтствуйте отца и обнимите:
Онъ вашу мать простилъ, забыто все,
Да воцарится прежній миръ въ семьѣ!

(Сыновья Медеи выходятъ изъ дворца.)

Коснитесь же руки его, не бойтесь...
О бѣдные! зачѣмъ я не могу
Смотрѣть на васъ безъ ужаса и боли!
Кто знаетъ, долго ль вамъ на свѣтѣ жить
И къ матери довѣрчиво ласкаться?..
О, тяжко, тяжко! плачу и дрожу...
Но полно—все прошло... мы помирились...
Отъ счастья лица нѣжныя дѣтей
Я сладкими слезами орошаю!

ХОРЪ.

И по моимъ щекамъ струятся слезы
Обильныя, но не отъ счастья,—нѣтъ,
Я бѣдствія ужасныя предвижу.

ЯЗОНЪ

Разумно все, что говоришь ты нынѣ,
А прежняго не будемъ вспоминать:
Чтобъ женщина не гнѣвалась на мужа,
Вступающаго въ новый бракъ, нельзя
И требовать; но мысли измѣнила
Ты къ лучшему и, во-время вступивъ
На добрый путь, себя являешь мудрой,
Покорною супругой. *(Къ сыновьямъ.)*
А для васъ,
О, дѣти, все ко благу устроятъ
Родитель вашъ: когда-нибудь въ Коринѳѣ
Вы сдѣлаетесь первыми людьми.
Растите же,—объ остальномъ отецъ
Заботится и Геній, васъ хранящій.
На склонѣ лѣтъ надѣюсь увидать,
Какъ въ юности прекрасной и цвѣтущей
Низложите вы всѣхъ своихъ враговъ.
(Къ Медеѣ.)
Но ты, жена, зачѣмъ такъ горько плачешь
И, блѣдное лицо желая скрыть,
Привѣтливымъ словамъ моимъ не внемлешь?

МЕДЕЯ.

Прости, мой другъ: я думала о дѣтяхъ...

ЯЗОНЪ.

Утѣшься же,—все сдѣлаю для нихъ

МЕДЕЯ.

О, да, Язонъ, словамъ твоимъ я вѣрю...
Но знаешь самъ: готовы обо всемъ
Мы, женщины безпомощныя, плакать.

ЯЗОНЪ.

Печаль твоя безмѣрна. Что съ собой?

МЕДЕЯ.

Вѣдь я имъ мать... Когда ты говорилъ
О томъ, что ждетъ дѣтей моихъ, о жизни,
Я думала: свершатся ли твои
Желанія?—и страхъ объялъ мнѣ сердце...
Но рѣчь мою докончить я должна.
Вотъ, милый другъ, еще одна лишь просьба,
Послѣдняя: я вижу, что Креонъ
Изгналъ меня для моего же блага,—
Чтобъ никому я въ тягость не была
Здѣсь, гдѣ меня привыкли ненавидѣть.
Изъ города сама хочу уйти;
Но сыновей ты въ домъ къ себѣ возьми
И воспитай; просить владыку можешь,
Чтобъ онъ твоихъ дѣтей не изгонялъ.

ЯЗОНЪ.

Удастся ли царя склонить, не знаю;—
Попробую.

МЕДЕЯ

Невѣстѣ ты скажи,—
Пусть своего отца она попроситъ,
Чтобъ онъ дѣтей помиловалъ.

ЯЗОНЪ.

О, да,
Я все исполню: будетъ ей понятна
Печаль твоя о дѣтяхъ: и она—
Вѣдь женщина.

МЕДЕЯ.

Хочу я въ этомъ дѣлѣ
Помочь тебѣ: невѣстѣ чудный даръ—
Златой вѣнецъ и пеплумъ легкотканный—
Прекраснѣе всего, что есть у смертныхъ,

Пошлю съ дѣтьми.
Рабыни, изъ дворца
Мнѣ тотъ уборъ скорѣе принесите;
Пусть радостями всѣми обладаетъ
Жена твоя; и лучшимъ изъ мужей,—
Тобою, другъ, и лучшимъ изъ нарядовъ.
Его же самъ богъ Солнца подарилъ,
Отецъ отцовъ моихъ—царямъ Колхиды.

(Рабыня приноситъ драгоцѣнный ящикъ съ уборомъ. Медея принимаетъ и передаетъ его сыновьямъ.)

МЕДЕЯ.

Несите же, о, дѣти, брачный даръ
Счастливѣйшей невѣстѣ,—онъ достоинъ
Жены Язона, дочери царя!

ЯЗОНЪ.

Зачѣмъ себя сокровища лишаешь,
О глупая? Не думаешь ли ты,
Что у царей одеждъ роскошныхъ мало
И золота? Оставь его себѣ,
И ежели чего-нибудь я стою
Въ глазахъ невѣсты, предпочтетъ она,
Надѣюсь, всѣмъ дарамъ меня.

МЕДЕЯ.

Нѣтъ, нѣтъ,
Самимъ богамъ любезны приношенья;
А надъ людьми имѣетъ больше власти
Видъ золота, чѣмъ множество рѣчей.
Теперь вѣдь все въ рукахъ царицы новой,
Теперь къ ней Рокъ и боги благосклонны;
А за дѣтей, не золото одно—
Я отдала бы съ радостью и душу!

(Сыновьямъ.)

Ступайте же скорѣе во дворецъ
И дивный даръ мой отнесите юной

Женѣ отца, владычицѣ моей,
Моля о томъ, чтобъ васъ не изгоняли,
Но помните же, дѣти: вы должны
Отдать уборъ ей въ собственныя руки.
Не медлите,—и, все свершивъ, скорѣй
Ко мнѣ съ желанной вѣстью возвращайтесь.

(Послѣ того, какъ Язонъ и сыновья ушли, Медея подходитъ къ дверямъ дворца и, ожидая, прислушивается.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Теперь ихъ отъ смерти ничто не спасетъ.
О мать! твои дѣти, какъ жертвы, идутъ,
Идутъ на закланіе!
Дѣва приметъ даръ проклятый,
Золотой вѣнецъ Аида,
И несчастная сама
Обовьетъ себѣ, ликуя,
Смертоносной діадемой
Русокудрую главу.

Антистрофа первая.

Плѣнитъ ее блескъ золотого вѣнца,
Сіянье волшебныхъ одеждъ ослѣпитъ,—
И дѣва украсится,—
Чтобы въ царство Тѣни Смертной
Отойти въ уборѣ брачномъ?
Не избѣгнетъ западни
Гдѣ, таясь, подстерегаетъ
Ужасающая Парка,
Неминуемая смерть.

Строфа вторая.

А ты, женихъ несчастный,
Не въ добрый часъ хвалился
Ты царственнымъ союзомъ:

Ты самъ, того не зная,
Готовилъ злую смерть
И дѣтямъ, и невѣстѣ:
Такъ всѣ твои надежды
Осмѣяны Судьбой

Антистрофа вторая.

Но и тебя намъ жалко,
О, мать-дѣтоубійца,
Отвергнутая всѣми!
Свершишь ты злодѣянье,
Чтобъ мужу отомстить:
Избравъ жену другую,
Изгнать не постыдился
Онъ мать своихъ дѣтей!

(Изъ дворца выходитъ воспитатель съ обоими сыновьями Медеи.)

ВОСПИТАТЕЛЬ.

О, госпожа, отмѣнено изгнанье
Дѣтей твоихъ: съ улыбкой приняла
Невѣста даръ твой въ собственныя руки.
Теперь не бойся,—дѣти спасены.

МЕДЕЯ.

О-о!..

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Зачѣмъ стоишь, объятая смущеньемъ?
Иль эта вѣсть не радуетъ тебя?

МЕДЕЯ.

О, горе мнѣ!

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Что значитъ скорбь твоя, о чемъ вздыхаешь?

МЕДЕЯ.

Увы! Увы!..

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Иль, самъ того не зная,
Принесъ тебѣ я роковую вѣсть,
Обманутый невѣрною надеждой?

МЕДЕЯ.

Нѣтъ, ты сказалъ, что долженъ былъ сказать,
И я тебя ни въ чемъ не упрекаю.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Зачѣмъ же, взоръ потупивъ, слезы льешь?

МЕДЕЯ.

Какъ слезъ не лить?.. О, если бъ могъ ты знать,
Что дѣлаютъ со мною богъ и ярость!

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Мужайся же: какъ дѣти подрастутъ,—
Вернешься къ нимъ,—окончится изгнанье...

МЕДЕЯ.

Но я сперва сама пошлю другихъ
Въ изгнаніе, откуда нѣтъ возврата.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Осуждена въ разлукѣ жить съ дѣтьми
Не ты одна: рожденные для смерти,
Мы всѣ должны, покорствуя, терпѣть.

МЕДЕЯ.

Да будетъ такъ. Теперь домой иди же,—
Тамъ все, что нужно дѣтямъ приготовь.

(Воспитатель уходитъ.)

МЕДЕЯ *(сыновьямъ)*.

Вотъ, милые, у васъ пріютъ есть вѣрный
И мирный домъ, гдѣ будете вы жить

Безъ матери, въ разлукѣ съ нею вѣчной.
А я пойду, скиталицей, одна,
Въ чужой землѣ, не насладившись вами
И не взглянувъ на счастье сыновей.
Вамъ брачныя постели не украшу,
Вамъ свадебной лампады не зажгу...
О, будь же ты, мой гнѣвъ безумный, проклятъ!
Напрасно, дѣти, я вскормила васъ
И горькими трудами изнурялась,
Напрасно я васъ въ мукахъ родила!
Какъ сладостно, какъ долго я мечтала,
Что въ старости вы будете беречь,
Питать меня,—когда жъ умру, свершите
Всѣ должные обряды надо мной—
Удѣлъ завидный людямъ... Но погибли
Тѣ милыя надежды, и безъ васъ
Вся жизнь моя—лишь горечь и томленье.
Должны и вы начать иную жизнь,
Гдѣ матери вамъ больше не увидѣть.
О, тяжко, тяжко!.. Что вы на меня
Такъ смотрите, родимые, съ послѣднею
Улыбкой?

(Хору.)

О, женщины, нѣтъ силъ—
Мнѣ вся моя отвага измѣняетъ,
Едва взгляну имъ въ ясные глаза...
Нѣтъ, не могу—прочь, замыселъ безумный!..
Въ изгнаніе беру съ собой дѣтей.
Чтобъ отомстить отцу,—зачѣмъ я буду
Сама себя ихъ муками терзать?
Прочь замыселъ мой, страшный и безумный!..
Но что же будетъ? Какъ? Я потерплю,
Не отомстивъ, чтобъ надо мной смѣялись
Враги мои? Какая низость! Мысль
Презрѣнную я въ сердце допустила.
Ступайте, дѣти, во дворецъ... Скорѣй!..
Все кончено!

(Хору)

Кому не должно видѣть
Закланья жертвъ,—иди отсюда прочь.
Теперь уже рука моя не дрогнетъ!

(Ведетъ сыновей къ дверямъ дома, но на порогѣ останавливается, простираетъ руки къ дѣтямъ и плачетъ.)

О, о!..
Не надо, сердце! Этого не дѣлай!
Оставь дѣтей, оставь ихъ, пощади!
Въ разлукѣ съ ними вѣчной все же будетъ
Такъ сладко ихъ любить, хоть издали...
Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Клянусь тѣнями ада
И мщеніемъ подземныхъ Эвменидъ!
Не быть тому вовѣкъ: на поруганье
Я не отдамъ дѣтей моихъ врагу.
Вѣдь все равно имъ смерти не избѣгнуть,—
Я родила ихъ, я же и убью.
Назначенное Рокомъ да свершится!..
Теперь ужъ дочь царя, принявъ вѣнецъ,
Въ отравленныхъ одеждахъ умираетъ:
Пора и мнѣ вступить на страшный путь,
А путь дѣтей моихъ еще страшнѣе!
Но ихъ обнять должна въ послѣдній разъ.

(Сыновьямъ.)

Поцѣловать мнѣ дайте ваши руки...
О, руки милыя! О, кроткій взоръ!
О, лица благородныя! Да будетъ
Вамъ легкой жизнь, но ужъ не здѣсь, а тамъ:
Отецъ у васъ земное счастье отнялъ...
О, нѣжное прикосновенье устъ,
О, чистое, невинное дыханье!
Идите же, идите,—не могу
Смотрѣть на васъ!.. Нѣтъ, слишкомъ больно сердцу;
Сама боюсь того, что совершу...

Но чувствую: мой умъ—слабѣй, чѣмъ ярость,
Виновница непоправимыхъ бѣдъ!

(Сыновья уходятъ.)

ХОРЪ.

Я хотѣла не разъ угадать и постичь,
Ненасытнымъ умомъ я пытала не разъ
То, что женщинамъ мало доступно:
Ибо Муза безмолвная есть и у насъ,
Что внушаетъ намъ къ мудрости высшей любовь,—
Только, правда, не всѣмъ, а лишь рѣдкимъ,
Лишь одной среди многихъ;—но все же порой
Піэриды и женамъ не чужды.
Такъ я нынѣ скажу, что счастливѣй отцовъ—
Тотъ, кто брачнаго ложа и вовсе не зналъ,
Кто родителемъ не былъ вовѣки:
Не извѣдавъ, какое блаженство порой
И какія мученья намъ дѣти даютъ,
Онъ отъ многихъ страданій избавленъ.
А у тѣхъ, въ чьемъ дому вешній сладостный цвѣтъ
Беззаботныхъ дѣтей расцвѣтаетъ, вся жизнь—
Изнуряющій трудъ и забота:
Какъ сперва возрастить, какъ вскормить ихъ потомъ,
Какъ устроить имъ жизнь, какъ имѣнье скопить
Онъ заботиться долженъ, не зная,
Для кого еще терпитъ столь тягостный трудъ:
Для порочныхъ дѣтей, или добрыхъ?
Но послѣдняго, самаго горькаго зла
Не избѣгнетъ никто: если даже отецъ
Дѣтямъ дастъ и богатство, и счастье,
И они возмужаютъ и будутъ людьми
Благородными, если такъ мудро
Обо всемъ позаботятся боги,—то смерть
Похищаетъ дѣтей и уноситъ въ Аидъ!
И какая же людямъ отрада,
Что ко всѣмъ человѣческимъ мукамъ, еще

Эту злѣйшую скорбь—смерть любимыхъ дѣтей—
Посылаютъ родителямъ боги?

МЕДЕЯ *(Хору)*.

О, милыя, я жду и не дождусь,—
Свершится ли задуманное мною
Тамъ во дворцѣ?—Но вотъ одинъ изъ слугъ
Язоновыхъ сюда бѣжитъ: смотрите,
Какъ тяжело онъ дышитъ и какъ блѣденъ:
Я думаю, что будетъ страшной вѣсть!

(Входитъ Вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Медея, ты, свершившая злодѣйство
Безбожное,—бѣги, бѣги скорѣй!
Иль по морю спасайся, иль по сушѣ
Но только здѣсь не медли!

МЕДЕЯ.

Что случилось,
Чтобъ мнѣ съ такой поспѣшностью бѣжать!

ВѢСТНИКЪ.

Сейчасъ погибли отъ твоей отравы
И дочь царя, и самъ Креонъ.

МЕДЕЯ.

О, вѣсть
Сладчайшая! Отнынѣ, добрый вѣстникъ,
Ты—лучшій другъ, ты—благодѣтель мой!

ВѢСТНИКЪ,

Въ умѣ ли ты, о женщина? Опомнись!
Очагъ царя разрушивъ, эту вѣсть
Ты слушаешь, ликуя, безъ боязни?

Могла бы я тебѣ отвѣтить, другъ...
Но не сердись и обо всемъ скорѣе
Намъ разскажи: обрадуюсь вдвойнѣ,
Узнавъ, что гибель ихъ была ужасной.

ВѢСТНИКЪ.

Когда съ отцомъ вошли къ невѣстѣ двое
Дѣтей твоихъ, мы, вѣрные рабы,
Возликовали, ибо все же, втайнѣ,
Сочувствуемъ мы горести твоей;
Теперь же слухъ прошелъ у насъ, что съ мужемъ
Оконченъ споръ твой долгій: окруживъ
Дѣтей, одинъ имъ кудри золотые,
Другой имъ руки цѣловалъ, а я
Такъ счастливъ былъ, что въ женскіе покои,
Не утерпѣвъ, за ними побѣжалъ.
Тамъ новая хозяйка дома, та,
Которая тебя намъ замѣнила,
Еще дѣтей твоихъ не видя, взоръ,
Исполненный любовью, устремила
На жениха; но вдругъ она дѣтей
Замѣтила и опустила очи,
И отвернула гнѣвное лицо.
Тогда, смягчить желая сердце дѣвы,
Твой мужъ сказалъ: «не будь врагомъ друзей,
Не гнѣвайся и обрати къ нимъ взоры:
Кого супругъ твой любитъ, тѣхъ и ты
Должна любить,—прими же даръ, невѣста,
И для меня ты умоли отца,
Чтобъ отмѣнилъ онъ приговоръ изгнанья
Дѣтей моихъ». Какъ только что уборъ
Увидѣла, она свой гнѣвъ смягчила
И согласилась тотчасъ же на все;
И не успѣлъ еще изъ дома выйти
Язонъ съ дѣтьми, какъ ужъ уборъ взяла

И нарядилась въ пеплумъ многоцвѣтный,
И, волосы обвивъ златымъ вѣнцомъ,
Предъ зеркаломъ блистающимъ связала
Ихъ въ новую прическу, и, смѣясь,
На призрачный свой образъ любовалась:
Поднявшись съ кресла, начала ходить
По комнатамъ и съ легкостью ступала
Ногою бѣлой, радуясь дарамъ,
На цыпочки порой приподымалась,
Повертывая голову назадъ,
Чтобы взглянуть, красиво ль вьются складки.
Но страшное свершилось вдругъ: блѣдна,
Какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ и шатаясь,
Она едва успѣла подойти
Къ сѣдалищу, чтобъ не упасть на землю;
И, думая, что Панъ ее сразилъ
Иль богъ иной, ужъ старая рабыня
Молитву съ воемъ начала;—когда жъ
Увидѣла, что очи закатились,
Что отъ лица отхлынула вся кровь,
И на губахъ ея бѣлѣетъ пѣна,
То въ ужасѣ, прервавъ священный вой,
Пронзительно старуха закричала.
Всѣ женщины на крикъ сбѣжались: та
Спѣшитъ въ покой къ отцу, другая—къ мужу,
Чтобъ возвѣстить бѣду,—и вдругъ весь домъ
Наполнился смятеніемъ и шумомъ
Стремительныхъ шаговъ. Но скороходъ,
Уже успѣвъ окончить цѣлый стадій,
Въ ристалищѣ коснулся бы меты,—
Пока она лежала бездыханной,
Съ закрытыми очами. Наконецъ
Страдалица очнулась съ громкимъ воплемъ;—
Двойными были муки: изъ вѣнца,
Сжимавшаго ей голову, струился
Всепожирающій огонь, и даръ
Дѣтей твоихъ—прозрачный, легкій пеплумъ—

Несчастной тѣло бѣлое сжигалъ.
Тогда она вскочила, обезумѣвъ,
Вся въ пламени, и бросилась бѣжать
И головой трясла и волосами,
Чтобы сорвать пылающій вѣнецъ.
Но золото за волосы цѣплялось,
И чѣмъ сильнѣе головой трясла,
Тѣмъ въ нихъ огонь все ярче разгорался.
И, наконецъ, упала, ослабѣвъ,—
И собственный отецъ теперь узналъ бы
Ее съ трудомъ: ни милаго лица,
Ни ясныхъ глазъ; смѣшавшись съ кровью, льется
Расплавленное золото и жжетъ.
Какъ свѣтлая смола сосны горящей,
Истаеваетъ тѣло на костяхъ,
Снѣдаемо незримымъ ядомъ,—жалкій
И страшный видъ!—Не смѣлъ никто изъ насъ,
Наученныхъ ея судьбой плачевной,
Притронуться къ умершей; вдругъ отецъ
Вбѣжалъ, еще не вѣдая несчастья,
И бросился, и обнялъ блѣдный трупъ,
И возопилъ, въ уста ее цѣлуя:
«О, бѣдное дитя, кто изъ боговъ
Сразилъ тебя такой ужасной смертью?
Кто на краю могилы старика
Осиротилъ? О, если бы съ тобою,
Родимая, намъ вмѣстѣ умереть!»
Когда жъ его стенанія затихли,
Старикъ хотѣлъ подняться, но не могъ:
Какъ цѣпкій плющъ къ стволу могучихъ лавровъ,
Къ отравленной одеждѣ онъ прильнулъ;
Порой съ усильемъ подымалъ колѣно,
Но мертвая влекла его назадъ;
Когда жъ срывалъ онъ липкій, жгучій пеплумъ,—
То отпадало тѣло отъ костей.
И, наконецъ, онъ замеръ побѣжденный
Мученьями, и бездыханнымъ палъ.

Такъ, навсегда соединившись рядомъ
Покоятся они, отецъ и дочь:
Плачевная судьба ихъ совершилась.—
Вотъ все, что я могу тебѣ сказать,
А какъ спастись—и безъ меня ты знаешь.
Всегда я думалъ: жизнь людская—тѣнь;
И говорю я смѣло: кто въ наукѣ
И въ краснорѣчьи первыми слывутъ,
Тѣ, можетъ-быть, безумьемъ наибольшимъ
Ослѣплены: нѣтъ счастья на землѣ;
Пріятной жизнь богатство можетъ сдѣлать,
Счастливою не сдѣлаетъ ничто!

(Вѣстникъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Намъ кажется, что боги въ этотъ день
Хотятъ, Язонъ, во гнѣвѣ справедливомъ,
Всѣ бѣдствія обрушить на тебя.
Несчастная! оплакиваемъ горько,
О, дочь царя, мученія твои.
За преступленье жениха вступила
Ты въ темныя Аидовы врата!

МЕДЕЯ.

Теперь скорѣй мой замыселъ, о, жены,
Исполнить я должна—дѣтей убить
И прочь бѣжать;—а если буду медлить,
Еще отъ злѣйшей, отъ чужой руки
Падутъ они, а смерти не минуютъ.
Такъ пусть же, давъ имъ жизнь, я дамъ и смерть
Вооружись, о, сердце, будь безстрашнымъ
И то, что Рокъ назначилъ, соверши.
Беру я мечъ для горькой битвы жизни
О, жалкая рука моя, дерзай!
Не будь, Медея, слабою, не думай,
О томъ, что любишь ихъ, что ты имъ мать:
Мигъ, только краткій мигъ забудь дѣтей,—

Потомъ всю жизнь о нихъ ты будешь плакать...
Несчастная! вѣдь если и убьешь,
Ты все-таки ихъ разлюбить не можешь!
(Медея съ обнаженнымъ мечомъ входитъ во дворецъ и запираетъ двери.)

ХОРЪ

Строфа.

О земля! О, лучъ Солнечный, всеозаряющій!
Посмотрите на эту погибшую:
Подняла, подняла она мечъ
На дѣтей, кровожадная.
О, богъ Солнца, вѣдь это же внуки твои,
Это племя твое золотое...
Страшно, страшно подумать, что кровью боговъ
Обагрится рука человѣка!
Благодатное свѣтило,
Укроти ея безумье,
Изгони же прочь изъ дома
Эту фурію, убійцу,
Порожденье духовъ тьмы!

Антистрофа.

Ты напрасно носила во чревѣ дѣтей своихъ,
Родила ихъ напрасно, изгнанница,
Миновавшая грозный проливъ.
Симплегады лазурныя.
Что онъ сдѣлалъ съ тобой, этотъ яростный гнѣвъ!
Безпощадная мать, неужели
Нынѣ въ сердцѣ твоемъ, вмѣсто прежней любви,
Только жажда убійства и крови?
Горе людямъ, осквернившимъ
Землю родственною кровью,
Ибо въ домъ сыноубійцы
Непрощающіе боги
Бѣды шлютъ изъ рода въ родъ.
(Изъ дворца доносятся крики сыновей Медеи.)

ПЕРВЫЙ СЫНЪ.

Что дѣлать намъ? Куда бѣжать отъ матери?..

ВТОРОЙ СЫНЪ.

О, милый братъ, погибли мы, несчастные!..

ХОРЪ.

Вы слыхали крикъ? Это—вопль дѣтей...
Злополучная сыноубійца!..
Не помочь ли имъ? Не войти ли въ домъ,
Чтобъ ее удержать отъ злодѣйства?

СЫНОВЬЯ.

О, помогите, помогите! Горе намъ!...
Ужъ занесенъ надъ нами мечъ... Спасите насъ!

ХОРЪ.

Значитъ, сердце твое—изъ желѣза, изъ камня,
Если могла ты на собственный плодъ,
На рожденныхъ тобою и вскормленныхъ
Неумолимую
Руку поднять!
Слышала я объ одной только матери,
Такъ же дѣтей умертвившей, какъ ты:
Ино въ безумьи, богами ниспосланномъ,
Изгнана Герою,
Двухъ сыновей умертвивъ,
Чтобъ искупить злодѣяніе,
Бросилась въ море съ обрыва, и смерть
Соединила съ дѣтьми ее, вѣчно-любимыми.
Но еще ужаснѣе—
То, что здѣсь мы видѣли.
О, многострадальное
Ложе, ложе брачное,
Сколько породило ты
Бѣдствій на землѣ.

(Изъ другихъ дверей дворца входитъ Язонъ.)

ЯЗОНЪ *(Хору)*.

Вы отъ дверей дворца не отходили,
О, женщины, скажите жъ, гдѣ она,
Свершившая такое злодѣянье?
Тамъ, во дворцѣ, иль думаетъ бѣжать?
Но подъ землей ей надо будетъ скрыться,
Иль въ облака на крыльяхъ улетѣть,
Чтобъ мщенія за царскій домъ избѣгнуть!
Надѣется безумная спастись,
Владыку умертвивъ!.. Но лишь о дѣтяхъ
Забочусь я: ее накажутъ тѣ,
Чей родъ она проклятьемъ осквернила;
А я пришелъ, чтобъ сыновей спасти:
Боюсь, злодѣйство матери родной
Не вздумали бы выместить на нихъ.

ХОРЪ.

Еще ты самъ бѣды своей не знаешь,
Язонъ,—а то бы такъ не говорилъ.

ЯЗОНЪ.

Какой бѣды? Быть-можетъ, и меня
Задумала убить она?

ХОРЪ.

Несчастный!
Она убила сыновей твоихъ.

ЯЗОНЪ.

Что говоришь, о, женщина?.. Молчи!..
Слова твои—страшнѣе смерти!..

ХОРЪ.

Правду
Я говорю: убила мать дѣтей.

ЯЗОНЪ.

Тамъ во дворцѣ, или внѣ дома?

ХОРЪ.

Двери
Открой—ты самъ увидишь ихъ тѣла.

ЯЗОНЪ (*слугамъ*).

Скорѣй, скорѣй, рабы, замки ломайте,
Откройте двери настежь, чтобы могъ
Я увидать мое двойное горе—
Смерть двухъ дѣтей моихъ,—и отомстить!

(Двери дворца открываются, изъ нихъ вылетаетъ Медея, на волшебной колесницѣ, съ драконами бога Солнца; мертвыя тѣла обоихъ сыновей лежатъ у ногъ ея.)

МЕДЕЯ.

Зачѣмъ ты въ домъ ворваться хочешь силой?
Зачѣмъ ломаешь двери? Не трудись:
Тамъ больше нѣтъ дѣтей твоихъ убитыхъ,
Они—со мной. Но ежели имѣешь
Ты что-нибудь сказать мнѣ,—говори,
Рукою же ко мнѣ не прикоснешься:
Хранитъ меня богъ Солнца, мой отецъ:
Онъ даровалъ мнѣ эту колесницу—
Убѣжище отъ всѣхъ моихъ враговъ!

ЯЗОНЪ.

Тварь, ненавистная богамъ и людямъ,
О, гнусное чудовище! однимъ
Пронзила ты мечомъ, однимъ ударомъ
Дѣтей своихъ невинныхъ и меня!
И смотришь ты на землю и на солнце,
Такое злодѣянье совершивъ!..
Проклятіе! Теперь я только понялъ
Какъ былъ я слѣпъ, глупецъ, когда тебя,
Предавшую и родъ свой, и отчизну,
Въ домъ эллиновъ изъ варварской земли
На гибель всѣмъ привелъ: то боги мщенья
Какъ фурію, послали мнѣ тебя!

Ты на корабль прекрасный аргонавтовъ
Уже вступила, брата умертвивъ—
И это былъ твой первый шагъ къ злодѣйству.
Потомъ, родивъ дѣтей, чтобъ отомстить,
Изъ ревности, изъ похоти нечистой,—
Невиннѣйшую кровь ихъ пролила.
Нѣтъ, нѣтъ, изъ женъ Эллады ни одна
Не посягнула бъ на такое дѣло!
И я еще любилъ тебя, змѣю
Проклятую, отогрѣвалъ на сердцѣ!.
Не женщина, а львица ты, съ душой
Безжалостнѣй, чѣмъ злая вѣдьма Сцилла,
Чудовище невѣдомыхъ морей!..
Но не смутятъ тебя мои проклятья:
Ты наглостью хранима, какъ щитомъ
Прочь съ глазъ моихъ запятнанная кровью,
Безстыдная!

(Плачетъ.)

Осталось мнѣ одно:
Всю жизнь скорбѣть о гибели невѣсты
И сыновей, которыхъ такъ любилъ.

(Простирая руки къ сыновьямъ.)

О, милые, васъ больше не увижу...
Безумецъ! самъ, я самъ васъ погубилъ!

МЕДЕЯ.

Могла бъ и я отвѣтить длинной рѣчью.
Но для чего? Не видѣлъ ли отецъ
Зевесъ мою любовь, твою измѣну?
Рокъ не судилъ тебѣ въ блаженствѣ жить,
Надъ муками моими издѣваясь:
Теперь ни дочь царя, ни самъ Креонъ,
Который съ нею свелъ тебя,—изъ дома,
Какъ нищую, не выгонятъ меня?..
Я кончила. Ты можешь звать Медею
И львицею, и злою вѣдьмой Сциллой;—

Свершилась казнь: какъ должно я тебѣ
За муку мукой сердце уязвила

ЯЗОНЪ.

Казнивъ дѣтей—сама себя казнила!

МЕДЕЯ.

Пусть! Эта скорбь уже отрадна тѣмъ,
Что надо мной не будешь ты смѣяться.

ЯЗОНЪ.

О, бѣдные, васъ погубила мать!

МЕДЕЯ.

Изъ-за отца погибли вы, о дѣти!

ЯЗОНЪ.

Они убиты не моей рукой...

МЕДЕЯ.

Зато твоимъ коварнымъ, лживымъ сердцемъ.

ЯЗОНЪ.

Ужели ты изъ ревности могла?..

МЕДЕЯ.

Иль малая для женщины обида—
Безчестье ложа брачнаго?

ЯЗОНЪ.

О, да,
Для добрыхъ женъ,—не для такихъ безстыдныхъ!..

МЕДЕЯ.

А все же ты дѣтей не воскресишь!

ЯЗОНЪ.

Они воскреснутъ сами, чтобы гнаться,
Какъ духи смерти, по пятамъ твоимъ!

МЕДЕЯ.

Кто виноватъ въ ихъ смерти,—богъ разсудитъ.

ЯЗОНЪ.

И богъ воздастъ тебѣ за кровь дѣтей!

МЕДЕЯ.

Довольно. Брань твоя мнѣ надоѣла...

ЯЗОНЪ.

И мнѣ—твоя: намъ разойтись легко...

МЕДЕЯ.

Что̀ надо сдѣлать? Я на все готова.

ЯЗОНЪ.

Отдай мнѣ трупы сыновей моихъ,
Чтобъ я ихъ могъ похоронить, оплакавъ.

МЕДЕЯ.

Нѣтъ, вырою могилы имъ сама,
Тамъ, высоко надъ моремъ, въ тихой рощѣ
Богини Геры, гдѣ никто вовѣкъ
Священнаго ихъ сна не потревожитъ;
И таинства, угодныя богамъ,
Во искупленье крови ихъ невинной,
Въ Сизифовой землѣ установлю.
Сама жъ уйду я къ сыну Пандіона,
Къ царю Эгею, въ Эрехтеевъ край.
А ты найдешь себѣ конецъ достойный:

Обломками тебя задавитъ Арго,
Твой собственный корабль, и ты умрешь,
Какъ заслужилъ, презрѣннѣйшею смертью.

ЯЗОНЪ.

Эвмениды, рожденныя кровью дѣтей,
Справедливость боговъ, отомстите!

МЕДЕЯ.

Справедливые боги не внемлютъ лгунамъ,
Преступающимъ клятвы святыя.

ЯЗОНЪ.

Будь ты про́клята, дѣтоубійца!..

МЕДЕЯ.

Возвращайся домой, чтобъ жену хоронить!

ЯЗОНЪ.

Возвращусь одинокій, лишенный дѣтей,
Во дворецъ опустѣвшій и мрачный!..

МЕДЕЯ.

Слезы лить не спѣши: впереди у тебя
Еще долгая, черная старость!

ЯЗОНЪ.

Дѣти, дѣти мои!..

МЕДЕЯ.

Не твои—ты имъ врагъ.

ЯЗОНЪ.

Ты убила ихъ...

МЕДЕЯ.

Да, чтобъ тебѣ отомстить.

ЯЗОНЪ.

Умоляю, позволь мнѣ еще только разъ
Прикоснуться устами къ ихъ мертвымъ устамъ!

МЕДЕЯ.

Ты ихъ любишь теперь, хочешь мертвыхъ ласкать—
А живыхъ не жалѣлъ!

ЯЗОНЪ.

Заклинаю,—
Дай мнѣ только притронуться къ нѣжнымъ тѣламъ!

МЕДЕЯ.

Всѣ слова и моленья—напрасны.

(Медея въ волшебной колесницѣ улетаетъ.)

ЯЗОНЪ.

Зевсъ, ты видишь, какую обиду терплю
Отъ проклятой, запятнанной кровью,
Отъ презрѣннѣйшей твари, убійцы дѣтей!..
До послѣдняго вздоха о мщеньи
Буду къ небу взывать и кричать, и молить:
Да услышатъ безсмертные боги!

(Вслѣдъ Медеѣ.)

Умертвивъ сыновей, не дала ты отцу
Ни обнять ихъ тѣла, ни предать ихъ землѣ!
Пусть бы лучше погибъ я бездѣтнымъ,
Чтобъ не видѣть, какъ мать убиваетъ дѣтей!

ХОРЪ.

Съ олимпійскихъ высотъ посылаетъ Зевесъ
Людямъ много судебъ непонятныхъ:
Не свершается то, чего смертные ждутъ,—
А къ иной, сокровеннѣйшей цѣли
Часто боги идутъ по незримымъ путямъ:
Такъ и здѣсь воля Рока свершилась.

ЕВРИПИДЪ

ИППОЛИТЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Афродита.
Ипполитъ.
Слуги.
Хоръ трезенскихъ женъ.
Кормилица.
Федръ.
Вѣстникъ.
Тезей.
Рабъ.
Артемида.

Дѣйствіе происходитъ передъ дворцомъ Тезея. У входа—двѣ статуи: богини любви, Афродиты, и дѣвственной Артемиды.

АФРОДИТА.

Я—грозная богиня Афродита,
Царящая на небѣ и землѣ.
Народы всѣ, что видятъ свѣтъ небесный.
Отъ береговъ Понтійскихъ и до волнъ
Атлантики—моей подвластны волѣ.
Я милую покорныхъ, но къ сердцамъ,
Исполненнымъ гордыни,—безпощадна:
Правдивость словъ моихъ я докажу.
Тезеевъ сынъ, рожденный Амазонкой,
Воспитанный Пиѳеемъ, Ипполитъ—
Одинъ изъ всѣхъ мужей Эллады—злѣйшей
Богинею зоветъ меня, любви
Чуждается и женщинъ презираетъ.
Онъ гордую и дѣвственную чтитъ
Дочь Зевсову, ее одну считаетъ
Великою, въ тѣни зеленыхъ рощъ
Охотится съ надменной Артемидой,
И болѣе, чѣмъ смертный заслужилъ,
Къ себѣ его приблизила богиня.
Не чувствую къ ней зависти: чему
Завидовать? Но нынѣ Ипполита
За все, въ чемъ онъ виновенъ предо мной,
Я накажу—и трудъ мнѣ будетъ легокъ;
Я месть мою готовила давно.
Въ тотъ день, когда его вторая мать,
Жена отца, узрѣла Ипполита,
Грядущаго къ святынѣ Элевзинской,
Я страсть къ нему преступную зажгла

Въ ея груди. Тамъ на скалѣ Паллады,
Гдѣ съ высоты трезенскія поля
Виднѣются, она мнѣ храмъ воздвигла.
И слухъ пройдетъ до будущихъ вѣковъ,
Что Федрою во славу Ипполита
Основанъ храмъ. И пожелалъ Тезей
Очиститься отъ крови Паллантидовъ,
Въ изгнаніе къ трезенскимъ берегамъ
Приплылъ, и здѣсь, увидѣвъ Ипполита,
Страдаетъ Федра, любитъ и молчитъ.
Причины мукъ ея никто не знаетъ.
Но предъ царемъ я Федру обличу:
Онъ проклянетъ возлюбленнаго сына,
А Посейдонъ Тезею обѣщалъ
Исполнить три желанья: сынъ погибнетъ:
И пусть она, невинная, умретъ!
Не откажусь я для нея отъ мщенья:
Что бъ ни было, мой гнѣвъ я утолю!

(Доносятся радостные крики и пѣсни.)

Но вотъ въ кругу друзей своихъ безпечныхъ
Идетъ домой съ охоты Ипполитъ.
Я слышу: гимнъ во славу Артемиды
Они поютъ. Не знаетъ сынъ царя,
Что передъ нимъ отверсты двери гроба,
Что видитъ солнце онъ въ послѣдній разъ.

(Богиня исчезаетъ. Ипполитъ, въ сопровожденіи слугъ и товарищей, входитъ и возлагаетъ вѣнокъ у подножія Артемиды.)

ИППОЛИТЪ.

Пойте, пойте гимнъ хвалебный
Покровительницѣ нашей,
Дщери Зевса, Артемидѣ!

СЛУГИ

Слава, слава Артемидѣ
Дщери Зевса и Латоны,

Честь богинѣ величайшей
И прекраснѣйшей изъ дѣвъ,
Что на небѣ безпредѣльномъ,
Въ золотыхъ чертогахъ Зевса
Обитаетъ; честь—богинѣ
И прекраснѣйшей изъ дѣвъ!

ИППОЛИТЪ.

Къ твоимъ стопамъ, владычица, вѣнокъ
Я приношу изъ дѣвственной долины,
Куда овецъ не смѣетъ гнать пастухъ,
Куда и серпъ желѣзный не заходитъ,
Гдѣ лишь пчела въ нескошенныхъ лугахъ
Надъ травами душистыми летаетъ,
И свѣтлыми струями нимфа рѣкъ
Стыдливыя деревья орошаетъ.
Цвѣты срывать тамъ могутъ только тѣ,
Кто въ мудрости природою взлелѣянъ,
А людямъ злымъ и грѣшнымъ не дано.
Изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ, сплетенный мною
Для золотыхъ кудрей твоихъ,—прими.
Межъ смертными одинъ я удостоенъ
Съ богинею бесѣдовать, какъ другъ,
Ея лица не видя, слышать голосъ.
О, если бы, у ногъ твоихъ, любя,
Окончить могъ я жизнь мою какъ началъ!

СЛУГА.

Мой господинъ (царями должно звать
Однихъ боговъ), позволь мнѣ молвить слово.

ИППОЛИТЪ.

Я слушаю.

СЛУГА.

Ты знаешь ли законъ,
Надъ смертными царящій?

ИППОЛИТЪ.

Я не знаю,
Какой законъ ты разумѣешь.

СЛУГА.

Тотъ,
Что люди злыхъ и гордыхъ ненавидятъ.

ИППОЛИТЪ.

Ты правъ, старикъ

СЛУГА.

И всѣ мы любимъ кроткихъ.

ИППОЛИТЪ.

Сердца людей плѣняетъ доброта.

СЛУГА.

Но къ доброму и боги благосклонны.

ИППОЛИТЪ.

Коль такъ же боги чувствуютъ, какъ мы.

СЛУГА.

Зачѣмъ же ты великую богиню
Презрѣлъ?

ИППОЛИТЪ.

Скажи, какую? Но смотри,
Чтобы твои уста не погрѣшили

СЛУГА.

Здѣсь, предъ тобой стоящую Киприду.

ИППОЛИТЪ.

Я сердцемъ чистъ и цѣломудренъ: чтить
Такихъ боговъ могу лишь издалека.

СЛУГА.

Но власть ея не даромъ признаютъ
Всѣ племена.

ИППОЛИТЪ.

Пусть каждый избираетъ
Себѣ друзей межъ смертныхъ и боговъ.

СЛУГА.

О, если бы совѣтъ благой ты принялъ!

ИППОЛИТЪ.

Повѣрь, служить не буду я богамъ,
Которыхъ чтутъ во мракѣ ночи, тайно!

СЛУГА.

Не должно ль всѣхъ боговъ Олимпа чтить?

ИППОЛИТЪ.

Скорѣй домой, товарищи, идите,
Устройте пиръ: съ охоты воротясь,
Мы въ трапезѣ нуждаемся обильной.
И, накормивъ и гривы расчесавъ
Скребницами, коней вы приготовьте:
Я запрягу ихъ въ колесницу вновь. *(Слугѣ.)*
А ты оставь меня съ твоей Кипридой!

(Ипполитъ уходитъ.)

СЛУГА.

Я не хочу безумцу подражать
И съ тихою молитвой преклоняюсь
Смиренный рабъ, къ подножью твоему,
Владычица! Не гнѣвайся, Киприда,
На отрока: не вѣдаетъ онъ самъ,
Что говоритъ: пустыхъ рѣчей не слушай:
Мудрѣе смертныхъ должно быть богамъ.

(Слуга уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Бьетъ родникъ сверкающій
Изъ утеса мрачнаго.
Звонкую струю
Черпаютъ въ немъ урною.
Тамъ вчера я видѣла,
Какъ одна у берега
Изъ моихъ подругъ
Мыла ткань пурпурную,
И подъ солнцемъ полуденнымъ влажный покровъ
Разстилала, сушила на знойныхъ камняхъ.
Отъ нея услыхала я первую вѣсть
О владычицѣ.

Антистрофа первая.

Федра на страдальческомъ
Ложѣ, одинокая,
Во дворцѣ лежитъ
И прозрачно-легкою
Дымкой бѣлокурую
Покрываетъ голову.
Вотъ ужъ третій день
Не вкушаетъ, бѣдная,
Отъ твоихъ, о, Демэтра, плодовъ, третій день
Не подноситъ она къ амброзійнымъ устамъ
Сладкихъ брашнъ, призывая въ отчаяньи смерть
Добровольную.

Строфа вторая.

Можетъ-быть, Панъ иль Геката,
Страшные боги, безумьемъ
Душу твою поразили.
Или за то, что ей въ жертву
Мало хлѣбовъ
Ты принесла,—Артемида
Мститъ безпощадная: всюду

Бродитъ она—и въ болотахъ,
И надъ соленой пучиной
Темныхъ валовъ.

Антистрофа вторая.

Или соперницу въ домѣ
Нынѣ Тезей благородный,
Царственный вождь Эрехтидовъ,
Мужъ твой, на брачное ложе
Тайно возвелъ.
Можетъ-быть, къ намъ издалека
Въ гостепріимную гавань
Прибылъ морякъ, и о милыхъ
Ты отъ него услыхала
Горькую вѣсть.

Эподосъ.

Но отъ вѣка нравъ у женщинъ
Непокорный, прихотливый—
И въ беременности тяжкой,
И въ порывахъ сладострастья:
Эту слабость, эти муки
Испытала я не разъ.
И тогда мольбой усердной
Дѣву съ лукомъ серебристымъ,
Артемиду призывала
Я, помощницу родовъ:
Намъ богиня, бѣднымъ женамъ,
Облегчаетъ муки чрева.

(Изъ дворца выходитъ Федра. Ее поддерживаетъ кормилица. Слуги выносятъ ложе, и Федра опускается на него въ изнеможеніи.)

ХОРЪ.

Вотъ старуха-кормилица Федру ведетъ
Къ намъ въ преддверье чертоговъ изъ спальни.

О, царица, въ очахъ твоихъ—смертная тѣнь.
Я хотѣла бы знать, что за горе,
Что за тайный недугъ мучитъ душу твою
И сжигаетъ цвѣтущее тѣло.

КОРМИЛИЦА.

О, мученья людей, безконечный недугъ!
Что мнѣ скрыть, что сказать, я не знаю...
Вотъ онъ—радостный день, вотъ—просторъ голубой,
Все, чего ты ждала и молила.
Изъ чертоговъ мы вынесли ложе твое;
Но, ничѣмъ не довольна, желанье
Ты измѣнишь и скоро захочешь назадъ
Въ твою темную, тихую спальню:
Сердцу бѣдному мило лишь то, чего нѣтъ;
Все, что есть, для него ненавистно...
Лучше тяжкій недугъ самому испытать,
Чѣмъ бояться за друга больного:
Это—скорбь за двоихъ и мучительный трудъ.
Такъ вся жизнь человѣка—страданье.
А межъ тѣмъ, если есть что-то выше, чѣмъ жизнь,
Отъ людей оно скрыто навѣки,
И мы любимъ нашъ міръ, потому что нельзя
Намъ постигнуть загробнаго міра:
Лишь баюкаютъ лживыя сказки о немъ,
Но душѣ не даютъ утоленья.

ФЕДРА.

Милыя подруги, дайте мнѣ подняться.
За руки возьмите. Поддержи, родная,
Голову: всѣ члены у меня болятъ.
Тяжела мнѣ дымка легкаго покрова:
Снявъ его, разсыпьте кудри по плечамъ.

КОРМИЛИЦА.

Успокойся, дитя мое, дай отдохнуть
Утомленному тѣлу. Мужайся

И богамъ покорись: будетъ легче недугъ.
Помни—скорбь для людей неизбѣжна.

ФЕДРА.

Какъ бы я приникла къ роднику устами,
Чтобъ студеной влагой жажду утолить,
Какъ бы отдохнула на травѣ шелковой
Подъ зеленой тѣнью стройныхъ тополей!..

КОРМИЛИЦА.

Что съ тобою, родная? Опомнись! Толпа
Эти рѣчи безумныя слышитъ...

ФЕДРА.

Въ лѣсъ меня на волю отведите, въ горы,
Къ благовоннымъ соснамъ, гдѣ въ смолистой чащѣ
Пестраго оленя затравили псы!
Тамъ я буду гончихъ звать, сжимая стрѣлы
Легкія во длани,—дротикъ ѳессалійскій
Мимо златокудрой головы метать!..

КОРМИЛИЦА.

Гдѣ твои мысли блуждаютъ царица?
Что тебѣ въ дикихъ звѣряхъ и въ охотѣ?
Что тебѣ въ горныхъ студеныхъ ключахъ?
Чистый родникъ бьетъ у самаго дома:
Можешь въ немъ жажду свою утолить.

ФЕДРА.

Если бъ, Артемида, на твоемъ прибрежьи,
Тамъ, гдѣ конскій топотъ потрясаетъ землю,
Вѣтеръ пахнетъ моремъ,—я могла уздою
Укрощать венетскихъ молодыхъ коней!

КОРМИЛИЦА.

Вновь ты немудрое молвила слово:
Только что въ лѣсъ на охоту стремилась,
Нынѣ же хочешь смирять въ ипподромѣ
Буйныхъ коней на песчаномъ прибрежьи,

Не орошаемомъ пѣною волнъ
Если бы знать, что за демонъ безумьемъ
Скорбную душу твою поразилъ!

ФЕДРА *(приходя въ себя).*

Что я сдѣлала, несчастная?..
Это боги мстятъ!.. Я бредила...
Я схожу съ ума!.. Родимая,
Спрячь, скорѣе спрячь мнѣ голову...
Стыдно... Очи мнѣ покрой...
Отвращаю взоръ въ смятеніи,
Вспомнивъ рѣчь мою безумную,
Видишь—плачу отъ стыда!..
Больно думать, больно чувствовать..
Легче было бы въ забвеніи
И въ бреду мнѣ умереть!..

КОРМИЛИЦА.

Такъ же, какъ ризой тебя покрываю,
Скоро ли очи покроетъ мнѣ смерть?..
Долгая жизнь меня многому учитъ:
Надо спокойно и въ мѣру любить,
Не безпредѣльно, не всею душою,—
Новую дружбу легко заключать,
Цѣпи любви порывая безпечно:
Слишкомъ тяжелое бремя нести
Тотъ навсегда обреченъ, кто полюбитъ:
Сердцемъ единымъ страдать за двоихъ,
Какъ за тебя я страдаю, о, Федра!..
Чувство безмѣрное губитъ людей;
Вѣрь мнѣ, и мудрые будутъ согласны:
Лучше намъ въ мѣру, чѣмъ слишкомъ любить.

ХОРЪ.

Я вижу скорбь, не вѣдая причины.
Кормилица, какой недугъ томитъ
Несчастную, открой мнѣ, если можешь

КОРМИЛИЦА.

На всѣ мои вопросы и мольбы
Уже давно не отвѣчаетъ Федра.

ХОРЪ.

Не вѣдаешь и ты причины мукъ?

КОРМИЛИЦА.

Она хранитъ ее въ глубокой тайнѣ.

ХОРЪ.

Какъ бѣдная страдаетъ!

КОРМИЛИЦА.

Третій день,
Какъ не вкушала хлѣба.

ХОРЪ

Отъ болѣзни,
Иль для того, чтобъ умереть скорѣй?

КОРМИЛИЦА.

Чтобъ умереть.

ХОРЪ.

Но мужъ?..

КОРМИЛИЦА.

Она скрываетъ
Свою болѣзнь отъ мужа.

ХОРЪ.

По лицу
Онъ долженъ бы увидѣть муки Федры...

КОРМИЛИЦА

Его здѣсь нѣтъ: Тезей въ чужихъ краяхъ.

ХОРЪ.

Признаніе исторгнуть у царицы
Не можешь ли ты силой.

КОРМИЛИЦА.

Что могла,—
Я сдѣлала, но тщетно. Все же буду
Пытаться вновь и вновь ее молить.
Увидите, какъ я люблю царицу! *(Федрѣ.)*
О милое дитя мое, прости,
Не гнѣвайся, забудь мои упреки,
И не смотри такъ скорбно, улыбнись...
Помиримся, поговоримъ спокойно!
Зачѣмъ отъ насъ таить свою болѣзнь?
Вотъ—вѣрныя подруги: съ ними вмѣстѣ
Ухаживать мы будемъ за тобой.
Чѣмъ ты больна? Открой намъ. Если можно
Помочь тебѣ, мы призовемъ врачей...
Зачѣмъ же ты молчишь? Промолви слово.
Коль въ чемъ-нибудь я неправа, скажи,
Иль сдѣлай то, о чемъ молю. Родная,
Отвѣть взгляни хоть на меня... *(Хору.)*
Увы!
Напрасно все. Вы видите, не внемлетъ.
Ее мольбы не трогаютъ... *(Федрѣ, гнѣвно.)*
Такъ знай,
Жестокая: убивъ себя, позору
Дѣтей своихъ любимыхъ предаешь!
Ихъ сдѣлаетъ рабами—Амазонки,
Соперницы твоей, побочный сынъ!
Ужели ты забыла Ипполита?

ФЕДРА.

О, горе мнѣ!

КОРМИЛИЦА.

Я вижу, наконецъ,
Въ твоемъ лицѣ—тревога!..

ФЕДРА

Заклинаю—
Не говори, не говори о немъ!..

КОРМИЛИЦА.

Такъ, значитъ, ты въ своемъ умѣ... Зачѣмъ же
Спасти себя не хочешь и дѣтей?

ФЕДРА.

Я ихъ люблю, но не за нихъ страдаю...

КОРМИЛИЦА.

Руки твоей не запятнала кровь?

ФЕДРА.

Не руки я, а душу осквернила...

КОРМИЛИЦА.

Быть-можетъ, врагъ оклеветалъ?..

ФЕДРА.

Увы!..
Не врагъ меня, а другъ любовью губитъ,
И самъ того не знаетъ...

КОРМИЛИЦА.

Чѣмъ-нибудь
Обидѣлъ мужъ?..

ФЕДРА.

О, если бъ мнѣ предъ мужемъ
Самой не быть виновной никогда!..

КОРМИЛИЦА.

Но что съ тобой?.. Зачѣмъ ты ищешь смерти?..

ФЕДРА.

Молю, оставь меня: моя вина—
Не предъ тобой...

КОРМИЛИЦА.

Ты предо мной невинна,
Но отъ тебя зависитъ жизнь моя...

ФЕДРА.

Уйди!.. Зачѣмъ насильно держишь руки...

КОРМИЛИЦА.

Я не уйду и буду день и ночь
Тебя молить, обнявъ твои колѣни!..

ФЕДРА.

Великое несчастье для тебя—
Узнать про все...

КОРМИЛИЦА.

Не жить съ тобой, родная,—
Нѣтъ большаго несчастья для меня!..

ФЕДРА.

Узнавъ—умрешь; а между тѣмъ безмолвье
И тайна честь мнѣ могутъ принести.

КОРМИЛИЦА.

Зачѣмъ же то, что честь тебѣ приноситъ,
Таить отъ насъ?..

ФЕДРА.

Чтобъ прекратить позоръ,
Найду себѣ конецъ, достойный чести!..

КОРМИЛИЦА.

Найдешь ее, открывъ мнѣ тайну...

ФЕДРА.

Нѣтъ!
Не спрашивай, богами заклинаю—
Уйди!..

КОРМИЛИЦА.

Мольбу исполни!..

ФЕДРА.

Жаль тебя...
Исполню все, о чемъ меня ты просишь...

КОРМИЛИЦА.

Я слушаю...

ФЕДРА.

О матери моей
Преступная любовь!..

КОРМИЛИЦА.

Зачѣмъ, царица,
Ты вспомнила о матери?...

ФЕДРА.

Сестра,
Покинутая всѣми Аріадна!..
И ты, любя, погибла!..

КОРМИЛИЦА.

Что съ тобой?..
Зачѣмъ, дитя, тревожить прахъ усопшихъ?..

ФЕДРА.

И вотъ, теперь, я третьей жертвой гибну!..

КОРМИЛИЦА.

Смятеніе—въ душѣ моей... Къ чему
Ты рѣчь ведешь?..

ФЕДРА.

Вотъ онъ, источникъ древній,
Вотъ первое начало бѣдъ моихъ!..

КОРМИЛИЦА.

Ты все еще мнѣ тайны не открыла...

ФЕДРА.

О, если бы ты угадать могла
Сама!..

КОРМИЛИЦА.

Увы, я не владѣю даромъ
Пророчицы...

ФЕДРА.

Но что это—скажи,—
Что смертные любовью называютъ?

КОРМИЛИЦА.

Сладчайшая изъ радостей земныхъ
И самое великое страданье!

ФЕДРА.

Одно, одно страданье—для меня!

КОРМИЛИЦА.

Что говоришь, дитя мое?.. ты любишь!..

ФЕДРА.

Сынъ Амазонки...

КОРМИЛИЦА.

Ипполитъ!..

ФЕДРА.

Не я,—
Его сама ты назвала!..

КОРМИЛИЦА.

О боги!
Не вынесу такой бѣды... умру...
Все кончено... я плоть свою покину...
На свѣтъ дневной смотрѣть я не хочу...
Простите же, друзья мои, навѣки!..
Я вижу: зло невольно любятъ всѣ—
И добрые, и чистые душою!
Не божество, но больше всѣхъ боговъ—
Безумная любовь, что нынѣ губитъ
Весь этотъ домъ и Федру, и меня!..

ХОРЪ.

Слышали, слышали всѣ мы, какъ Федра
Страшную тайну открыла...
Лучше не жить,
Чѣмъ испытать эту страсть и безумье.
Горе намъ, горе! Вотъ участь
Жалкихъ людей...
Тайну открывъ, ты погибла навѣки:
Солнце зайти не успѣетъ,
Какъ посѣтятъ
Новыя бѣды чертоги Тезея.
Знаемъ, готовитъ Киприда
Грозную месть!

ФЕДРА.

О, женщины изъ города Трезенъ,
Живущія у вратъ Пелопоннеса!
Уже не разъ въ безмолвіи ночей
Я думала о томъ, что губитъ смертныхъ.
И поняла я, наконецъ, что зло
Мы дѣлаемъ не по своей природѣ:
У многихъ есть и умъ, и доброта:
Но горе въ томъ, что видимъ мы и знаемъ,
И чувствуемъ добро, но не творимъ:
Мѣшаетъ лѣнь однимъ, другимъ—соблазны

Порочные, бесѣды на пирахъ
Полуночныхъ, изнѣженная праздность
И все, что стыдъ внушаетъ. А межъ тѣмъ
Стыдимся мы и добраго нерѣдко,
Какъ злого: стыдъ бываетъ двухъ родовъ,
Но именемъ единымъ называемъ
Мы истинный и ложный, отличить
Ни на словахъ, ни въ жизни не умѣя
Добро отъ зла. Такъ я смотрю на жизнь,
Такъ думаю, и никакія грезы
Моей души не могутъ ослѣпить.
И вотъ какимъ путемъ я шла,—внимайте:
Когда въ груди моей зажглась любовь,
Чтобъ легче страсть перенести, пыталась
Я, отъ людей сокрывъ ее, молчать:
Кто языку ввѣряетъ тайны сердца,
Другимъ вредитъ и самому себѣ.
Преодолѣть я разумомъ хотѣла
Любовь мою. Но тщетно. И теперь
Я умереть рѣшила, и не можетъ
Послѣдняго исхода у меня
Отнять никто! Дѣяній благородныхъ
Я не таю, но не хочу имѣть
Свидѣтелей постыднаго. Считаю
Мою болѣзнь, любовь мою позоромъ,—
Презрѣнія уже достойна тѣмъ,
Что родилась я женщиной—созданьемъ
Отверженнымъ. Проклятье той изъ насъ
Кто первая супругу измѣнила
И домъ его позору предала!
Но это зло въ жилищѣ сильныхъ міра
И въ роскоши впервые родилось:
Коль знатными оправдано злодѣйство,—
Святымъ его считаетъ весь народъ.
Я не люблю и тѣхъ, кто скрыть подъ рѣчью
Невинною старается дѣла
Безстыдныя. Ужели, Афродита,

Ночная тьма, сообщница грѣховъ,
Имъ не страшна? Ужели не боятся
Измѣнницы, что стѣны ихъ домовъ
Когда-нибудь возопіютъ о мщеньи?
Пускай умру, но въ томъ меня вовѣкъ
Не обличатъ, что я позорю мужа
И сыновей, которыхъ родила
Въ страданьяхъ. Чтобъ въ очи людямъ прямо
Они могли смотрѣть и, не стыдясь,
Въ прославленныхъ Аѳинахъ предъ народомъ
На площади свободно говорить,—
Я доброе оставлю имя дѣтямъ.
И вольный мужъ становится рабомъ,
Когда за мать иль за отца стыдится.
Намъ дорого сознанье правоты,
Какъ жизнь, затѣмъ, что мстительное время
Всегда казнитъ и обличаетъ злыхъ,
Всѣ темныя дѣла ихъ отражая,
Какъ зеркало—черты лица. О, нѣтъ,
Скорѣй умру, чѣмъ буду къ нимъ причастна!

ХОРЪ.

О, не было ль вовѣкъ святое сердце
И мудрое прекраснѣйшимъ изъ благъ?

КОРМИЛИЦА.

Признаніе твое великимъ страхомъ
Наполнило мнѣ душу. Но потомъ,
Я скоро страхъ безумный побѣдила,
Обдумавъ все: вторая мысль умнѣй,
Чѣмъ первая. Нѣтъ, не такой великой
Мнѣ кажется бѣда... Киприды гнѣвъ
Тебя постигъ, дитя мое: ты любишь.
Таковъ удѣлъ живущихъ: любятъ всѣ!
Но умирать изъ-за любви—безумно.
И кто бы сталъ любить, когда бы смерть
Всѣмъ любящимъ грозила? Афродиты

Преодолѣть нельзя: она разитъ
Безжалостно и милуетъ лишь кроткихъ,
Покорныхъ ей; но унижаетъ тѣхъ,
Кто слишкомъ гордъ. Она царитъ повсюду—
И въ небесахъ, и въ глубинѣ морей,
И сѣмена любви въ природѣ сѣетъ:
Отъ нихъ, дитя, произошли мы всѣ.
И вѣдаютъ, кто древнія читали
Сказанія, кто съ музами вели
Прилежную и тихую бесѣду,
Какъ нѣкогда Семелу Зевсъ любилъ,
Какъ отъ боговъ Авророй золотою.
Влюбленною, Кефалъ былъ унесенъ.
А между тѣмъ они живутъ на небѣ,
Безсмертные и равные во всемъ
Другимъ богамъ,—но любятъ, покоряясь
Одной Судьбѣ, царящей надо всѣмъ.
А ты любви противишься!.. Дитя,
Чтобъ побѣдить могла ты Афродиту,
Должна бы мать родить тебя подъ властью
Иныхъ боговъ, въ иной природѣ... Вѣрь,
Что многіе мужья измѣну видятъ
Невѣрныхъ женъ и все-таки молчатъ;
Что многіе отцы прощаютъ дѣтямъ
Преступную любовь. Порокъ скрывать—
Таковъ людей обычай неизмѣнный;
Имъ требовать отъ жизни совершенства
Не должно, нѣтъ!—и кровель на домахъ
Не дѣлаютъ прямыми по отвѣсу.
Какъ избѣжать могла бы ты сѣтей,
Опутавшихъ тебя? Но, если въ жизни
Добро надъ зломъ преобладаетъ,—знай,
Ты счастлива, насколько людямъ счастье
Возможно. О, дитя мое, забудь
Свою печаль и гордое безумье!
Могуществомъ мечтая превзойти
Самихъ боговъ, ты прогнѣвишь безсмертныхъ.

Отдайся же любви: она тебѣ
Ниспослана блаженными. Къ исходу
Счастливому несчастье приведетъ.
Цѣлебныхъ травъ и заговоровъ много:
Надѣйся же,—мы вылѣчимъ тебя.
Что и на умъ мужамъ не приходило,
То женщины придумали давно!

ХОРЪ.

Хотя полны слова ея надежды,
Я все-таки, владычица, скажу,
Что не она—въ надеждѣ неразумной,
А ты въ своемъ отчаяньи права.

ФЕДРА.

Я знаю. Вотъ что и очагъ семейный,
И цѣлые народы губитъ—лесть!
Не вкрадчивымъ и сладкимъ довѣряю
А мужества исполненнымъ рѣчамъ.

КОРМИЛИЦА.

Въ торжественныхъ рѣчахъ намъ пользы мало:
Не говорить, а дѣлать нужно такъ,
Чтобъ Ипполитъ любилъ тебя. Родная,
Будь искренней и чувства не таи...
О, если бы тобою не владѣло
Безуміе, и не была бы жизнь
Въ опасности, ужель тебя рѣчами
Лукавыми дерзнула бы я влечь
На ложе нѣгъ преступныхъ? Но предвижу
Послѣднюю борьбу на жизнь и смерть,
И чтобъ тебя спасти, на все дерзаю!..

ФЕДРА.

Вотъ страшныя, позорныя слова!.
Молчи, сомкни уста твои, довольно!..

КОРМИЛИЦА.

Позорныя слова тебя спасутъ:
Не лучше ль жить, чѣмъ въ гордости безплодной
И съ громкими словами умереть?

ФЕДРА.

Остановись, молю тебя, и больше
Не говори! Моя любовь—чиста...
Когда жъ тебя я слушаю,—невиннымъ
Мнѣ кажется преступное... Боюсь,
Что я тебѣ повѣрю и погибну...

КОРМИЛИЦА.

Ты, все равно, не можешь искупить
Такой вины. О, пожалѣй старуху,
Внемли, дитя, совѣту моему:
Есть у меня лѣкарства и напитки
Любовные. Я исцѣлю тебя,
Не повредивъ ни разуму, ни чести:
Отъ милаго мнѣ нужно слово, знакъ,
Кусокъ одеждъ—и чарами моими
Надменнаго заставлю я любить.

ФЕДРА.

Что хочешь дать? Питье, иль притиранье
Волшебное?

КОРМИЛИЦА.

Тебѣ не должно знать...

ФЕДРА.

Увы! Боюсь...

КОРМИЛИЦА.

Скажи, чего?..

ФЕДРА.

Откроешь
Любовь мою...

КОРМИЛИЦА.

Я исцѣлю тебя.
Довѣрься мнѣ, и съ помощью Киприды
Владычицы устрою все. Теперь
Я во дворецъ иду. *(Про себя.)*
Сама ужъ знаю,
О чемъ и съ кѣмъ мнѣ должно говорить.
(Уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Эросъ! Эросъ! Желанья
Ты вливаешь чрезъ очи
Въ душу тѣхъ, кого губишь,
Проникая въ сердца
Упоительной нѣгой...
Не являйся мнѣ, Эросъ,
Разрушающей силой,
Безпощаднымъ врагомъ.
Нѣтъ, слабѣй огонь пожара
И свѣтилъ, враждебныхъ людямъ,
Смертоносные лучи,
Чѣмъ изъ рукъ твоихъ любезныхъ
Стрѣлы нѣжной Афродиты,
Олимпійское дитя!

Антистрофа первая.

Тщетно, тщетно Эллада
Тамъ, во храмѣ Пиѳійскомъ,
На прибрежьяхъ Алфея,
Всѣмъ великимъ богамъ
Гекатомбы приноситъ.
Если богъ величайшій
Не почтенъ будетъ—Эросъ,
Повелитель мужей!

Онъ хранитъ ключи отъ брачныхъ
Упоительныхъ чертоговъ
Афродиты золотой;—
Онъ же, все уничтожая,
Къ людямъ съ муками и смертью,
Торжествующій, грядетъ.

Строфа вторая.

Въ Эвхаліи дѣва
Жила, расцвѣтая
Красой непорочной,
Не зная мужей.
Но пришла къ ней безпощадная
Афродита, все разрушила,
И, блуждающую, дикую
Посреди убійствъ и пламени,
Какъ вакханку сладострастную,
Какъ Эриннію, въ объятья
Алкмениду предала!

Антистрофа вторая.

Диркейскій колодезь,
Священныя Ѳивы,
Вы помните ярость
Богини любви:
Тамъ Семелу, Діонисія
Отъ Кроніона зачавшую,
Не на радость полюбившую,
Ты сожгла, Киприда, молніей:
Губишь все своимъ дыханьемъ,
А потомъ, золотокудрая,
Улетаешь, какъ пчела!

ФЕДРА.

О женщины! Молчите... Я погибла...

ХОРЪ.

Скажи, какой, царица, страшный звукъ
Изъ глубины дворца ты услыхала?

ФЕДРА.

Умолкните, чтобъ различить могла
Я голоса изъ внутреннихъ покоевъ.

ХОРЪ.

Умолкли мы, но тишина зловѣщая—
Недобрый знакъ...

ФЕДРА.

Что слышу!.. Горе, горе мнѣ!..

ХОРЪ.

Что съ тобою?.. Зачѣмъ эти стоны и крикъ?
Что за вѣсть твою душу наполнила ужасомъ?

ФЕДРА.

Все кончено!.. Сюда, сюда, на лѣстницу!..
Приблизившись къ дверямъ, вы крикъ услышите...

ХОРЪ.

Ты ужъ слышала все, ты стоишь у дверей...
Говори, говори, что случилось,—не медли же!..

ФЕДРА.

То Ипполитъ, сынъ Амазонки, въ ярости,
Кормилицѣ грозитъ словами страшными!..

ХОРЪ.

Слышу крикъ, только словъ не могу различить,
Голоса, голоса черезъ двери доносятся...

ФЕДРА.

Теперь старуху онъ зоветъ безстыдною,
Измѣнницей, предавшей ложе царское...

ХОРЪ.

Федра, Федра, она погубила тебя!
Твою страшную тайну кормилица...

ФЕДРА.

Увы! Увы!

ХОРЪ

...Изъ дружбы выдала!..

ФЕДРА.

Хотѣла страсть мою признаньемъ вылѣчить
И предала меня изъ рабской вѣрности!

ХОРЪ.

О, что же, что теперь намъ дѣлать, милая?..

ФЕДРА.

Что бъ ни было, лишь скорой смерти жажду я:
Изъ этихъ мукъ она исходъ единственный!..

(Ипполитъ выбѣгаетъ изъ дворца. Онъ не замѣчаетъ Федры. За нимъ кормилица.)

ИППОЛИТЪ.

О, мать-земля, и ты, о, свѣтъ небесный,
Какимъ рѣчамъ безстыднымъ я внималъ!..

КОРМИЛИЦА.

Молчи! Молчи!.. Тебя услышать могутъ..

ИППОЛИТЪ.

Я не хочу, не долженъ я молчать!..

КОРМИЛИЦА.

Молю, припавъ къ рукѣ твоей, желанный!

ИППОЛИТЪ.

Не приближай ко мнѣ твоей руки,
Не смѣй къ моимъ одеждамъ прикасаться!

КОРМИЛИЦА.

Во прахѣ я, у ногъ твоихъ молю...

ИППОЛИТЪ.

О чемъ? Меня сама ты увѣряла,
Что рѣчь твоя безгрѣшна...

КОРМИЛИЦА.

О, дитя,
Слова мои—не для народа...

ИППОЛИТЪ.

Рѣчи
Прекрасныя становятся еще
Прекраснѣе, когда народъ ихъ слышитъ.

КОРМИЛИЦА.

Не говори!.. Ты поклялся молчать...

ИППОЛИТЪ.

Уста клялись, не сердце!

КОРМИЛИЦА.

Неужели
Друзей своихъ ты хочешь погубить?

ИППОЛИТЪ.

Безчестные не будутъ мнѣ друзьями!

КОРМИЛИЦА.

Дитя, дитя мое, мы всѣ грѣшимъ:
Таковъ удѣлъ живущихъ въ этомъ мірѣ!..

ИППОЛИТЪ.

Зачѣмъ, Зевесъ, ты женщинъ произвелъ
На свѣтъ дневной— губительное племя?
О, если бы ты міръ устроилъ такъ,
Чтобъ смертные рождались не отъ женщинъ,
Чтобъ люди въ даръ тебѣ желѣзо, мѣдь
Иль золото во храмы приносили,
А ты дѣтей давалъ бы всѣмъ по мѣрѣ
Того, что въ жертву каждый принесетъ;
И жили бы въ домахъ свободныхъ люди,
Не зная женъ... А нынѣ, разоривъ
Имѣніе, должны такую язву,
Какъ женщина, мы въ домъ къ себѣ вводить.
Ужъ изъ того не видно ли, какое
Для всѣхъ онѣ проклятье: вѣдь отецъ,
Взлелѣявшій дитя свое родное,
Чтобъ взяли въ домъ ее чужіе люди,
Приданое за дочерью даетъ.
А бѣдный мужъ, принявъ ее, ликуетъ
И радъ свою богиню украшать
Нарядами, камнями дорогими,
Весь домъ женѣ на платья разорить!
И такова судьба его: съ богатой
И знатною—строптивый нравъ жены
Терпѣть, какъ рабъ, онъ долженъ, молча;—съ кроткой
И нищею—онъ обреченъ всю жизнь
Въ несчастіяхъ блаженнымъ притворяться.
И лишь тому всѣхъ лучше, у кого
Неумная жена. Но ненавижу,
Я мудрую. Да не войдетъ въ мой домъ
Вовѣки та изъ нихъ, что знаетъ больше,
Чѣмъ должно знать: оружьемъ противъ насъ
Всѣ хитрости даетъ Киприда мудрымъ.
Лишь глупыя безвредны для мужей.
Вотъ почему, рабами безсловесныхъ
Приставивъ къ нимъ животныхъ, допускать
Не должно въ домъ услужливыхъ наперсницъ,

Чтобъ не могли ни сами говорить,
Ни слушать ихъ болтливыя супруги.
А нынѣ зло, что женщина въ дому
Задумала, рабынями изъ дома
Выносится. Не такъ ли ты пришла,
Чтобъ мнѣ продать отца святое ложе?
Омылся бы я въ ключевой водѣ,
Чтобы отъ словъ твоихъ очистить уши.
Я оскверненъ и тѣмъ, что слышалъ рѣчь
Нечистую, а ты могла подумать,
Что омрачу злодѣйствомъ душу!.. Знай:
Ты спасена лишь клятвой, данной мною,
Не то про все сказалъ бы я отцу.
Теперь уйти я долженъ. Но съ Тезеемъ
Я къ вамъ вернусь и посмотрю тогда,
Съ какимъ лицомъ принять его дерзнете
Вы обѣ—ты...

(Онъ замѣчаетъ царицу и указываетъ на нее.)

...И Федра! Горе вамъ,
О, женщины! Всегда васъ ненавидѣть,
Всегда одно я буду повторять:
Или стыду вы женщинъ научите,
Или мой долгъ—ихъ вѣчно проклинать!

(Ипполитъ уходитъ.)

ХОРЪ.

О, несчастныя женщины, вотъ вашъ удѣлъ!..
Какъ распутаемъ нити мы горькихъ судебъ,
Роковой этотъ узелъ развяжемъ?

ФЕДРА.

Заслужила я все, что терплю... О, земля,
Свѣтъ небесный! Куда отъ позора бѣжать?
Гдѣ укрыться? Проклятую всѣми
Кто изъ вѣчныхъ боговъ, изъ людей, защититъ,
Не гнушаясь грѣхомъ моимъ, приметъ меня

И за муки любви пожалѣетъ?
Обступила меня безысходная скорбь;
Отъ нея никуда, никуда не уйти,
Не распутать узла рокового!..

ХОРЪ.

Свершается судьба твоя. Увы!
Всѣ хитрости служанки были тщетны.

ФЕДРА *(кормилицѣ)*.

О, для чего меня ты погубила,
Измѣнница?.. Да поразитъ тебя
Зевесовъ громъ!.. Я все предугадала
И объ одномъ молила—тайну скрыть.
Ты выдала,—и вотъ я умираю
Въ позорѣ... Что мнѣ дѣлать?.. Ипполитъ
Откроетъ все отцу, Пиѳею скажетъ,
И весь народъ услышитъ обо мнѣ,
Стыдомъ моимъ они наполнятъ землю
Трезенскую!.. О, да погибнутъ всѣ,
Кто съ радостью, какъ ты, въ дѣлахъ безчестныхъ
Друзьямъ своимъ торопится помочь!..

КОРМИЛИЦА.

Дитя мое, бранить меня ты можешь:
Отчаянье превозмогло твой умъ,
Но возражать и я бъ имѣла право,
Вскормившая, отдавшая тебѣ
Всю жизнь мою. Теперь я виновата,
Но если бы мой замыселъ удался,
Разумною меня сочли бы всѣ,
Затѣмъ, что умъ успѣхомъ люди мѣрятъ,

ФЕДРА.

О, да, теперь ты сознаешь вину,
Но что мнѣ въ томъ? Я, все равно, погибла!

КОРМИЛИЦА.

О, милая, не будемъ тратить словъ:
Еще спасти, еще поправить можно...

ФЕДРА.

Оставь, молчи!.. Ужъ видѣли мы всѣ,
Къ чему ведутъ твои совѣты. Думай
Лишь о себѣ... Уйди, уйди ты прочь!..
Теперь сама я знаю, что мнѣ дѣлать!—*(Хору.)*
Исполните послѣднюю мольбу,
О, дочери земли трезенской: тайну
Не выдайте, молчите обо всемъ!

ХОРЪ.

Клянусь тебѣ великой Артемидой,
Что бъ ни было, мы тайну сохранимъ.

ФЕДРА.

Да будетъ такъ! Я вижу, мнѣ остался
Одинъ исходъ, чтобъ не предать дѣтей
Безславію, чтобъ кончить эту муку.
Нѣтъ, никогда не постыжу родныхъ,
Возлюбленныхъ моихъ на Критѣ дальнемъ!
Чтобъ жизнь спасти,—въ позорѣ никогда
Я предъ лицомъ Тезея не предстану!

ХОРЪ.

Ты сдѣлаешь непоправимый шагъ?..

ФЕДРА.

Я думаю, какую смерть мнѣ выбрать...

ХОРЪ.

Не говори такихъ зловѣщихъ словъ!

ФЕДРА.

Поймите же—другого нѣтъ исхода:
Хочу я гнѣвъ Киприды утолить,

Порадовать жестокую богиню!
Пускай же я отвергнутой умру,—
Но смерть моя погубитъ и другого.
Я научу его не презирать
Чужой бѣды, и гордаго заставлю
Моей любви мученья раздѣлить!

(Федра уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Прочь отсюда въ пещеры глубокія,
Гдѣ живутъ только стаи пернатыя!
Далеко, далеко я помчалась бы
Вольной птицей морской
Чрезъ валы Адріатики
На прибрежье пустынное
Эридановыхъ водъ,
Гдѣ оплакиваютъ брата,
Фаэтона, сестры-дѣвы
И къ отцу, рѣчному богу,
Въ темно-синюю волну,
Превращенныя въ деревья,
Точатъ слезъ янтарно свѣтлыхъ
Благовонныя струи.

Антистрофа первая.

Дальше дальше—въ края плодоносные
Гесперидъ, тихимъ пѣньемъ чарующихъ,
Гдѣ владыка пучины лазуревой
Преграждаетъ пути
Кораблямъ, гдѣ небесная
Твердь, подъятая Атласомъ,
Съ океаномъ слилась,
Гдѣ за радостью блаженнымъ
Радость новую приноситъ
Жизнедательницы вѣчной

Лоно щедрое Земли,
И волной неистощимой
Льются въ Зевсовыхъ чертогахъ,
Рядомъ съ пиршественнымъ ложемъ,
Амброзійные ключи.

Строфа вторая.

Корабль бѣлокрылый
Изъ дальняго Крита,
По влагѣ соленой
Шумящихъ валовъ
Къ священной Аѳинѣ
Изъ милаго дома
Для свадьбы несчастной
Царицу примчалъ:
Федру въ пути провожали недобрыя знаменья,
Бросивъ канатъ насмоленный, причалили,
Вышли въ Мунихіи на̀ берегъ.

Антистрофа вторая.

Предвѣстье свершилось,
И бурное пламя
Любви беззаконной
Киприда зажгла.
И петлю накинетъ
На бѣлую шею,
Привяжетъ веревку
Къ стропиламъ дворца
Федра надъ брачной постелью, Кипридѣ покорствуя;
Освобождаясь отъ мукъ и желанья,
Жизнью для славы пожертвуетъ

РАБЪ *(внутри дворца).*

Сюда, сюда, скорѣе! Помогите!..
Повѣсилась царица!..

ХОРЪ.

Горе намъ!
Свершилося... Страдалица погибла...

РАБЪ *(внутри дворца).*

Не медлите, подайте острый мечъ!..
Я разсѣку на шеѣ крѣпкій узелъ,

ОДНА ПОЛОВИНА ХОРА.

Что дѣлать намъ?.. Бѣжать ли во дворецъ
Несчастную освободить изъ петли?

ДРУГАЯ ПОЛОВИНА ХОРА.

Зачѣмъ?.. Тамъ есть рабы. Въ чужихъ дѣлахъ
Излишнее участіе—опасно.

РАБЪ *(внутри дворца).*

Кладите же на землю жалкій трупъ,
И пусть лежитъ въ покоѣ брачномъ Федра
И тихо ждетъ супруга своего.

ХОРЪ.

Все кончено: я слышала, какъ трупъ
Служители на землю положили.

Въ торжественной процессіи, при трубномъ звукѣ, входитъ царь Тезей. Онъ въ праздничныхъ одеждахъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, какъ подобаетъ приходящимъ отъ Оракула.)

ТЕЗЕЙ *(Хору).*

О, женщины! Что значитъ этотъ шумъ
Въ моемъ дворцѣ и крики, и смятенье?..
Зачѣмъ никто не вышелъ изъ воротъ
Встрѣчать меня, грядущаго съ отвѣтомъ
Оракула, зачѣмъ передо мной
Торжественно дверей не отворяютъ?..

Случилось ли съ Пиѳеемъ что-нибудь?
Лѣта его преклонны... Все же горько
Мнѣ было бы не видѣть старика
Въ моемъ дворцѣ...

ХОРЪ.

Увы, не стариковъ,
А молодыхъ оплакивать ты долженъ...

ТЕЗЕЙ.

Что говоришь? Съ дѣтьми несчастье?..

ХОРЪ.

Нѣтъ,
Не дѣти,—мать ихъ бѣдная погибла...

ТЕЗЕЙ.

Жена моя! Но что случилось съ ней?..

ХОРЪ.

Повѣсилась...

ТЕЗЕЙ.

Отъ горя?..

ХОРЪ.

Ничего
Не вѣдаемъ: оплакать Федру сами
Мы только что пришли сюда...

ТЕЗЕЙ.

Увы!
Зачѣмъ главу вѣнчаютъ эти лавры?..
(Сбрасываетъ вѣнокъ.)
Не радостно вернулся я домой!..
Запоры снявъ, откройте двери дома,
Служители, чтобъ мнѣ увидѣть трупъ

Жены моей возлюбленной. Погибнувъ,
О, милая, ты губишь и меня!..

(Рабы отворяютъ двери. Внутри чертоговъ виденъ трупъ Федры.)

ХОРЪ.

Роковая судьба!.. Безнадежная скорбь!
Федра, Федра! И жизнью, и смертью твоей
Этотъ домъ ты навѣки разрушила,
И нельзя злодѣянья ничѣмъ искупить:
Не узнаетъ никто, почему на себя
Наложила ты руки преступныя...

ТЕЗЕЙ.

Это въ жизни моей—величайшая скорбь!..
Всею тяжестью Рокъ на меня
И на домъ мой обрушился.
Съ того дня, какъ злой геній въ обитель мою
Смертоноснымъ дыханьемъ проникъ,—
Мое счастье отравлено...
И такой на меня надвигается мракъ,
Что судьбѣ предаюсь безъ борьбы
Я, охваченный ужасомъ.
Даже скорби твоей не могу угадать...
Почему ты покинула жизнь,
Что съ тобой, моя милая?..
О, зачѣмъ, какъ пугливая птичка, вспорхнувъ,
Улетѣла въ холодный Аидъ
Ты, изъ рукъ моихъ вырвавшись?..
Это—страшная кара боговъ!.. За вину
Моихъ предковъ Эринній слѣпыхъ,
Это мщеніе позднее!

ХОРЪ.

О царь! Не ты одинъ страдаешь: многіе
Теряли женъ своихъ, подругъ возлюбленныхъ...

ТЕЗЕЙ.

Какъ хотѣлъ бы теперь я лежать подъ землей,
Подъ землей, въ тишинѣ, ближе къ милой моей,
Тамъ, подъ сѣнью могильною!..
Умирая, меня ты убила!.. Но кто,
Кто откроетъ, какая смертельная боль
Твое сердце измучила?..
Что здѣсь было? Скажите!.. Иль въ домѣ моемъ
Я ужъ больше не царь?.. Отвѣчайте, рабы!..
Но чертоги безмолвствуютъ...
Я напрасно зову: здѣсь царитъ только смерть,
И очагъ мой потухъ, и дворецъ опустѣлъ...
Мои дѣти покинуты!..

ХОРЪ.

Ты ушла отъ насъ навѣки,
Федра, лучшая изъ женщинъ,
Надъ которыми сіяло
Въ полдень Геліоса пламя,
Ночью—тихій лучъ Селены.
О, Тезей, я горько плачу,
Содрогаюсь, чуя сердцемъ
Приближенье новыхъ бѣдъ...

ТЕЗЕЙ.

(Приближаясь къ тѣлу Федры.)

Что вижу я? Дощечка восковая,
Письмо въ рукѣ любимой?.. Межетъ-быть,
Я, наконецъ, про смерть ея узнаю.
Или о томъ, чтобы хранилъ дѣтей,
Чтобъ не вводилъ другой жены въ обитель,
Начертанъ здѣсь ея завѣтъ предсмертный?..
Не бойся же, о, милая, ни съ кѣмъ
Не раздѣлю твоей постели брачной...
Увы, кольца съ возлюбленной руки
Я узнаю печать на мягкомъ воскѣ.
Скорѣй, сломавъ ее, прочту письмо. *(Читаетъ.)*

ХОРЪ.

Боги новыя страданья
Намъ готовятъ... Горе! Горе!
И зачѣмъ дано мнѣ мыслить,
Знать и видѣть муки смертныхъ?
Лучше бъ я во тьмѣ влачила
Долю тварей безсловесныхъ,—
Жизнь безъ жизни и безъ мукъ...
Вѣковѣчный домъ Тезея
Низвергается, низвергнутъ,
Палъ,—и больше нѣтъ его!..
Мольбѣ моей внемлите, Силы Вышнія!
И домъ царя великаго помилуйте.
Но поздно, поздно: часъ пришелъ... Исполнятся
Предвѣстія бѣды неотвратимыя!

ТЕЗЕЙ.

О, что это?.. За мукой—мука новая,
Неизреченная, не выносимая!..

ХОРЪ.

Скажи, владыка, если знать позволено...

ТЕЗЕЙ.

Кричитъ, кричитъ письмо о злодѣяніи,
Разоблачаетъ тайны несказанныя!..
Я слышу Федры жалобу предсмертную...

ХОРЪ.

Слова твои—великихъ бѣдъ предвѣстники...

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ! Скрывать не могу больше муки моей!..
О, внемлите мнѣ, граждане:
Узнай народъ, что обезчестилъ ложе
Отцовское насильемъ Ипполитъ,
Не постыдясь всевидящаго ока

Зевесова! О, Посейдонъ-отецъ,
Святыня клятвъ твоихъ—ненарушима!
Исполни же теперь одну изъ трехъ
Мнѣ данныхъ клятвъ—и сынъ мой да погибнетъ,
Сей день ему да будетъ днемъ суда.

ХОРЪ.

Возьми назадъ, назадъ свои проклятья:
Когда-нибудь поймешь, что ты неправъ.

ТЕЗЕЙ.

Все кончено: я изгоняю сына!
Да поразитъ одна изъ двухъ судебъ
Преступнаго: иль, совершивъ проклятье,
Въ Аидъ его низвергнетъ Посейдонъ,
Или влачить онъ будетъ на чужбинѣ,
Изгнанникомъ, нерадостные дни!

ХОРЪ.

Идетъ, идетъ сюда твой сынъ, владыка;
Смири, Тезей, неукротимый гнѣвъ,
Не обрекай семьи твоей на гибель!

(Входитъ Ипполитъ.)

ИППОЛИТЪ.

Я издали твой голосъ услыхалъ
И поспѣшилъ сюда. О чемъ ты плакалъ?
Я все узнать хочу изъ устъ твоихъ.
Но что это? О боги!.. Трупъ царицы...
Я только что покинулъ Федру здѣсь,
Ее за мигъ я видѣлъ полной жизни...
О, говори, не медли же, отецъ,
Какъ умерла царица, что случилось?..

(Тезей не отвѣчаетъ.)

ИППОЛИТЪ.

Молчишь?.. Нѣтъ, нѣтъ, не слѣдуетъ молчать
Въ страданіяхъ, затѣмъ, что сердце жаждетъ

Съ возлюбленнымъ и муки раздѣлить:
Бѣды скрывать ты отъ меня не долженъ,—
Я другъ тебѣ, и болѣе, чѣмъ другъ!..

ТЕЗЕЙ.

О, человѣкъ, блуждающій безцѣльно,
Какихъ твой умъ познаній не открылъ,
Какихъ искусствъ не изобрѣлъ онъ тщетно,—
И все-таки не знаетъ одного:
Какъ мудрости учить людей безумныхъ!..

ИППОЛИТЪ.

Воистину мудрецъ великій тотъ,
Кто мудрости безумнаго научитъ...
Но намъ о томъ не время говорить...
Боюсь, отецъ, что скорбь твой умъ затмила.

ТЕЗЕЙ.

О, если бы имѣли признакъ люди
Всѣхъ тайныхъ чувствъ, чтобъ въ жизни отличать
Могли друзей мы истинныхъ отъ ложныхъ!
О, если бы дала природа всѣмъ
Два голоса—одинъ изъ нихъ правдивый,
Другой—какимъ теперь привыкли лгать,—
Чтобъ искреннимъ изобличался лживый,
И ужъ никто бъ обманывать не могъ!

ИППОЛИТЪ.

Иль предъ тобой меня оклеветали
Враги мои, и безъ вины терплю
Твой гнѣвъ, отецъ?.. Не знаю, что подумать;
Я странными рѣчами пораженъ...

ТЕЗЕЙ.

Куда, куда стремитесь вы, о люди?
Преступному ужели нѣтъ границъ?
Коль на землѣ расти неправда будетъ

Изъ рода въ родъ и каждый новый вѣкъ
Всѣ прошлые лишь дерзостью пороковъ
Превосходитъ,—то новый міръ богамъ
Не должно ли создать, чтобъ беззаконныхъ
Онъ могъ вмѣстить!

(Гражданамъ указывая на Ипполита.)

Смотрите на него:
Рожденный мной, мое святое ложе
Онъ осквернилъ, и этотъ жалкій трупъ
Теперь его безмолвно обличаетъ!—*(Ипполиту.)*
Здѣсь, предъ отцомъ, безстыдный, подыми
Чело свое и посмотри мнѣ въ очи!
Вы видите: вотъ—непорочный мужъ,
Вотъ дѣвственный любимецъ Артемиды!
Прочь, прочь поди! Не хвастай мнѣ, не лги:
Такимъ, какъ ты, развратнымъ боги чужды!
Обманывай другихъ, а не меня;
Довольствуйся растительною пищей,
Безкровною; Орфея признавай
Учителемъ, восторгамъ предаваясь
Молитвеннымъ, плѣняя праздный умъ
И чтеніемъ, и грезами, но помни:
Ты уличенъ! Остерегаю всѣхъ—
Такимъ, какъ онъ, не довѣряйте: лестью
Баюкая, они творятъ дѣла
Жестокія. Ты думалъ—Федры смерть
Тебя спасетъ. Но видишь: мертвымъ тѣломъ,
Свидѣтелемъ нѣмымъ ты обличенъ.
Что значатъ всѣ слова твои, всѣ клятвы
Предъ тѣмъ, что здѣсь, въ письмѣ, ея рукой
Начертано! Иль, можетъ-быть, мнѣ скажешь,
Что мачехѣ ты, какъ побочный сынъ,
Какъ врагъ ея дѣтей, былъ ненавистенъ?
Но неужель изъ злобы на тебя
Царица жизнь могла покинуть—благо
Сладчайшее?.. Иль назовешь, мудрецъ,

Ты женщинъ всѣхъ безумными? Но вижу,
Что въ похотяхъ безстыдныхъ иногда
И юноши бываютъ такъ же слабы,
Какъ женщины, а мужественный нравъ
Ихъ дѣлаетъ отважнѣе—въ порокахъ!..
Но тратить словъ не буду: за меня
Пусть этотъ трупъ злодѣя обвиняетъ...
Теперь иди и по землѣ блуждай
Изгнанникомъ и въ градъ Аѳины вѣчной
Не приходи ты больше никогда,
Не преступай границъ моихъ владѣній!
О, если бы, униженный тобой,
Я потерпѣлъ такой позоръ, то Синисъ
Возсталъ бы вновь и обличилъ меня,
И мрачные утесы Скероніды,
Гдѣ лютаго я Скироса убилъ,
Народамъ бы грядущимъ не сказали
О томъ, какъ царь Тезей караетъ злыхъ!

ХОРЪ.

Кого назвать счастливымъ, если лучшихъ
Такія ждутъ страданья на землѣ?

ИППОЛИТЪ.

Великъ твой гнѣвъ, твое негодованье,
А если бы я тайну могъ открыть,—
Ты понялъ бы, что все это не стоитъ,
Отецъ, такихъ возвышенныхъ рѣчей.
Но говорить я не люблю съ толпою:
Среди друзей немногихъ рѣчь моя
Свободнѣе. И то сказать: порою,
Кто черни слухъ плѣнитъ, тотъ мудрецамъ
Покажется достойнымъ осмѣянья.
Но волю дать словамъ теперь я долженъ,
Чтобъ оправдать себя. Начну съ того,
За что, отецъ, надъ всей моею жизнью
Ты произнесъ столь тяжкій приговоръ.

О, посмотри на небеса, на землю,
Скажи, кого невиннѣе, чѣмъ я,
И дѣвственнѣй встрѣчалъ ты въ этомъ мірѣ?
Я чту боговъ, люблю такихъ друзей,
Которые боятся даже словомъ
Сердечную нарушить чистоту.
И вѣрь, отецъ, еще ни разу въ жизни
Не измѣнялъ я тѣмъ, кого люблю.
Въ одномъ я святъ, въ одномъ я непороченъ,—
Въ чемъ думаешь ты уличить меня:
Я сохранилъ донынѣ чистымъ тѣло
Отъ женскихъ ласкъ и только иногда
Слыхалъ о нихъ и видѣлъ на картинахъ,
Но не любилъ ни слушать, ни смотрѣть,
Имѣя душу дѣвственную. Если жъ
Не вѣришь ты невинности моей,
Подумай, чѣмъ я могъ быть обольщеннымъ:
Была ль она прекраснѣе всѣхъ женъ?
Или мечталъ я сдѣлаться владыкой
Въ твоемъ дворцѣ, съ ней ложе раздѣливъ?
Нѣтъ, разума я долженъ бы лишиться,
Чтобъ помышлять о томъ! Иль скажешь—власть
Плѣнительной бываетъ и для мудрыхъ?
Но знаешь самъ: она, лишь развративъ
Сердца людей, становится желанной.
А я хочу быть первымъ изъ мужей
На эллинскихъ свободныхъ состязаньяхъ,
Но въ городѣ—вторымъ, чтобъ тихо жить
Межъ избранныхъ людей: и миръ сердечный,
И трудъ святой отраднѣе, чѣмъ власть.
Я все сказалъ. И если бы предстали
Свидѣтели правдивые, какъ я,
И если бы жива была царица,
Виновнаго ты скоро бы узналъ!
Клянусь тебѣ Хранителемъ обѣтовъ,
Отцомъ боговъ, и Матерью-Землей,—
Не согрѣшилъ ни помысломъ, ни волей,

Не осквернилъ я ложа твоего!
И пусть умру безъ имени, безъ крова,
Пусть мертваго, отвергнутаго всѣми
Не пріютитъ ни море, ни земля,
Коль въ чемъ-нибудь я предъ отцомъ виновенъ!
Изъ страха ли себя убила Федра,—
О томъ молчу. Но вотъ она чиста,
И согрѣшивъ; а я, безгрѣшный сердцемъ,
Не могъ избѣгнуть клеветы людской!

ХОРЪ.

Тебѣ во всемъ мы вѣримъ, и оправданъ
Ты клятвою великою боговъ.

ТЕЗЕЙ.

Тотъ лицемѣръ и лжецъ неисправимый,
Кто, совершилъ злодѣйство, обмануть
Надѣется спокойствіемъ притворнымъ.

ИППОЛИТЪ.

Я удивленъ, отецъ: когда бъ я былъ
Родителемъ твоимъ, а ты—мнѣ сыномъ,
И осквернилъ бы ложе ты мое,
Не изгналъ бы, а собственной рукою
Убилъ бы я тебя...

ТЕЗЕЙ.

Какъ справедливъ
Твой приговоръ! Но знай: погибнуть смертью
Мгновенною несчастному легко.
Нѣтъ, медленно влачить вдали отъ милыхъ
Безцѣльные томительные дни
Изгнанникомъ—вотъ кара нечестивыхъ!

ИППОЛИТЪ.

И неужель, отецъ, не подождавъ,
Чтобъ временемъ оправданъ былъ невинный.
На эту казнь ты сына обречешь?

ТЕЗЕЙ.

О, если бъ могъ, повѣрь, и за предѣлы
Атлантики изгналъ бы я тебя:
Очамъ моимъ ты ненавистенъ!..

ИППОЛИТЪ.

Хочешь
Изгнать меня, лишеннаго суда,
Не слушая ни клятвъ, ни оправданій,
Ни вѣщихъ словъ гадателей?

ТЕЗЕЙ.

О, да,
Вѣрнѣе клятвъ и вѣщихъ прорицаній—
Ея письмо! А до полета птицъ
И знаменій мнѣ дѣла нѣтъ...

ИППОЛИТЪ.

О, боги!
Невиннаго вы губите... Зачѣмъ,
Зачѣмъ боюсь святыню клятвъ нарушить?
Не буду же молчать, открою все!.
Но нѣтъ! Никто, я знаю, не повѣритъ,
И тщетно я нарушу мой обѣтъ!.

ТЕЗЕЙ.

Видъ святости притворной ненавистенъ!..
Прочь съ глазъ моихъ ты скоро ли уйдешь?..

ИППОЛИТЪ.

Куда итти несчастному? Кто приметъ
Изгнанника, проклятаго отцомъ?

ТЕЗЕЙ.

Пусть примутъ тѣ, въ чьемъ домѣ гость желанный—
Безстыдный лжецъ и соблазнитель женъ!

ИППОЛИТЪ.

Что говоришь, отецъ? О, горько, горько,
Что думать такъ ты можешь обо мнѣ!..

ТЕЗЕЙ.

А не было тебѣ въ то время горько,
Когда безчестилъ ты жену отца?

ИППОЛИТЪ.

О, если бы имѣли стѣны голосъ,
Чтобъ оправдать меня передъ тобой!

ТЕЗЕЙ.

Къ свидѣтелямъ безмолвнымъ прибѣгаешь:
Смотри, тебя и камни обличатъ!..

ИППОЛИТЪ.

Когда бъ теперь я самъ себя увидѣлъ
Со стороны, какъ стало бы мнѣ жаль,
Какъ плакалъ бы я надъ собой!..

ТЕЗЕЙ.

Я знаю:
Ты самого себя привыкъ жалѣть;
Но ни любви въ душѣ твоей, ни правды!

ИППОЛИТЪ.

Зачѣмъ меня ты родила, о, мать
Несчастная! Быть незаконнымъ сыномъ
Я и врагу не пожелаю...

ТЕЗЕЙ.

Прочь,
Схвативъ его, отсюда уведите:
Мой приговоръ вы слышали, рабы!

ИППОЛИТЪ.

Рабы ко мнѣ дотронуться не смѣютъ:
Ты долженъ самъ исполнить приговоръ.

ТЕЗЕЙ.

Да будетъ такъ: увидишь, что отнынѣ
Въ груди моей нѣтъ жалости къ тебѣ!

(Тезей уходитъ.)

ИППОЛИТЪ.

Нельзя спастись!.. Увы! Я знаю все
И не могу сказать того, что знаю,

(Обращаясь къ изваянію Артемиды.)

Ты, свѣтлая подруга свѣтлыхъ дней,
Участница охотъ моихъ безпечныхъ
Ты—изъ богинь любимѣйшая, дочь
Латоны! вотъ, я покидаю городъ
Прославленной Аѳины навсегда...
Простите же, твердыни Эрехтея
И тихія трезенскія поля,
Вы, юности моей пріютъ счастливый!
Послѣдній взглядъ я обращаю къ вамъ...
О, милые товарищи, простите!
Вы въ край чужой проводите меня...
Не слушайте враговъ и вѣрьте, други,
Что смертнаго невиннѣе, чѣмъ я,
Вы на землѣ не встрѣтите вовѣки!

(Уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Если о мудрости вѣчныхъ боговъ помышляю,—
Въ сердцѣ моемъ утихаетъ тревога,
И понимать начинаю
Волю безсмертныхъ
Въ мірѣ земномъ.
Но посмотрю я на жалкій удѣлъ человѣка—
Вновь потухаетъ въ душѣ моей вѣра:
Все на землѣ такъ ничтожно,
Все такъ случайно—
Въ жизни людской!

Антистрофа первая.

Да ниспошлетъ мнѣ судьба, исполняя молитву,
Долю счастливую, духъ беззаботный,
Не омрачаемый скорбью,—
Такъ, чтобы слишкомъ
Ни возносить,
Ни презирать не могли меня люди, чтобъ вѣчно,
Легкія въ сердцѣ мѣняя желанья,
День ото дня наслаждаться
Тѣмъ, что мгновенный
Случай даетъ!

Строфа вторая.

Но думы мои омрачились
Съ тѣхъ поръ, какъ, любимца народа,
Тезей Ипполита изгналъ:
Погибла надежда Эллады,
Аѳинъ лучезарное солнце
Навѣки, навѣки зашло!
О, берегъ песчаный
Родимаго моря.
О, темный кустарникъ
Надъ кручами горъ,
Гдѣ рядомъ съ богиней,
Охотницей-дѣвой
Проворными псами
Травилъ онъ звѣрей!

Антистрофа вторая.

Не будешь ты быстрыхъ, какъ вѣтеръ,
Кругомъ по ристалищу Лимны
Венетскихъ коней объѣзжать;
Ужъ больше въ чертогахъ отцовскихъ
Когда-то немолчныя струны
Не будутъ на цитрѣ звенѣть!
И некому въ рощахъ
Къ ногамъ Артемиды

Въ глубокую зелень
Вѣнки приносить,
И спорить не будутъ
Трезенскія дѣвы,
Плѣнительный отрокъ,
О ложѣ твоемъ!

Эподосъ

Плачьте, сестры, неутѣшно!
Мать несчастная, ты тщетно
Въ мукахъ сына родила!
Возмущаюсь, негодую
На боговъ несправедливыхъ:
Почему невинный гибнетъ,
И любимца своего,
О, стыдливыя Хариты,
Вѣчной прелести богини,
Даже вы не защитите
Отъ безжалостныхъ боговъ?

(Приближается вѣстникъ)

ХОРЪ.

Смотрите: вотъ товарищъ Ипполита...
Сюда бѣжитъ... Увы! Какая скорбь
Въ его очахъ!..

ВѢСТНИКЪ.

О, женщины, скажите,
Гдѣ царь Тезей?

ХОРЪ.

Вотъ онъ идетъ сюда.

(Входитъ Тезей.)

ВѢСТНИКЪ.

Я вѣсть несу печальную, владыка,
И для тебя, и для родныхъ Аѳинъ,
И для всего трезенскаго народа...

ТЕЗЕЙ.

Какую вѣсть? Иль новая бѣда
Обрушилась на городъ?

ВѢСТНИКЪ.

Сынъ твой умеръ,
А если живъ, то только на одно
Мгновеніе онъ видитъ свѣтъ небесный...

ТЕЗЕЙ.

Отъ чьей руки онъ палъ? Кто отомстилъ?
Или злодѣй убитъ врагомъ, чье ложе,
Какъ и мое, онъ обезчестилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ,
Онъ собственной раздавленъ колесницей:
Ты клятвою обрекъ его на смерть,
И Посейдонъ твою услышалъ клятву.

ТЕЗЕЙ.

Благодарю васъ, боги!.. Посейдонъ,
О, мой отецъ, ты внялъ молитвѣ сына!
Но какъ, скажи намъ, вѣстникъ, на главу
Преступную сѣкира Немезиды
Обрушилась, какъ умеръ Ипполитъ?

ВѢСТНИКЪ.

У берега, гдѣ волны ударяютъ,
Стояли мы и плакали, конямъ
Скребницами расчесывая гривы,
И слушали, какъ вѣстникъ говорилъ,
Что, изгнанный тобой, въ чужую землю
Уйдетъ отъ насъ навѣки Ипполитъ.
И подошелъ онъ самъ и тоже плакалъ,
Толпой друзей печальныхъ окруженъ;
Потомъ сказалъ, удерживая слезы:
«Да будетъ такъ: отцу я покорюсь,

Друзья мои, готовьте колесницу,
Родимый край покину я навѣкъ!»
Онъ не успѣлъ произнести велѣнья,
Какъ мы коней подъ иго привели
И подали владыкѣ колесницу.
Вошелъ въ нее и, ноги утвердивъ
Надъ выпуклымъ переднимъ краемъ, вожжи
Онъ укрѣпилъ и такъ сказалъ богамъ,
Къ нимъ простирая длани: «Да погибну,
Коль въ чемъ-нибудь я согрѣшилъ, Зевесъ!
Но суждено ль мнѣ видѣть свѣтъ небесный,
Иль умереть,—узнаетъ мой отецъ
Когда-нибудь, какъ онъ меня обидѣлъ!..»
Къ хребту коней притронувшись бичомъ,
Онъ полетѣлъ, и слѣдомъ мы бѣжали
Вдоль по большой дорогѣ въ Эпидавръ
И Аргосъ... Тамъ, гдѣ волны Сароники
Виднѣются, въ пустынѣ мрачной путь
По берегу ведетъ, и лишь вступили
Мы на него, какъ подъ землей раскатъ
Загрохоталъ, подобный грому Зевса...
И головы и уши приподнявъ,
Пугливые насторожились кони.
И не могли понять, откуда шумъ
Происходилъ, мы, ужасомъ объяты.
Но, на море взглянувъ, узрѣли валъ
Чудовищный вдали, такой высокій,
Что заслонилъ онъ отъ моихъ очей
Асклепія утесъ, хребетъ Истмійскій
И Скирона обрывъ. И закипѣлъ
Онъ, съ грохотомъ разбрасывая пѣну,
Надвинулся и на прибрежье палъ,
Гдѣ съ четырьмя конями колесница
Стрѣлой неслась; и вдругъ изъ темныхъ нѣдръ,
Изъ омута онъ выбросилъ на берегъ
Свирѣпое чудовище—быка,
И отъ его мычанья содрогнулась

Земля кругомъ. Потупили мы взоръ,
И ужаса такого очи смертныхъ
Перенести не въ силахъ были. Страхъ
Объялъ коней. Но опытный наѣздникъ
Обѣими руками ухватилъ
И крѣпко сжалъ концы вожжей, и, тѣломъ
Откинувшись назадъ, ихъ притянулъ,
Какъ мореходъ—весло. Затрепетали
И, въ челюстяхъ кусая удила
Звенящія, вдругъ захрипѣли кони
И понесли, не чуя ни вожжей,
Ни правящей руки, ни колесницы.
И каждый разъ, какъ, вожжи натянувъ,
На гладкій путь онъ ихъ хотѣлъ направить,—
Чудовище являлось впереди,
И въ сторону бросались снова кони
Дрожащіе. Когда жъ, разсвирѣпѣвъ,
Они къ скаламъ неслись, бѣжало рядомъ
Чудовище. Вдругъ шина колеса
Ударилась о камень, колесницу
Поворотивъ и опрокинувъ. Все
Смѣшалося, и вылетѣли съ громомъ
Чека изъ оси, спицы—изъ колесъ.
Онъ самъ, упавъ, опутанный вожжами,
Безпомощный, о скалы головой
Ударился. Влачили кони тѣло
Кровавое по остреямъ камней,
И онъ кричалъ: «Остановитесь, кони,
Любимые, взлелѣянные мной!..
Отецъ! Отецъ!.. Исполнилось проклятье.—
О, кто спасетъ невиннаго?»... И всѣ
Помочь ему хотѣли, но напрасно:
Уже никто не могъ догнать коней.
И, наконецъ, на землю, полумертвый,
Онъ падаетъ, освободясь отъ узъ
И скрылось вдругъ чудовище и кони
Межъ скалъ, вдали, не вѣдаю, куда...

Я—лишь слуга въ твоемъ дворцѣ, владыка,
Но знай: тому, что Ипполитъ—злодѣй,
Меня никто повѣрить не заставитъ,
Хотя бы, царь, всѣ жены предо мной
Повѣсились, срубили бъ лѣсъ на Идѣ,
Чтобъ изъ него дощечекъ наколоть
И лживыми наполнить письменами,—
Я знаю: святъ и праведенъ твой сынъ!

ХОРЪ.

Вотъ новое страданье, новый ужасъ...
Никто, никто вовѣкъ не побѣдитъ
Могущества судьбы неотвратимой!

ТЕЗЕЙ.

Сперва меня обрадовала вѣсть
О гибели врага. Но чту безсмертныхъ,
И памяти того, кто былъ мнѣ сыномъ
Не оскорблю: теперь въ моей душѣ
Ни радости, ни горя нѣтъ.

ВѢСТНИКЪ.

Владыка!
Что дѣлать намъ? Сюда ли принести
Несчастнаго, иль что-нибудь иное
Тебѣ, нашъ царь, угодно повелѣть?
Молю тебя: не будь къ нему жестокимъ.

ТЕЗЕЙ.

Сюда его несите: можетъ-быть,
Онъ, посмотрѣвъ мнѣ въ очи передъ смертью,
Вину свою признаетъ, наконецъ.

(Вѣстникъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Гордое сердце боговъ и людей
Ты, Афродита, смиряешь.

Вѣетъ надъ ними, порхая, твой сынъ
Легкій, на радужныхъ крыльяхъ,
И надъ пѣвучей соленой волной,
И надъ землею летаетъ
Укрощаетъ Эросъ
И звѣрей свирѣпыхъ,
На горахъ живущихъ,—
Только что въ ихъ душу
Темную проникнетъ
Золотымъ лучомъ;—
И морскихъ чудовищъ,
И несмѣтныхъ тварей,
Вскормленныхъ землею
Озаренной окомъ
Солнца,—и людей!
Всѣмъ повелѣваетъ.
Надо всѣмъ, Киприда,
Ты одна царишь!

(Богиня Артемида является.)

АРТЕМИДА.

Слушай меня, о, наслѣдникъ Эгеевой отрасли!
Я—Артемида, Латоной рожденная.
Вижу побѣду твою,
Какъ веселишься ты, сына убивъ непорочнаго:
Въ темную ложь ты повѣрилъ, но истина
Скоро тебя поразитъ.
Скройся же въ Тартаръ, бѣги отъ людей, опозоренный,
Ибо отвергнутъ ты всѣми, кто праведенъ:
Повѣсти горькой внимай:
Раскаяньемъ тебѣ наполню душу
И покажу, какъ праведенъ твой сынъ,
Да будетъ смерть героя полной славы,
И обличу, о, смертный, предъ тобой
Безуміе и благородство Федры:
Сожженная огнемъ богини той,
Что дѣвственнымъ я сердцемъ ненавижу,

Она любила сына твоего,
И все ему кормилица открыла.
Онъ клятву далъ молчать. Межъ тѣмъ, любви
Не побѣдивъ, жена твоя погибла
Отвергъ ее безгрѣшный Ипполитъ.
Когда же ты обрекъ его на гибель,
Святыню клятвъ нарушить не дерзнувъ,—
Онъ до конца безмолвствовалъ. А Федра
Хотѣла скрыть позоръ, оклеветавъ
Невиннаго,—и ты всему повѣрилъ!

ТЕЗЕЙ.

О, горе мнѣ!..

АРТЕМИДА.

Нѣтъ, слушай до конца
И лишь тогда поймешь свое несчастье.
Властитель волнъ тебѣ три клятвы далъ;
Одну изъ нихъ, о, человѣкъ безумный,
Не на врага,—на сына твоего
Ты обратилъ, и на главу святую
Обрушилъ богъ проклятіе твое!
Ты въ томъ предъ нимъ виновенъ, нечестивый,
И предо мной, что, гнѣва не смиривъ,
Не выслушавъ ни клятвъ, ни прорицаній,
Дитя свое ты проклялъ и убилъ.

ТЕЗЕЙ.

О, пощади, богиня!..

АРТЕМИДА.

Совершилъ ты
Ужасное, но можешь искупить
Свой тяжкій грѣхъ: Киприда эти бѣды
Послала вамъ, чтобъ гнѣвъ свой утолить.
А есть такой обычай у блаженныхъ,
Что на своихъ въ семьѣ боговъ никто
Не возстаетъ, но каждый уступаетъ.

Не то, повѣрь, не стала бы терпѣть
Я, гордая, такого униженья,
Чтобъ изъ людей того, кто для меня
Дороже всѣхъ, невиннаго казнили.
Незнаніемъ оправданъ, человѣкъ,
Ты предо мной,—затѣмъ, что тайну Федра,
Убивъ себя, навѣкъ хотѣла скрыть.
Но какъ надъ нимъ ты долженъ плакать, смертный,
Когда и мнѣ его, богинѣ, жаль!
Не радуютъ боговъ несчастья добрыхъ,
И только злыхъ мы любимъ низвергать.

ХОРЪ.

Вотъ приближается самъ Ипполитъ!.. Посмотрите:
Кровью омочены кудри его золотые,
Раны на тѣлѣ прекрасномъ...
Горе!.. Въ сей день роковой на чертоги Тезея
Боги обрушили два смертоносныхъ удара!..

(Умирающаго Ипполита вносятъ на рукахъ слуги и товарищи.)

ИППОЛИТЪ.

Проклялъ, проклялъ меня безпощадный отецъ!
Умираю... О, тяжко мнѣ, тяжко друзья..
Положите на землю, хочу отдохнуть...
Умоляю васъ, милые, тише
Прикасайтесь ко мнѣ: мои раны болятъ...
Я изъ собственныхъ рукъ васъ поилъ и кормилъ,
Кони, кони! За что вы убили меня?
Кто стоитъ надо мною?.. Тихонько
Подымите еще, положите ровнѣй...
Зевсъ, взгляни на меня! Я такъ вѣрилъ въ боговъ,
Я былъ чистой душой цѣломудреннѣй всѣхъ...
О, за что жъ умираю, невинный?
Я напрасно трудился для блага людей,
И напрасно я чтилъ, Всемогущій, тебя!..
Отойдите друзья!.. Жажду смерти... Скорѣй...

Не могу я терпѣть этой муки...
О, молю васъ, убейте, убейте меня!..
Дайте мечъ, чтобы кончить ударомъ однимъ!..
За вину моихъ предковъ проклятье на мнѣ
Тяготѣетъ... Бѣда собиралась,
Подошла,—и ударъ на невиннаго палъ...
О, когда же наступитъ конецъ и покой?
Обними меня, черная, тихая смерть,
И закрой мои очи навѣки!

АРТЕМИДА.

О, милый мой, для мукъ ты былъ рожденъ
И жить съ людьми не могъ, затѣмъ что слишкомъ
Была для нихъ душа твоя чиста.

ИППОЛИТЪ.

Ты—здѣсь!.. Тебя почувствовалъ я въ мукахъ.
О, вѣянье благоуханныхъ устъ!..
Мнѣ легче... Здѣсь, со мной—моя богиня!

АРТЕМИДА.

Здѣсь та, кого любилъ, мой бѣдный сынъ,
Ты больше всѣхъ боговъ!

ИППОЛИТЪ.

О, Артемида,
Взгляни, какъ я страдаю!

АРТЕМИДА.

Вижу все.
Но слезы лить не должно намъ, блаженнымъ.

ИППОЛИТЪ

Твой вѣрный жрецъ, охотникъ твой погибъ!..

АРТЕМИДА.

Погибъ, кто былъ мнѣ всѣхъ людей дороже...

ИППОЛИТЪ.

Твоихъ коней, твоихъ кумировъ стражъ...

АРТЕМИДА.

И злобная Киприда торжествуетъ!

ИППОЛИТЪ.

Киприда!.. Вотъ кто погубилъ меня!..

АРТЕМИДА.

За то, что былъ ты сердцемъ непороченъ...

ИППОЛИТЪ.

Всѣхъ, всѣхъ троихъ на гибель обрекла...

АРТЕМИДА.

Тебѣ, отцу и Федрѣ отомстила.

ИППОЛИТЪ.

Отецъ... Увы! Я плачу и надъ нимъ...

АРТЕМИДА.

Онъ хитрою богиней былъ обманутъ.

ИППОЛИТЪ *(Тезею)*.

Несчастный!..

ТЕЗЕЙ.

О, дитя мое, дитя,
Погибъ я!.. Нѣтъ мнѣ больше въ жизни счастья...

ИППОЛИТЪ.

Тебя сильнѣй, чѣмъ самого себя,
За все, за все, родимый мой, жалѣю!.

ТЕЗЕЙ.

О, если бъ смерть мнѣ за тебя принять!..

ИППОЛИТЪ.

Ты горькій даръ отъ Посейдона принялъ!

ТЕЗЕЙ.

Когда бъ мои уста не изрекли...

ИППОЛИТЪ.

Ты, все равно, меня убилъ бы въ гнѣвѣ...

ТЕЗЕЙ.

Богами былъ мой разумъ омраченъ!..

ИППОЛИТЪ.

Зачѣмъ проклясть боговъ не могутъ люди!

АРТЕМИДА.

Утѣшься же и вѣрь, когда сойдешь
Въ подземный мракъ, безжалостной Кипридѣ
Я отомщу за сына моего,
За чистое и любящее сердце!
Кто для нея дороже всѣхъ людей,
Того убью стрѣлой неотвратимой,
И дамъ тебѣ я славу на землѣ
Великую въ награду за мученья.
И локоны на память отрѣзать
Надъ мраморомъ твоей могилы тихой,
И слезы долго, долго будутъ лить
О юношѣ прекрасномъ дѣвы, пѣсни
Унылыя слагая въ честь твою,
И о любви къ тебѣ несчастной Федры
Узнаютъ всѣ грядущіе вѣка! *(Тезею.)*
Теперь возьми его, отецъ, въ объятья,
Чтобъ онъ уснулъ на любящей груди.
Ты сдѣлалъ зло невольно: если боги
Того хотятъ,—не можетъ человѣкъ
Не согрѣшить. *(Ипполиту.)*
Забудь и ты обиду,
Дитя мое, не обвиняй отца:
Не онъ,—тебя Судьба лишь погубила.
Но видѣть смерть и очи осквернять
Мученьями не должно намъ, безсмертнымъ.
Я вижу: близокъ твой конецъ,—прости!

ИППОЛИТЪ.

Блаженная, разстанемся навѣки!
Плѣнительный и долгій нашъ союзъ
Безъ горечи покинь ты съ легкимъ сердцемъ.
Прощаю все отцу, какъ ты велишь:
Я былъ всю жизнь тебѣ одной послушенъ!

(Артемида исчезаетъ.)

ИППОЛИТЪ.

Мнѣ темнота ужъ застилаетъ очи... *(Тезею.)*
Дитя свое, родимый, обними!

ТЕЗЕЙ *(наклоняясь и обнимая Ипполита).*

О, что со мной ты сдѣлалъ?..

ИППОЛИТЪ.

Умираю...
Уже врата Аида предо мной...

ТЕЗЕЙ.

Одинъ, одинъ я на землѣ покинутъ,
И кровь на мнѣ родного сына...

ИППОЛИТЪ.

Нѣтъ!
Тебѣ я все прощаю...

ТЕЗЕЙ,

О, дитя,
Ужель простишь убійцѣ?..

ИППОЛИТЪ.

Артемидой
Безгрѣшною клянусь, что я простилъ...

ТЕЗЕЙ.

Увы! Теперь твою любовь я понялъ!..

ИППОЛИТЪ.

Прости... прости... навѣки.

ТЕЗЕЙ.

Горе мнѣ!
О кроткое, незлобивое сердце!..

ИППОЛИТЪ.

Молись, отецъ, чтобъ и другія дѣти
Любили такъ тебя, какъ я любилъ...

ТЕЗЕЙ.

Не покидай меня, еще помедли!..

ИППОЛИТЪ.

Я не могу... Все кончено... Скорѣй...
Скорѣй... покрой лицо мое одеждой...

ТЕЗЕЙ *(покрывая лицо умирающаго).*

Плачь, плачь, народъ!.. Священный градъ Паллады,
Какой погибъ великій мужъ!
(Къ изваянію Афродиты.)
Жестокая! Твой гнѣвъ я буду помнить!

ХОРЪ.

Гражданъ постигла нежданная скорбь.
Долго о немъ будутъ плакать:
Въ сердцѣ людей никогда не умретъ
Память о мужѣ великомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ къ XX и XXI т.т.

Скованный Прометей. Впервые было напечатано въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1891 г., № 1. Въ отдѣльномъ изданіи появилось въ сборникѣ стихотвореній «Символы», изд. А. С. Суворина, СПБ., 1902, стр. 365 — 414. Въ изданіи М. В. Пирожкова—вышло въ текстѣ съ переводами трагедій Софокла и Еврипида въ 1902 г. Отдѣльный книгой было издано М. В. Пирожковымъ въ 1907 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XIV.

Эдипъ - Царь. *Предисловіе къ переводу появляется въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго впервые въ настоящемъ изданіи.* Раньше напечатано было вмѣстѣ съ переводомъ въ журналѣ «Вѣстникъ Иностранной Литературы» за 1894 г., № 1, стр. 5—36, и № 2, стр. 13—34. Вошло въ сборникъ трагедій, изданный въ 1902 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XIV.

Эдипъ въ Колонѣ. Впервые напечатано было въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1896 г., № 7, стр. 22 — 89. Отдѣльнымъ изданіемъ (М. В. Пирожкова) появилось въ 1900 г. Изданіе повторено было въ 1907 г. Вошло въ сборникъ трагедій, изданный 1902 г., Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XIV.

Антигона. Впервые напечатано было въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1892 г., № 4. Вошло въ сборникъ трагедій, изданный въ 1902 г. Въ отдѣльномъ изданіи М. В. Пирожкова появилось въ 1906 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XIV.

Медея. Впервые напечатано было въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1895 г., № 7, стр. 5—58. Вошло въ сборникъ трагедій, изданный въ 1902 г. Въ отдѣльномъ изданіи М. В. Пирожкова появилось въ 1904 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. XIV.

Ипполитъ. Впервые напечатано было въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1893 г., № 1, стр. 5 — 55. Вошло въ сборникѣ трагедій, изданный въ 1902 г. Въ отдѣльномъ изданіи М. В. Пирожкова появилось въ 1904 г. Постановкѣ трагедіи въ Александринскомъ театрѣ въ 1902 г. предшествовало вступительное слово Д. С. Мережковскаго, напечатанное въ газетѣ «Новое Время», № 9560, отъ 15 октября 1902 г. подъ заглавіемъ: «О ноемъ значеніи древней трагедіи».

PG
3467
M4
1914
t.21

Merezhkovskiĭ, Dmitriĭ Sergeevich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY